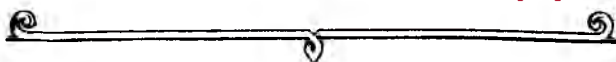

Гельмольд - славянская хроника

Гельмольд

Славянская
Хроника

ГЕЛЬМОЛД

СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Академик М. Н. ТИХОМИРОВ (главный редактор),
В. Д. КОРОЛЮК, С. А. НИКИТИН, К. А. ОСИПОВА,
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, З. В. УДАЛЬЦОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. Д. КОРОЛЮК

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Славянская хроника»¹ Гельмольда — один из немногих средневековых памятников, содержащих сведения по истории прибалтийских славян. Она является как бы продолжением известного труда Адама Бременского «Деяния гамбургских архиепископов». Описав в ней события за период, освещенный и у Адама, Гельмольд продолжил свое изложение, закончив его 1171 г. Подобно Адаму Бременскому, он касается в своей «Хронике» истории лишь некоторых прибалтийских славянских племен, а именно: вагров, бодричей, полабов, ран и в меньшей степени черзепяня и хижан.

Название труда Гельмольда не совсем соответствует содержанию. В «Славянской хронике» славяне занимают хотя и значительное, но не самое большое место (из 108 глав 31 главу целиком и некоторые части из 23 глав). Большая часть «Хроники» отведена истории Германии, Дании, истории церкви, жизнеописанию отдельных ее представителей. Поэтому «Хроника» представляет интерес и для историков — специалистов в этих областях, а не только для историков-славистов.

Сведения об авторе «Хроники» можно почерпнуть в сущности лишь из его собственного труда. Родился Гельмольд, как можно приблизительно вычислить, около 1110, может быть, 1117 г. Гельмольд — немец по происхождению, но ме-

---

¹ Далее всюду сокращенно: «Хроника».

сто его рождения установить трудно. Едва ли это была Голштиния, или, применяя его терминологию, земля гользатов, и едва ли был он саксом. Из «Хроники» не видно, чтобы гользаты или саксы были его соотечественниками. Детские и юношеские годы Гельмольда прошли в селекции Незенне, в земле вагров (кн. I, гл. 14) ². Таким образом, он со сравнительно раннего возраста жил среди славян или в непосредственной близости от них, был свидетелем их жизни, слышал и, вероятно, знал их язык. Где Гельмольд получил образование, неизвестно. Едва ли можно присоединиться к мнению одного из переводчиков его «Хроники», Я. Паплоньского, и его издателей, И. Лаппенберга и Б. Шмейдлера ³, считавших, что он получил духовное образование в Брунсвике (Брауншвейге), потому что он называет епископа Герольда своим наставником (Предисловие к книге I) и сообщает вместе с тем, что Герольд был наставником школы в Брунсвике (I, 79). Но ведь Гельмольд мог называть так Герольда и независимо от того, был ли тот его учителем по школе. Во всяком случае Гельмольд получил, видимо, неплохое для того времени образование. Он хорошо знал Библию, о чем свидетельствуют многочисленные цитаты из нее в «Хронике», и, вероятно, классических авторов, на что указывает, например, упоминание им «Ахиллеиды» Стация (I, 42).

Куда по окончании учения был определен Гельмольд, тоже неизвестно. Единственное, что засвидетельствовано им самим,— это то, что он был пресвитером в Бузу на Плуньском озере (Вагрия) и являлся одним из ближайших

---

² Далее при ссылках на хроники Гельмольда, Адама и др. подобные обозначения даются сокращенно, например, I, 14, где римская цифра обозначает книгу, арабская — главу.

³ «Helmolda Kronika slawiańska z XII wieku». Przełożył J. Papłoński. Warszawa, 1862, str. XII; «Helmoldi Chronica Slavorum». Hannoverae, 1868, p. I; «Helmoldi Cronika Slavorum». Hannoverae et Lipsiae, 1909, p. VI.

сподвижников епископа Герольда, но с каких пор находился он там и где был до этого, неясно.

Существует предположение, что сразу по окончании школы Гельмольд удалился в Фальдерский монастырь, о котором он часто упоминает в «Хронике»⁴. Едва ли это верно. В Фальдере он, безусловно, находился в то время, когда приехавшего в этот монастырь епископа Вицелина разбил паралич, т. е. в 1152 г. Недаром он так подробно описывает его страдания и ходившие среди духовенства слухи о его болезни (I, 75). Но в каком качестве находился он там,— был ли он членом конгрегации в Фальдере или прибыл сюда в свите Вицелина,— это трудно сказать. Скорее, пожалуй, второе, так как он неодобрительно отзывается о фальдерцах (I, 79). Едва ли бы это было возможно, если бы Гельмольд сам входил в их число. В пользу предположения, что он стоял близко к Вицелину, говорит грамота Вицелина от 1150 г., в которой среди свидетелей упомянут дьякон Гельмольд⁵.

Правильнее было бы считать, что и до назначения в Бузу Гельмольд находился в Вагрии и был связан с одним из пунктов христианизации этой земли. Основанием для этого является глава 79 книги I, в которой рассказывается, как жена Генриха Льва, герцогиня саксонская, направляет Герольда в Вагрию для избрания его в епископы вместо скончавшегося Вицелина и как желание государя было единодушно поддержано духовенством и народом вагрской земли. В состав вагрского духовенства входил, очевидно, и Гельмольд, потому что, повествуя дальше о Герольде в той же главе, он называет его «наш избраннык».

---

⁴ «Helmoldi Chronica», p. I; «Helmoldi Cronica», p. VIII.

⁵ «Urkundensammlung d. Schleswig-Holstein Lauenburgischen Gesellschaft für vaterländische Geschichte», B. I., 1839, N 89. Эта грамота между прочим, дала Шмейдлеру основание отнести год рождения Гельмольда к 1125 г., так как, по каноническому праву, дьяконом можно было стать в возрасте 25 лет («Helmoldi Cronica», p. VI). Но нам ведь неизвестно, когда именно Гельмольд стал дьяконом.

Тесно связанный раньше с Вицелином, после его смерти, в 1154 г., Гельмольд, видимо, становится ближайшим сподвижником Герольда. Из «Хроники» видно, что с первых же шагов деятельности Герольда он всюду его сопровождает: помогает ему при совершении богослужения в Старгарде, присутствует вместе с ним на приеме у князя Прибислава, совместно с епископом разрушает языческую святыню вагров и т. д. (I, 82, 83). Очевидно, в 1156 г. Герольд же ставит его пресвитером в Бузу, куда до него был назначен Вицелином Бруно (I, 75).

После смерти Вицелина Бруно ушел из Бузу и вообще из Славии (I, 83). Ушел он, очевидно, в Фальдерский монастырь, находившийся на территории Голштинии. Именно из этого монастыря вызывает Бруно Герольд и ставит его в Альденбург (I, 83). А одновременно или раньше назначает Гельмольда в Бузу на покинутое Бруно место. Во всяком случае в 1163 г., когда епископ Герольд умирает в Бузу, Гельмольд находится там и принимает, так сказать, последний вздох своего покровителя (I, 94).

Сам Гельмольд скончался после 1177 г. Об этом свидетельствует грамота епископа любекского Генриха, преемника Конрада, от 1177 г., в которой упоминается пресвитер Гельмольд⁶.

Д. Н. Егоров в свое время охарактеризовал Гельмольда как скромного, немудрящего, окраинного клирика⁷. Однако это было не совсем так. Конечно, по сравнению с Гамбургом или Мерзебургом, где протекала деятельность таких хронистов, как Адам Бременский и Титмар, резиденция Гельмольда была глухой окраиной, а сам Гельмольд занимал очень скромное положение. Но захолустная деревушка была в то время одним из важных пунктов христианизации славянской страны, своего рода филиалом штаба, который на-

---

⁶ «Urkundensammlung...», В. I, 1839, N 136.

⁷ Д. Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII веке. М., 1915, г. I, стр. 8.

ходился в Гамбурге. И руководство таким пунктом едва ли могло быть доверено «немудрящему» человеку. Кроме того, на то, что Гельмольд был незаурядным и даже одаренным человеком, выделявшимся из массы духовенства, насаждавшего христианство в вагрской земле, указывает то обстоятельство, что именно его, а не кого-нибудь другого убеждал епископ Герольд взяться за написание «Хроники». Об этом сам Гельмольд сообщает в конце Предисловия к книге I «Хроники». Большой интерес для характеристики Гельмольда представляет Предисловие к книге II. Изложенные в нем рассуждения хрониста на тему о том, как пишутся исторические труды, просто делают ему честь.

О побуждениях, руководивших автором при составлении «Хроники», мы узнаем из Предисловия к книге I. Гельмольд посвящает свою «Хронику» Любекскому, в недавнем прошлом Альденбургскому (Старгардскому) епископству, с которым он был связан всю свою жизнь и в ведомство которого входил его приход в Бузу. Задача его — описать во славу епископства историю обращения славянского населения в христианство, «а именно усердием каких государей и пастырей была сначала насаждена, а позднее восстановлена в этих странах христианская религия». Цель Гельмольда — прославить тех, «кто в разные времена делом, словом, а многие и пролитием своей собственной крови просвещали славянскую страну».

Действительно, тема «просвещения», обращения в христианство, занимает большое место в «Хронике». Но всего ее содержания она не исчерпывает. Очевидно, приступив к работе или в процессе ее, Гельмольд несколько изменил свое первоначальное намерение и расширил рамки своего труда. Славяне остались в центре его внимания, но, повествуя об их обращении в христианство, он рассказывает об обращении и других народов — саксов (I, 3, 47), датчан (I, 8, 9, 15), шведов (I, 5), и в дополнение к этому вводит вторую тему — описание военных действий, походов немецких и отчасти датских феодалов против славян (I, 4, 9, 39, 56, 57, 65,

68, 71, 87, 88, 92; II, 4, 12). И, таким образом, из задуманного труда по истории христианизации славянских племен — вагров, бодричей, полабов и других — «Хроника» Гельмольда превратилась в историю вообще наступления немецких феодалов на эти племена, наступления, осуществлявшегося и путем вооруженных нападений на них с последующим захватом их земель и путем насильственного обращения их в христианство.

Помимо этого Гельмольд, хотя и не очень много, и в очень скурых словах, рассказывает и о самих славянах — об их князьях (I, 14, 15, 19, 25, 26, 34, 37, 48, 71, 83), об их языческих верованиях, обрядах и обычаях (I, 52, 69, 83), описывает некоторые свойственные им качества (I, 52), некоторые черты их быта (I, 82). А самое ценное — Гельмольд много места отводит описанию борьбы славянских племен за свою независимость, выступлений их против своих угнетателей (I, 35, 55, 56, 62—64), выступлений, выливавшихся зачастую в грандиозные восстания (I, 16, 22—24; II, 2—4).

Эккурсы в историю Германии и Дании иногда увязываются в «Хронике» с историей славян, и тогда их наличие вполне обосновано. Таковы, например, глава 49 книги I, рассказывающая о Кнуде-Лаварде, датском королевиче, получившем от германского императора Лотаря после смерти Генриха и гибели его сыновей Бодрицкое королевство; или глава 54, в которой описываются поход императора Лотаря в Италию, неожиданная смерть его, распри между Генрихом Гордым и Альбрехтом Медведем из-за Саксонского герцогства. Хронист поясняет при этом, что «тогда пошатнулись дела церковные в славянской земле». Тем более оправданы разделы «Хроники», излагающие по существу историю церкви, т. е. историю христианской церкви на землях прибалтийских славян. Это касается глав, посвященных отдельным альденбургским епископам, начиная с первых (I, 12, 13, 17, 18) и кончая Герольдом и Конрадом, с которыми Гельмольд непосредственно соприкасался (I, 79, 80, 82, 83, 93, 94; II, 1,

9, 11). Это относится и к таким главам книги I, как, например, 11, где рассказывается об основании Магдебургского архиепископства и его суфраганов; или 22, в которой сообщается о разделении Альденбургского епископства на три; или 69, повествующей о восстановлении этих трех, разрушенных в 1066 г., епископств.

Все эти разделы теснейшим образом связаны с основной задачей Гельмольда прославить тех пастырей, усердием которых была насаждена, а впоследствии, после падения язычества, восстановлена христианская вера среди славян.

Но в «Хронике» имеется и ряд глав, излагающих историю Германии или Дании, стоящих вне всякой связи с ее задачей и основным содержанием. Сюда надо отнести главы (I, 27—33), дающие фактически историю Генриха IV: начало его правления, отмеченное заговором саксонских феодалов против юного короля, далее известный конфликт между императором и папой Григорием VII, низложение Генриха, борьбу его с сыном и, наконец, смерть его. Правда, заканчивая этот цикл глав, Гельмольд пытается оправдать свое столь долгое удаление от истории славян тем, что все описанные здесь события послужили якобы главной причиной отпадения славян от церкви, но это его заявление не находит себе подтверждения в им же излагаемых событиях из истории славян.

Так же трудно объяснить, почему Гельмольд излагает историю датского королевского дома (I, 50, 51), описывает борьбу Генриха Льва за Баварское герцогство (I, 72), а тем более посвящает специальную главу такому эпизоду, как «повешение веронцев» Фридрихом Барбароссой (I, 81).

Но, несмотря на все эти экскурсы, уводящие иногда очень надолго в сторону, главная тема — история наступления немецких феодалов на славян — не затмевается и красной нитью проходит через всю «Хронику».

«Хроника» разделяется на две книги, каждая из них на главы. Большая часть глав имеет заглавия, правда, не всегда полностью отвечающие их содержанию. Книга I закан-

чивается смертью епископа Герольда (1163), книга II начинается с возведения в сан епископа альденбургского Конрада и заканчивается событиями 1171 г.

Может быть, в первоначальном виде «Хроника» представляла собой одну только книгу. Но события, последовавшие за смертью покровителя нашего хрониста, епископа Герольда, заставили Гельмольда написать впоследствии вторую книгу. Возможно, что ему пришлось испытать на себе то отношение к духовенству со стороны нового епископа Конрада, которое он обрисовывает в главе I книги II в таких словах: «...он вначале с большой суровостью обращался с духовенством... начиная от самых главных лиц, которые пребывали в церкви в Любеке, и кончая последними, которые жили в деревне... и тех, кого ему хотелось притеснить, он или отстранял от службы, или отлучал от церкви».

Можно предположить, что Гельмольд тоже подвергся притеснению со стороны Конрада и ему угрожало отстранение. Однако опала, постигшая самого епископа (II, 9), спасла Гельмольда. Вернув себе милость герцога, Конрад «стал совсем другим человеком» (II, 11). Переводчик «Хроники» на польский язык Я. Паплоньский, исходя из того, что Конрада Гельмольд изображает в невыгодном свете, считал, что он закончил свою «Хронику» после смерти епископа, т. е. после 1172 г.⁸ Это предположение, по-видимому, правильно, но в него следует внести некоторое уточнение: после 1172 г. Гельмольд не закончил свою «Хронику», а написал вторую ее книгу. Очевидно, избежав грозивших ему неприятностей, но чувствуя себя при Конраде и после его смерти неуверенно, он пишет небольшое (всего 14 глав) продолжение своего труда и преподносит его епископству как новый дар в надежде, что за это и для него «какая-нибудь выгода произойдет от молитв великих мужей» (Предисловие к книге II). Отсюда понятными становятся рассуждения Гельмольда о том, как следует писать исторические труды — беспристрастно, не отклоняясь от истины в

⁸ «Helmolda Kronika sławiańska...», str. XII.

стремлении угодить сильным мира сего (Предисловие к книге II). Хронист как бы оправдывает ими книгу I своей «Хроники», очевидно, кому-то не пришедшуюся по вкусу, и заверяет, что и в книге II он будет непоколебимо стоять на страже истины.

«Хроника» Гельмольда имеет один большой недостаток, затрудняющий пользование ею. В отличие от Адама Бременского, тщательно датирующего описываемые события, Гельмольд даты проставляет чрезвычайно редко. Из громадного количества крупных и мелких событий, совершившихся на протяжении от VIII (эпоха Карла Великого) почти до XIII в., датировано не более 50—60. В подавляющем большинстве случаев Гельмольд датирует такие события, как кончины германских королей и императоров, датских королей, вступления на престол их преемников, смерти крупных феодалов, кончины или вступления в должность пап, гамбургских архиепископов, альденбургских епископов. Очень редко датируются битвы, взятия городов, сеймы. События славянской истории, за исключением нескольких единичных случаев, дат не имеют.

Как сказано выше, «Хроника» охватывает период от VIII в. до 1172 г. Совершенно ясно, что если при изложении событий, начиная с 1137 или 1140 г. (I, 55 и дальше), Гельмольд мог писать как очевидец или прибегая к рассказам своих современников, то для освещения более раннего периода он вынужден был пользоваться какими-то иными источниками. Сам Гельмольд о них не упоминает. Но в результате анализа текста было установлено, что из первых 24 глав «Хроники», излагающих события, кончая 1066 г., 22 главы заимствованы из «Деяний гамбургских архиепископов» Адама Бременского. Это не означает, что Гельмольд просто переписал нужные ему главы. Кроме одного случая, когда полностью использована глава из «Хроники» Адама, причем она не переписана, а пересказана своими словами, все другие заимствованные главы представляют собой каждая как бы сложную мозаику, объединение

бóльших или меньших отрывков, взятых из разных глав Адама, с добавлением временами собственного текста. Читатель может легко убедиться в этом из примечаний к тексту перевода⁹.

Кроме того, надо заметить, что Гельмольд никогда не заимствует буквально — он перефразирует текст, делает вставки от себя¹⁰.

Цитаты, полностью соответствующие оригиналу или незначительно измененные, при переводе выделены кавычками. Отрывки, заимствованные из Адама, но значительно измененные Гельмольдом, оговорены в примечаниях.

Издатель «Хроники» Гельмольда И. Лаппенберг, а вслед за ним Д. Н. Егоров указывают, помимо Адама, и другие источники, которыми Гельмольд мог пользоваться и, по-видимому, действительно пользовался, не упоминая об этом. Они имеют в виду жития епископов бременского Виллегада, гамбургско-бременского Анскария, Вицелина и др., а для разделов, излагающих историю Генриха IV, — ряд анналов, как «*Annales Disibodii*», «*Annales Rosenfeldenses*», «*Annales Palidenses*»¹¹.

Документального материала, грамот, как единодушно признается в литературе, Гельмольд для своей «Хроники» не использовал. Однако из «Хроники» его следует, что о существовании некоторых, имевших для него несомненное значение, документов он знал. В главе 89 книги I он отмечает, что привилегии, полученные Любекским епископством, хранятся в Любекской церкви. В одном только случае Гельмольд все-таки привлекает и целиком приводит документ. Мы имеем в виду главу «О десятине голызатов» (I, 91), в

---

⁹ При указании на «Хронику» Адама использовано последнее издание, изд. Б. Шмейдлера: «*Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*». Ed. 3. Hannoverae et Lipsiae, 1917 (далее: Адам).

¹⁰ О способе использования Гельмольдом «Хроники» Адама см. Д. Н. Егоров. Указ. соч., стр. 21—22, 25—28.

¹¹ «*Helmoldi Chronica*», р. 4; Д. Н. Егоров. Указ. соч., стр. 7.

которую вставлено послание епископа Герольда гользатам, увещающее их платить ему десятины¹².

Несомненно, что Гельмольд в оригинальной части своей «Хроники» широко использовал устную информацию. Ссылки на нее часто встречаются в его труде. Описание битвы между герцогом саксонским Магнусом и славянами в 1093 г. (I, 34) он дает по рассказу тех, «отцы которых принимали участие в этой битве». «От вернувшихся я слышал», — пишет он (II, 13), повествуя о продаже пленных датчан на рынке в Мекленбурге. Иногда он ссылается на заслуживающих доверия лиц (I, 69), на «многих, кто дожил до наших дней» (I, 41) и т. д.

Очевидно, многие сведения Гельмольд почерпнул из рассказов и воспоминаний епископа Вицелина, братии монастырей в Фальдере и Кузелине, епископа Герольда и др.

Однако все вышесказанное не отвечает до конца на основную вопрос, волнующий специалистов по истории славян, обращающихся к «Хронике» Гельмольда: откуда Гельмольд взял данные по истории славян, сравнительно подробно изложенной им в оригинальной части его «Хроники»? Если о крестовом походе против славян в 1147 г. (I, 62—65), о смерти Никлота (I, 87), о нападении в 1168 г. датчан на Аркону и уничтожении идола Святовита (II, 12) Гельмольд мог писать, потому что всему этому он был современником, то на основе чего и вполне ли достоверно он написал столь пространно о сыне Готшалка, Бутуе, о борьбе его с Крутом, о княжении Крута, о Бодрицком государстве Генриха, походах Генриха против ран (руян)? К сожалению, этот вопрос остается пока без ответа, а перед исследователями открывается широкое поле для более или менее обоснованных догадок.

Гельмольд, аттестуя себя в Предисловии к книге II как ревнителя истины, не поддающегося под влияние сильных мира сего и беспристрастно описывающего все, что он ви-

---

¹² Об использовании Гельмольдом грамот см. Д. Н. Егоров. Указ. соч., стр. 15—21.

дел и слышал, в действительности таким не был. «Хроника» его была и не могла не быть тенденциозной.

Представитель рядового духовенства, человек, по всей видимости, далеко не знатного происхождения, Гельмольд еще более зависел от высших представителей власти как духовной, так и светской, чем его непосредственные покровители — епископы альденбургские. А насколько те зависели, легко убедиться, заглянув в главы, рассказывающие о мытарствах сначала Вицелина, потом Герольда (I, 69, 70, 79, 82). Естественно, что Гельмольд, дорожа своим положением, вынужден был изображать события так, как это было угодно и приятно вышестоящим лицам и в первую очередь герцогу саксонскому, Генриху Льву, графу Голштинии, Адольфу, а также своим непосредственным начальникам, епископам любекским (альденбургским). В силу такой зависимости хрониста победы над славянами, описываемые в «Хронике», даются немецким феодалам по преимуществу легко. Генрих фон Бадвид, напав на славян, нанес им сильное поражение и в результате одного лишь нападения опустошил всю их землю грабежами и пожарами (I, 56). Генрих Лев «когда бы ни простер руки своей на славян», они немедленно отдают ему все, чего он только ни потребует (I, 68). В угоду герцогу и для вящего его возвышения датский король Вольдемар, совершивший нападение на ран и не поделившийся взятой добычей с герцогом, изображается Гельмольдом в неблагоприятном свете: «...короли данские, ленивые и распущенные, всегда нетрезвые среди постоянных пиршеств...», и славяне нападение данов... «ни во что не ставят». Одного только герцога они боятся, ибо это он «подавил силу славянскую с большим успехом, чем все герцоги, до него бывшие..., надел узду на челюсти их» и управляет ими, как хочет, объявляет мир, и они повинуются; объявляет войну, и они говорят: «мы готовы» (II, 13). Голштинский граф Адольф возводится чуть ли не в сан святых (II, 5). В «Хронике» часто говорится о «ярости» славян, о мучениях, которые они причиняют христианам (см., например, I, 83).

Походы же немецких феодалов против славян часто рисуются так, словно это было возмездие за славянскую неверность. Показательны результаты походов в представлении Гельмольда: «уничтожили все огнем и мечом», «опустошили всю землю», «обратили в пустыню». Зачастую успехи немецкого оружия явно преувеличены.

Еще более, чем светские феодалы, идеализируются епископы, священники и прочие представители духовенства, насаждавшие христианство среди язычников — славян, саксов и северных народов. Жизнеописания Вицелина и Титмара превращаются в подлинные жития святых со всеми свойственными им признаками — пророческими снами, прижизненными подвигами, чудесами и явлениями после смерти (I, 42, 44—47, 58, 66, 73, 74, 78).

Немецкий историк К. Ширрен в свое время выдвинул мнение, что Гельмольд, сознавая якобы непрочность положения молодой Любекской церкви в связи с пошатнувшимся положением ее покровителя, Генриха Льва, написал свою «Хронику» с целью доказать древность прав Любекского — Альденбургского епископства на его владения и доходы и обрисовать в самом выгодном свете заслуги его при обращении в христианство язычников. Это, конечно, придало тенденциозный характер его «Хронике». Для осуществления своей задачи Гельмольду пришлось исказить факты, прибегать к выдумкам. Так, например, чтобы доказать первенство Альденбургского епископства перед другими по времени образования, ему пришлось даже изменить в нужном ему направлении заимствованный у Адама Бременского рассказ об основании епископства. Если у Адама первым епископом альденбургским назван Эквард, то наш хронист делает его вторым, изобретая не существовавшего в действительности первого епископа Марка и тем самым передвигая основание епископства на более раннее время¹³.

¹³ C. Schirren. Beiträge zur Kritik älterer holsteinischer Geschichtsquellen. Leipzig, 1876, S. 78—81.

Другое объяснение появления епископа Марка см. в кн.: Д. Н. Егоров в. Указ. соч., стр. 30—32. См. также наст. изд., кн. I, гл. 12, прим. 1.

Принять гипотезу Ширрена мешает то обстоятельство, что нам придется тогда отодвинуть написание Гельмольдом *всей* его «Хроники» на годы 1177—1178, когда положение Генриха Льва действительно пошатнулось. Между тем есть основание предполагать, что Гельмольд начал писать книгу I еще при жизни Герольда, уговаривавшего его этим заняться, т. е. до 1163 г., или вскоре после его смерти; когда он кончил ее, трудно, конечно, сказать, но, по-видимому, около 1168 или 1170 г. Лет пять ему, вероятно, потребовалось для написания такого труда. А к книге II он приступил после некоторого перерыва и написал ее после смерти епископа Конрада, т. е. в 1173—1175 гг. Годы полтора-два — срок достаточный для написания 14 глав, содержащих описание событий, современных хронисту. Если бы мы приняли гипотезу Ширрена, то поставили бы себя в необходимость считать, что весь объемистый труд Гельмольда, состоящий из 108 глав и охватывающий события почти за четыре столетия, был написан им в течение очень короткого срока, в годы 1178—1179, т. е. годы, относительно которых мы даже не уверены, был ли Гельмольд тогда еще жив. Едва ли мы имеем на это право.

Тенденциозность повествования Гельмольда о заслугах Альденбургской церкви и ее представителей в насаждении христианства среди славянских и других племен сомнений, конечно, не вызывает, и это следует учитывать.

Особенно ярко проявилась тенденциозность «Хроники» в изображении блестящих результатов наступления немецких светских и духовных феодалов на славян.

Воодушевление, с которым Гельмольд рассказывает о деятельности миссионеров среди язычников-славян, создает впечатление, словно проповедь их имела большой успех и славяне массами обращались в христианство, а страна их покрылась церквями и монастырями (см., например, I, 83).

Победоносные походы немецких феодалов и их политика в отношении славян, если судить по «Хронике», привели к

полному исчезновению, истреблению последних. Вагры сначала «постепенно убывали» (I, 83), а в 1159 г. герцог саксонский в наказание за то, что они нарушили его приказ не нападать на Данию, приговорил их к изгнанию (I, 86 и 87). Их земля опустела, «славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли... народы сильные и бесчисленные и получили славянские земли» (I, 88). Та же участь постигла и Бодричей. После разгрома восстания 1164 г. они бегут в землю поморян, «не имея смелости где-нибудь остановиться из страха перед герцогом» (II, 4), — «вся земля Бодричей и соседние области... были целиком обращены в пустыню. И если еще оставались какие-нибудь последние обломки от народа славянского, то... они вынуждены были толпами уходить к поморянам или в Данию» (II, 5).

Изображая события в таком свете, особенно рисуя последствия агрессии немецких феодалов против славян-язычников и успехи насаждения у них христианства, Гельмольд был искренен. Несмотря на разницу в социальном положении между ним и его покровителями, он принадлежал к их лагерю. Немец и христианин, как и они, воспитанный с детства в пренебрежении к славянам, в презрении к язычникам-варварам, он их глазами смотрел на коренное население захваченных немецкими феодалами земель.

Поэтому искренним и подлинным ликованием звучит последняя глава «Хроники», подводящая итоги многолетней борьбы немецких феодалов со славянами.

Однако было бы несправедливым обвинять Гельмольда в полном отсутствии объективности. Не только одни достоинства видит он у героев своего повествования — светских феодалов и отцов церкви, — но отмечает их недостатки и неудачи. Когда, вслед за Адамом Бременским, он упрекает герцогов саксонских в том, что они мучили свой народ грабежами (I, 13) или тяжко угнетали славянский народ (I, 16, 18, 21, 25), или не скрывает, что герцог Ордульф во

все время своего правления никогда не мог одержать над славянами победы (I, 24), то это еще не так показательно,— все это для Гельмольда дела давно минувших дней. Гораздо больше говорят о его объективности те страницы «Хроники», где он решается писать правду о своем современнике, герцоге Генрихе Льве, подчеркивает его жадность, стяжательство (I, 68, 73), честолюбие (I, 69, 70), рисует ненависть и зависть, разделяющие герцога и хитрого, чванного архиепископа Гартвига: «Оба спорили о том, кому принадлежит страна, кому — право ставить епископов, и оба неусыпно следили за тем, чтобы ни один из них не уступал ни в чем другому» (I, 75).

Вместе с тем Гельмольд не умалчивает о сопротивлении, которое оказывали славяне своим угнетателям, об их мужестве и отваге, описывает их упорную борьбу за независимость, поражения, которые они наносили своим врагам. Выступления славян против немцев-агрессоров описываются едва ли не с большей подробностью, чем походы последних против славян (ср., например, I, 63, 64, 87 и I, 68, 88).

Гельмольд не скрывает, что зачастую славяне оказывались очень серьезным и опасным противником, с которым трудно было совладать даже такому прославленному военачальнику, как Генрих Лев, а сподвижники его просто становились втупик (I, 92; II, 4). В подлинном свете, без всяких прикрас описал Гельмольд крестовый поход против славян в 1147 г. (I, 65), принесший лишь «умеренный успех» крестоносному войску.

Стремление угодить своим светским и духовным начальникам, с одной стороны, и невозможность (или нежелание) скрывать истинное положение дел, с другой стороны, часто приводят Гельмольда к противоречию. Так, например, граф Адольф рисуется им как человек, относящийся всегда благосклонно к духовенству, не допускающий, чтобы его кто-нибудь обидел (I, 62). А дальше рассказывается, как этот же граф, обидевшись на Вицелина за то, что тот принял назна-

чение в епископы от архиепископа гамбургского Гартвига, не испросив на то согласия его и герцога, отнимает у него все десятины (I, 69).

Таких противоречий можно привести очень много¹⁴, но, пожалуй, ярче всего они выступают в изображении Гельмольдом результатов немецкой агрессии против славян. Выше отмечено, что результаты эти изображены как весьма успешные: славяне якобы совершенно искоренены, уничтожены или изгнаны, но в то же время мы узнаем, что герцог велит «славянам, которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан», платить десятины епископу Герольду (I, 87) или что полабы и бодричи (все еще, оказывается, живущие здесь) аккуратно платят не в пример гользатам десятины (I, 91). И вообще, можно ли говорить об искоренении, изгнании славян, когда живут и существуют сыновья Никлота (I, 92) и вместе со своими соотечественниками ведут упорную борьбу за свою независимость (I, 92; II, 2, 3, 4), когда в 1164 г. славяне организуют грандиозное восстание против угнетателей (II, 5, 6)¹⁵.

То же надо сказать и о картине обращения славян в христианство, нарисованной в «Хронике». Успехи христианизации оказываются совсем незначительными, и вообще сомнительно, можно ли говорить об успехах. Проповедь Вицелина среди вагров имеет лишь тот результат, что «немногие из славян обратились к вере» (I, 69). Во время богослужения, совершавшегося Герольдом в Старгарде, в церкви, кроме князя и еще нескольких человек, никого из славян не было (I, 82). Опорой христианской церкви в славянских землях являются вообще не столько сами славяне, сколько колонисты (I, 87, 88, 91).

---

¹⁴ См. Д. Н. Егоров. Указ. соч., стр. 69—81.

¹⁵ О несостоятельности версии в «Хронике» о так называемом искоренении славян см. Д. Н. Егоров. Указ. соч., стр. 75—78; Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943, стр. 42.

О языке «Хроники» существуют разноречивые мнения. Первый издатель ее С. Шоркелиус (1556 г.) считал язык Гельмольда грубым, неотесанным, кое-где даже «недостаточно латинским». Позднейшие исследователи (Лаппенберг, Онезорге и др.), напротив, отзывались о нем весьма положительно. Самой удачной представляется нам характеристика языка «Хроники», данная Д. Н. Егоровым. Он определяет его как церковнолатинский язык, типичный для образованных людей средневековья, язык, выработавшийся на основе длительного изучения и освоения Библии, своеобразный литературный язык¹⁶. И, действительно, достаточно сопоставить несколько глав «Хроники» с любыми главами из Библии, чтобы убедиться, насколько близок язык Гельмольда языку последней. Гельмольд почти все предложения, подобно тому как это делается в Библии, начинает с *et, itaque*; его текст изобилует многочисленными библейскими изречениями и оборотами типа *enim, tunc, igitur, inquam, in ore gladii, locutus est dicens, cum manu forti, ad sedes suas*.

Кроме того, в «Хронике» выдержан ритм, свойственный тексту Библии. Эту особенность языка и стиля «Хроники» мы постарались, по возможности, сохранить при переводе.

Библия, несомненно, оказала громадное влияние на стиль и язык «Хроники». Да и понятно, — человек, получавший духовное образование, привыкал мыслить библейскими штампами и на каждый случай жизни находил в Библии нужную цитату. В «Хронике» много таких цитат. Они отмечены в примечаниях. Указания эти сделаны по изданию «Хроники» Лаппенбергом (изд. 1868 г.)¹⁷.

Подобно другим немецким хронистам, Гельмольд неумело справляется с транскрипцией трудных для него славянских названий. Если названия славянских племен за очень небольшими исключениями даются им едино-

¹⁶ Д. Н. Егоров. Указ. соч., стр. 116.

¹⁷ «Helmoldi presbyteri Chronica Slavorum». Hannoverae, 1868.

образно, то в написаниях топонимических названий, особенно названий городов, наблюдается разнობой; такой же разнობой — и в написании немецких названий, не говоря уже о датских. В этих случаях все употребляющиеся Гельмольдом транскрипции указываются в примечаниях при первом упоминании того или иного названия.

В квадратных скобках даны редакционные добавления, необходимые для облегчения чтения текста.

Оригинал «Хроники» не сохранился. Самый ранний из дошедших до нас списков относится к концу XIII в. Он принадлежал синдику Любека, Мартину Бекелию. Список написан на пергаменте и, кроме «Хроники» Гельмольда, содержит еще труд его продолжателя, Арнольда¹⁸. Этот список хранится в библиотеке университета в Копенгагене. Второй список, XV в., тоже содержит обе «Хроники» и хранится в Любекской библиотеке; третий, XVII в., — находился в Щецине. Наиболее полным был список, принадлежавший Х. Дистельмейеру. Он содержал предисловие к книге I, в других списках отсутствующее. Эта рукопись была утрачена, текст ее сохранился благодаря тому, что был использован одним из издателей «Хроники». Кроме перечисленных, существовало еще несколько списков, впоследствии утраченных¹⁹.

Впервые «Хроника» Гельмольда была издана Шоркеллиусом и напечатана во Франкфурте в 1556 г. В основу издания положен список Бекелия. Это издание было без изменений повторено в 1573 г. В 1581 г. вышло второе издание. Оно принадлежало Р. Рейнециусу и называлось «*Chronica Slavorum seu Annales Helmoldi presbyteri Buzoviensis in agro Lubecensi*», напечатано оно было тоже во Франкфурте. Издатель использовал для него рукопись Любекской библиотеки и рукопись, принадлежавшую Дистельмейеру.

---

¹⁸ Аббат Любекской церкви Арнольд продолжил труд Гельмольда, доведя описание событий до 1209 г.

¹⁹ Сведения о рукописях взяты из предисловий Лаппенберга и Шмейдлера к их изданиям.

Издание снабжено большим предисловием. В книге I, начиная с главы 35, которая ошибочно названа 36, нумерация глав не соответствует подлиннику.

Третье издание было осуществлено в 1659 г. в Любеке Г. Бангертом и носило название: «*Chronica Slavorum Helmoldi presbyteri Bosouiensis et Arnoldi abbatis Lubicensis in quibus res Slavicae et Saxonicae fere a tempore Caroli Magni usque ad Ottonem IV exponuntur*». Для него были использованы рукописи Бекелия, Любекская, Щецинская и предшествовавшие издания. Кроме предисловия, издание было снабжено подстрочными, часто весьма пространственными примечаниями. В конце книги приведены разночтения в рукописях и различных изданиях, имеется указатель имен и географических названий.

Первое научное издание «Хроники», основанное на критическом изучении существующих рукописей и всех предыдущих изданий, было подготовлено И. Лаппенбергом²⁰. В его предисловии сообщаются биографические данные о Гельмольде, указываются существующие списки «Хроники» и даются сведения о ее изданиях; главы в «Хронике» впервые получили названия. В подстрочных примечаниях указаны установленные Лаппенбергом источники, использованные Гельмольдом, в частности, все заимствования из Адама Бременского. Тут же отмечены издателем цитаты из Библии и приведены объяснения многих имен и географических названий, указаны часто отсутствующие у Гельмольда даты событий.

Последнее издание «Хроники» вышло в 1909 г. и принадлежит Б. Шмейдлеру²¹. В предисловии к нему Шмей-

---

²⁰ «*Helmoldi presbyteri Chronica Slavorum*». — «*Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum*». Hannoverae, 1868. См. также в «*Monumenta Germaniae Historica*», t. 21. Hannoverae, 1869.

²¹ «*Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum*». Editio secunda. Post Y. M. Lappenberg recognovit B. Schmeidler. Hannoverae et Lipsiae, 1909. — «*Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum*», N 41.

длер уделил много места биографии Гельмольда. Текст снабжен подстрочными примечаниями двойного содержания: в одних, как и у Лаппенберга, даются сведения об источниках, отмечены цитаты из Библии, раскрыты некоторые даты, географические названия и имена, в других приводятся разночтения по рукописям и предшествующим изданиям. Нумерация глав до главы 78 совпадает с нумерацией в издании Лаппенберга, глава 78 разделена на две части, из которых вторая идет под самостоятельным номером 79, почему вместо 94 глав в книге I у Шмейдлера их 95. Книга II не имеет своей отдельной нумерации глав, и главам 1—14 издания Лаппенберга в издании Шмейдлера соответствуют 96—110.

Кроме того, имеются указатель имен и названий и словарь редко употребляемых терминов.

В 1852 г. появился перевод «Хроник» на немецкий язык, сделанный Лаурентом и Ваттенбахом по тексту, подготовленному И. Лаппенбергом для «*Monumenta Germaniae historica*» (см. выше) ²². Второе издание этого перевода вышло в Лейпциге в 1894 г., а в 1910 г.— третье, в переработке Б. Шмейдлера ²³, подготовленное по его изданию «Хроники» (см. выше).

В 1880 и 1881 гг. были опубликованы в Копенгагене переводы на датский язык ²⁴.

«Хроника» переведена также на польский язык. Перевод был сделан Я. Паплонским в 1862 г., очевидно, по тому же изданию Лаппенберга, которое легло в основу перевода на немецкий язык. Переводу предпослано обширное предисловие, первая часть которого представляет собой своего рода

---

²² «Helmolds Chronik der Slaven». Übersetzt von Dr. J. C. M. Laurent. Berlin, 1852.— «Die Geschichtschreiber d. deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung. XIII Jhrh., B. 7, Lief. 10».

²³ «Helmolds Chronik der Slaven». Dritte neubearb. Aufl. von B. Schmeidler. Nach der Ausgabe der «Monumenta Germaniae historica» übersetzt von J. C. M. Laurent u. W. Wattenbach. Leipzig, 1910.

²⁴ Об этих переводах сообщает Шмейдлер («Helmoldi Cronica...», p. XXX).

историческое введение к переводу, дальше излагаются сведения о Гельмольде, об источниках и языке «Хроники», об изданиях ее и переводе на немецкий язык. Самый перевод выполнен весьма добросовестно, хорошим языком, читается очень легко. В приложениях даются две большие статьи автора. Одна из них посвящена проблеме Винеты (Волина), вторая — названиям Святovit и Аркона²⁵.

На русский язык «Хроника» Гельмольда до сих пор не переводилась. Точнее, она была переведена накануне войны С. А. Аннинским, но со смертью его в 1942 г. рукопись перевода утеряна. Таким образом, предлагаемый перевод оказывается первым. Сделан он по изданию Лаппенберга²⁶ с учетом издания Шмейдлера.

«Хроника» Гельмольда давно привлекала внимание исследователей. Первоначально положительное отношение к ней как к историческому источнику вскоре сменилось резко критическим. Уже в работах О. Фелькеля и К. Гирзекорна²⁷ отмечалась некоторая тенденциозность «Хроники». К. Ширрен, как мы уже говорили выше, указал источник этой тенденциозности, выдвинув предположение, что «Хроника» написана со специальной целью укрепить пошатнувшееся положение Любекского (Альденбургского) епископства. Он подверг анализу ряд разделов «Хроники» (история Вицелина, о первых альденбургских епископах, об обращении славян, о Готшалке и др.) и показал приемы, к которым якобы прибегал Гельмольд при составлении «Хроники», чтобы только прославить свое епископство, доказать его заслуги и принизить его конкурентов²⁸.

---

²⁵ «Helmolda Kronika slawiańska z XII wieku». Przełożył z języka łacińskiego na język polski J. Papłoński. Warszawa, 1862.

²⁶ Именно это издание положено в основу перевода потому, что сохраненная в нем нумерация глав «Хроники» более привычна для специалистов, чем нумерация, введенная Шмейдлером.

²⁷ O. Voelkel. Die Slavenchronik Helmoldi. Göttingen, 1873; C. Hirsekorn. Die Slavenchronik des Presbyters Helmold. Halle. 1874.

²⁸ C. Schirren. Указ. соч.

Таким образом, под пером Ширрена, по словам Шмейдлера, до тех пор с доверием читавшийся пастырь церкви в Бузу превратился в хитрого плута²⁹.

Книга Ширрена не встретила широкой поддержки. Последователей его оказалось немного, зато появился ряд работ против Ширрена, в защиту достоверности «Хроники» Гельмольда³⁰.

В 1915 г. вышла в свет новая работа, стремящаяся снизить историческую ценность «Хроники». Мы имеем в виду исследование Д. Н. Егорова³¹. Автор его считает, что основным источником «Хроники» Гельмольда, повлиявшим на весь этот труд, была Библия. В этом убедила Егорова та текстуальная близость, которую путем сличения «Хроники» с Библией удалось ему установить. Оказалось, что при описании крупных и мелких событий (битвы, победы, встречи князей, смерти разных лиц и т. д.) Гельмольд очень часто принимал за образец Библию и излагал свои описания почти в тех же выражениях. А поэтому одинаковые, хотя и относящиеся к разным временам, события описываются у Гельмольда установленными штампами (например, битвы в I, 26, 85, II, 2, или пленение князя в I, 49, 93 и т. п.). И даже для своих излюбленных героев, Генриха Льва и графа Адольфа, Гельмольд не находит собственных слов и для характеристики их прибегает тоже к помощи Библии. В результате исследования текста «Хроники» Д. Н. Егоров пришел к выводу, что она не может рассматриваться как исторический источник.

Едва ли можно согласиться с таким выводом. Нам представляется, что как заимствования из Библии отдельных слов, оборотов и целых цитат, так и установленная

---

²⁹ «Helmolds Chronik der Slaven...» Leipzig, 1910, S. VIII.

³⁰ H. B r e s k a. Untersuchungen über die Nachrichten Helmolds vom Beginn seiner Wendenchronik bis zum Aussterben des lübischen Fürstenhauses. Lübeck, 1880, и др.

³¹ Д. Н. Е г о р о в. Указ. соч., т. I—II.

Д. Н. Егоровым текстуальная близость (между прочим, не такая большая, как кажется Д. Н. Егорову) целых глав или отрывков являются следствием «недуга», который сам же он характеризует, как «отсутствие сдерживающего центра, препятствующего бесконечному напору словесных комплексов, сохраненных памятью»³². Сами по себе они еще не подрывают доверия к автору «Хроники», хотя и заставляют весьма осторожно относиться к его штампованным образам, внимательно следить за манерой его речи. К сожалению, следует отметить, что после работ К. Ширрена и Д. Н. Егорова, ставивших задачу развенчать «Хронику» как исторический источник, до сих пор не появилось ни одного исследования, которое подвергло бы достаточно полному пересмотру вопрос о характере труда Гельмольда. Эта задача стоит перед славистами-историками, и «Хроника» Гельмольда вполне этого заслуживает.

При всей своей тенденциозности и внутренних противоречиях «Хроника» Гельмольда является для славистов-историков важным и ценным источником, особенно в своей оригинальной части, освещающей период, по которому другие источники отсутствуют. Она сохранила для нас уникальные сведения не только по политической истории прибалтийских славян и истории их мужественной борьбы накануне потери ими независимости, но также важные сведения об устройстве их городов, жилищ, их военной организации, религии, нравах и быте.

Л. В. Разумовская.

В данной серии вышли следующие книги: Ф е о ф и л а к т С и м о к а т т а. История. М., 1957; Две византийские хроники Х в. М., 1959; И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960; Г а л л А н о н и м. Хроника и деяния князей, или правителей, польских. М., 1961; Л а в р е н т и й и з Б р ж е з о в о й. Гуситская хроника. М., 1962; К о з ь м а П р а ж с к и й. Чешская хроника. М., 1962.

³² Д. Н. Егоров. Указ. соч., т. I, стр. 199.

Славянская
хроника

КНИГА ПЕРВАЯ

«СЛАВЯНСКОЙ ХРОНИКИ»
ГЕЛЬМОЛЬДА,
ПРЕСВИТЕРА В БУЗУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достопочтенным господам и отцам, каноникам святой Любекской церкви, Гельмольд, недостойный слуга церкви, что находится в Бузу¹, [приносит сей] добровольный дар в знак должного повинования.

Долго я рассуждал и размышлял, какой бы мне предпринять труд, чтобы преподнести его матери моей, святой церкви в Любеке, в благодарность за предоставленную мне должность. И ничего не пришло мне на ум иного более пригодного, как описать во славу ее обращение славянского народа [в христианство], а именно усердием каких государей и пастырей была сначала насаждена, а позднее восстановлена в этих странах христианская религия. К этому труду побуждает меня достойная подражания приверженность живших до нас летописцев, многие из которых по причине великого влечения к писательскому труду отреклись от всякой суеты земных дел, чтобы в уединении в свободное для созерцания время могли обрести путь мудрости, предпочитая ее чистому золоту и всем драгоценным вещам; они изощряли остроту ума своего над невидимыми деяниями господа, стремясь приблизиться к самым [глубоким] тайнам, и часто принуждены были трудиться сверх меры. Другие же,

силы которых не были такими, хотя и ограниченные пределами своих способностей, тоже [однако] при всей своей простоте сумели раскрыть тайны, изложенные в писании, и, многое от самого сотворения мира рассказывая о государях, пророках и различных исходах войн, воздали в своих трудах доблестям хвалу, порокам презрение. Ибо в черном мраке этого времени если отсутствует светильник при писании, то все покрыто тьмой. Порицания достойна небрежность современных нам людей, которые, хотя и видят, что как раньше, так и сейчас многое происходит из беспредельной лучины суда господня, закрыли, однако, пути своего красноречия и предались полной соблазна суете этой жизни. Я полагаю, что страницы этого труда следует посвятить прославлению тех, кто в разные времена делом, словом, а многие и пролитием своей собственной крови просвещали славянскую страну. Слава их не должна быть покрыта молчанием, так как это они после разрушения Альденбургской церкви² подняли славный город Любек с помощью божьей на такую вершину великолепия, что он возвысился среди всех самых знаменитых городов славянских как своим богатством, так и благочестием. Поэтому я решил, опуская другое, что происходило в наше время, с помощью божьей и верой описать все, о чем узнал из рассказов старых людей или в чем убедился собственными глазами, и [описать] тем подробнее, чем больше заслуживает этого величие дел, совершавшихся в наше время. Не безрассудная дерзость толкает меня на этот труд, побуждают меня к нему увещания достопочтенного моего наставника, епископа Герольда³, первого, кто благодаря как епископской кафедре, так и духовенству прославил Любекскую церковь.

Начинается хроника славян, составленная достопочтенным пресвитером Гельмольдом.

1. О РАЗДЕЛЕНИИ СЛАВЯН

Во введении к этому сочинению почитаю полезным пред- послать в кратком историческом обозрении кое-что о стра- нах славян, об их характере и нравах, а именно показать, сетями сколь многих заблуждений были опутаны они до принятия благодати обращения, чтобы по тяжести болезни легче можно было познать действительность божественного лекарства.

Много славянских племен живет на берегу Балтийского моря. «Море это простирается от Западного океана ¹ к восто- ку, и Балтийским называется потому, что тянется длинной полосой, подобно поясу ², через земли скифов ³ до самой Греции. Это же море называется Варварским, или Скиф- ским, морем по варварским народам, страны которых омы- вает» ⁴. «Вокруг этого моря сидят многие народы. Ибо север- ное его побережье и все острова возле него держат даны ⁵ и свеоны ⁶, которых мы зовем нортманнами ⁷, южный берег населяют племена славян» ⁸, из которых первыми от восто- ка идут русы, затем полоны ⁹; имеющие соседями с севера прусов ¹⁰, с юга — богемцев ¹¹, и тех, которые зовутся морава- ми, каринтийцами и сорабами ¹². А «если прибавить к Сла- вянии ¹³, как того хотят некоторые, угров, так как они не отличаются от них ни по внешнему виду, ни по языку» ¹⁴, то пределы земли, занимаемой славянским народом, так расширятся, что почти невозможно будет ее описать.

Все эти народы, кроме прусов, украшены именем хри- стиан. Давно уже обратилась в веру Русь. «Даны называ- ют Русь также Острогардом ¹⁵ по той причине, что, будучи расположена на востоке, она изобилует всеми благами. Ее называют также Хунигардом, потому что на этих местах сначала жили гунны» ¹⁶. «Главный город ее Хуэ» ¹⁷. С помо- щью каких учителей пришли они [руссы] к вере, об этом у меня мало сведений, кроме того, что во всех обрядах своих они, кажется, предпочитают больше подражать грекам, чем латинянам. Ибо Русское море ¹⁸ самым кратким путем приводит в Грецию.

Прусы еще не познали света веры; люди, обладающие многими естественными добрыми качествами, «весьма человеколюбивые» по отношению к терпящим нужду; «они спешат навстречу тем, кто подвергается опасности в море или преследованиям со стороны морских разбойников, и приходят им на помощь. Золото и серебро они почти ни во что не ставят. У них изобилие неизвестных мехов, из-за которых в нашей стране разлился смертельный яд гордости. А они почитают их вроде как за навоз в укор, думаю, нам, которые вздыхают по меховой одежде, как по величайшему счастью. Поэтому за льняные одежды, которые у нас называются *faldones*, они отдают нам столь драгоценные шкурки.

Многое можно было бы еще сказать об этом народе, достойном похвалы за свои нравы, если бы ко всему он признавал еще единую Христову веру, проповедников которой они преследуют бесчеловечно. Это у них увенчан мученическим венцом знаменитый богемский епископ Адальберт¹⁹. Хотя в остальном у них все одинаково с нами, но, наверно, и сегодня еще они запрещают нам подходить к их священным рошам и источникам, ибо считают, что те становятся нечистыми от [одного] приближения христиан. В пищу они употребляют мясо лошадей, молоко же и кровь их используют для питья и, говорят, напиваются ими даже допьяна. Люди эти голубоглазы, кожа у них красная, волосы длинные. Кроме того, недоступные из-за болот, они никакого господина над собой терпеть не желают»²⁰.

Угорский народ был некогда весьма могущественным и храбрым в бою и наводил страх даже на Римскую империю. Ибо после поражения гуннов и данов произошло третье вторжение укров, опустошившее и разрушившее все соседние государства²¹. Собрав бесчисленное войско, они захватили вооруженной рукой Баварию или Свевию²², кроме того, они разорили области, примыкающие к Рейну, и залили огнем и кровью всю Саксонию вплоть до Британ-

ского океана²³. Сколь великие труды потребовались от императоров и какие тяжкие потери понесло христианское войско, чтобы покорить их и подчинить божественным законам, об этом многие знают и всенародно повествует история.

Каринтийцы — соседи баварцев; это люди, преданные служению богу, и нет народа более, чем они, достойного уважения и более приверженного в служении господу и в почитании духовенства.

Богемия имеет короля и воинственных мужей, она полна церквей, привержена божественной религии и делится на два епископства — Пражское и Оломоуцкое²⁴.

Полония — большая славянская страна, «границы ее, как говорят, соприкасаются с государством Русью»²⁵. Она делится на восемь епископств²⁶. Некогда имела она короля, теперь уже управляется князьями²⁷. Как и Богемия, она подчинена власти императора. Полоны имеют такое же оружие и пользуются теми же приемами в сражении, как и богемцы. Сколь бы часто ни призывались они к войнам с чужеземцами, они [всегда] мужественны в бою и чрезвычайно жестоки при прабежах и убийствах: они не щадят ни монастырей, ни храмов, ни кладбищ. А в войны с чужеземцами они не вступают ни на каком другом условии, как только добившись согласия на то, что им будут отданы на разграбление сокровища, защитой которым должно бы служить самое нахождение их в святых местах. Отчего и происходит, что из-за [своей] жадности к добыче они часто наилучшим друзьям причиняют зло, как будто врагам, почему их очень редко привлекают [на помощь] в случае военной необходимости.

Всего, что здесь сказано о богемцах, полонах и других восточных славянах, пусть будет довольно.

2. О ГОРОДЕ ЮМНЕТА

Там, где кончается Полония, мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые в древности вандалами, теперь же винитами, или винулами¹, называются². Из них первыми являются поморяне³, поселения которых простираются вплоть до Одры⁴. Одра же — это «самая богатая река в славянской стране», «она начинается в дикой чаще в земле моравов»⁵, расположенной на востоке от Богемии, «где берет начало и Альбия⁶. Они отстоят одна от другой не на очень большом расстоянии, но текут в разных направлениях. Ибо Альбия стремится на запад и в верхнем своем течении омывает земли богемцев и сорабов, средним разделяет славян и саксов, нижним течением отделяет Гамбургскую епархию от Бременской и победительницей вступает в Британский океан. Другая река, т. е. Одра, направляется к северу, пересекает землю винулов, отделяя поморян от вильцев»⁷. «В устье Одры», где она впадает в Балтийское море, «некогда находился знаменитейший город Юмнета⁸, место, весьма часто посещаемое варварами и греками, живущими в его окрестностях. О величии этого города, про который ходит много и при этом едва ли заслуживающих доверия рассказов, следует сообщить кое-что, достойное того, чтобы оно было снова повторено. Это действительно был самый большой город из всех имевшихся в Европе городов, населенный славянами попеременно с другими народами, греками и варварами. И саксы, приходя сюда, [тоже] получали право жить [в нем], на том только условии, что, живя здесь, не будут слишком явно проявлять своей христианской религии. Потому что все [жители этого города] до самого его разрушения пребывали в языческом заблуждении. Впрочем, по нравам и гостеприимству нельзя было найти ни одного народа, более достойного уважения и более радушного [чем они]. Этот город, богатый товарами различных народов, обладал всеми без исключения развлечениями и редкостями»⁹. Рассказывают, что один

данский король, сопровождаемый огромным морским войском, разрушил этот богатейший город до основания¹⁰. Памятники этого древнего города сохранились до сих пор.

«Мы наблюдаем здесь море троякой природы. Ибо этот остров омывается тремя разными течениями. В одном из них вода, говорят, — ярко-зеленого цвета, во втором — беловатого, третье течение, бешено крутясь, постоянно бушует»¹¹.

«Есть и другие славянские народы, которые живут между Одрой и Альбией», длинной полосой простираясь к югу, — а именно герулы, или «гаволяне¹², обитающие по реке Гаволе, и дошане, любушане и вилины, стодоряне¹³ и многие другие»¹⁴. За медленно текущей Одрой и разными племенами поморян, на западе мы встречаем страну тех винулов, которые называются доленчанами¹⁵ и ратарями¹⁶. «Их город повсюду известен, Ретра, центр идолопоклонства. Здесь выстроен большой храм для богов. Главный из них — Редегаст. Идол его сделан из золота, ложе из пурпура. В этом городе девять ворот, и со всех сторон он окружен глубоким озером. Для перехода служит деревянный мост, но путь по нему открыт только для приносящих жертвы и испрашивающих ответы»¹⁷. Дальше мы попадаем к «черезпенянам и хижанам¹⁸, которых от доленчан и ратарей отделяют река Пена и город Димин¹⁹. Хижане и черезпеняне живут по эту, доленчане и ратаряне по ту сторону Пены. Эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами, или лютичами²⁰. Ниже них находятся глиняне²¹ и варны²². За ними следуют бодричи²³, город их — Микилинбург²⁴. Оттуда по направлению к нам живут полабы²⁵, их город — Рацисбург»²⁶. Оттуда, перейдя реку Травну²⁷, мы попадаем в нашу землю вагров²⁸. «Городом этой земли был некогда приморский город Альденбург»²⁹. Есть и острова в Балтийском море, населенные славянами. «Один из них называется Вемере³⁰. Он расположен напротив Вагрии, так что с него можно видеть Альденбург. Второй остров», большой, «лежит против земли вильцев, его насе-

ляют раны, называемые также руянами», — «самое сильное среди славян племя»³¹, единственное, которое имеет короля³². «Без их решения не может быть совершено ни одно общественное дело. Их боятся так по причине особого расположения к ним богов или, скорее, идолов, которых они окружают гораздо большим почетом, чем другие» славяне³³.

Таковы эти племена винулов, рассеянные по землям, областям и островам на море. Весь этот народ, преданный идолопоклонству, всегда странствующий и подвижной, промышленяющий разбоем, постоянно беспокоит, с одной стороны, данов, с другой — саксов. Не раз великие императоры различными способами, а пастыри своим искусством пытались, не смогут ли они в какой-нибудь степени приобщить эти строптивые и неверные племена к познанию имени божьего и благодати веры.

3. КАКИМ ОБРАЗОМ КАРЛ [ВЕЛИКИЙ] ОБРАТИЛ САКСОВ В ВЕРУ

Среди всех усердных распространителей христианской веры, своими заслугами перед религией достойно занявших первое место, самым славным будет всегда Карл¹, муж, которого должны восхвалять все летописцы и которого надлежит поставить во главе тех, кто трудился во имя божье в северных странах. Это он усмирил оружием и подчинил христианским законам жесточайшее и мятежное племя саксов. «Саксы и тюринги, так же как и остальные народы, живущие по Рейну, издревле, как пишут, платили дань франкам². Когда затем они отпали от королевства франков, Пипин³, отец Карла, начал [против них] войну, которую сын его с великим успехом закончил»⁴. Таким образом, война против саксов велась в течение долгого времени, «потому что с большой с обеих сторон отвагой, но с большим для саксов, чем для франков, ущербом она тянулась 33 года. Она могла бы окончиться скорее, если бы не упорство

саксов»⁵, которые, стараясь оружием отстоять свою свободу, опустошали земли франков вплоть до Рейна. «Поскольку ни одного года без войны не обходилось, то саксы, как пишут, пришли, наконец, в такое истощение, что 10 тысяч человек из тех, кто живет по обоим берегам Альбии, было переселено с женами и детьми во Францию⁶. Это произошло на 33-м году длительной войны с саксами, в год, который франкские историки считают памятным, 37-й год правления императора Карла»⁷, когда «Видекинд, вождь восстания», отказавшись от верховной власти, подчинился империи, и «был сам вместе с другими саксонскими вельможами окрещен. И только тогда Саксония превратилась в провинцию [империи]»⁸.

Одерживая эту победу в войне, храбрейший Карл полагался не на себя, а на поддержку господ бога, и [все] отважные свои дела приписывал милостивой его помощи. Побуждаемый великой ревностью и имея в виду высшую награду, постановил он освободить племена саксов, хотя они мало этого заслуживали, от «полагающихся [с них] платежей» и подарить им «былую свободу»⁹, чтобы случайно обременение службами и данями не толкнуло их вновь на восстание и возвращение к языческим заблуждениям. А затем «король предложил, а они [саксы] приняли такое условие, что, отказавшись от поклонения идолам, они приобщатся к таинствам христианской религии»¹⁰, станут данниками и подданными господ бога, будут, согласно закону, платить священникам десятину от всего своего скота и продуктов земледелия или питания¹¹ и, «объединившись с франками, образуют с ними вместе один народ»¹². Таким образом, Саксония «разделилась на восемь епископств»¹³ и была подчинена достойнейшим пастырям, чтобы те словом и примером могли бы наставлять эти прубые души в вере. Памятуя об их содержании, император обеспечил их многочисленными привилегиями и великими щедротами. Так был заложен в Саксонии новый рассадник веры и со всей силой укреплен.

В то время и дикие фризы¹⁴ приняли благодать христианской веры. С этого времени был для проповедников слова божьего подготовлен путь за Альбию, и апостолы поспешно разошлись по всему пространству севера, чтобы возвещать евангелие мира.

«В это время, когда власти франков подчинились уже и славянские народы¹⁵, Карл, как рассказывают, основав церковь в Гамбурге, городе нордальбингов¹⁶, поручил управление ею некоему святому мужу, Геридагу, и поставил его в этом месте епископом, предполагая сделать эту Гамбургскую церковь архиепископством для всех славян и данов¹⁷. Приведению этого замысла в исполнение помешала смерть епископа Геридага, а также и войны, которыми был занят император Карл. И он не осуществил своего намерения»¹⁸. Этот «победоноснейший государь, покоровший себе все государства Европы, начал, как рассказывают, новую войну с данами. Даны и другие народы, обитающие за Данией, именуются у франкских историков нортманнами. Король их Готфрид¹⁹, сделав своими данниками сначала фризов, затем нордальбингов, бодричей и других славян, стал угрожать войной самому Карлу. Эта война и задержала сильнее всего осуществление намерения императора относительно Гамбурга. В конце концов, когда по воле божьей Готфрид скончался и ему наследовал его двоюродный брат Гемминг, тот заключил вскоре мир с императором и установил реку Эгдору границей [своего] государства»²⁰.

Немного времени спустя покинул этот мир и Карл, муж самый достойный как в небесных, так и в земных делах, первый, кто своими заслугами возвысил Франкское королевство до империи. Ибо императорская власть, которая, начиная с Константина²¹, на протяжении многих поколений с успехом процветала в Греции²², а именно в городе Константинополе, [потом] за отсутствием мужа царского рода пришла там в такой упадок, что республика, которой во времена первоначального ее могущества едва хватало

трех консулов или диктаторов или по крайней мере цезарей, в конце концов управлялась женщиной²³.

И вот, когда со всех сторон поднялись восстания против империи, когда почти все государства Европы от нее отпали, и когда Рим, сама мать мира, пришел в истощение от войн с соседями, и нигде не находилось защитника, угодно стало папскому престолу принять решение о созыве торжественного святого собора, чтобы посоветоваться по общему для всех делу. И тогда единогласно, при всеобщем доброжелательстве, короной Римской империи был увенчан знаменитый король франков Карл²⁴, потому что, как [всем] казалось, он не имел никого равного себе во всем мире ни по заслугам на поприще религии, ни по славе своего могущества, ни по победам в войнах. И вот, таким образом, был перенесен императорский титул из Греции во Францию.

4. О РАЗДЕЛЕ ИМПЕРИИ

Когда Карл, король франков и августейший император римский, достигнув больших успехов в своих делах, переселился в лучший мир, ему наследовал сын его, Людовик¹. Согласно во всех поступках с отцом, он проявил такую же, как отец, щедрость по отношению к церкви и ко всему духовенству, жертвуя громадные государственные ценности на украшение и во славу церкви в такой степени, что епископов, которые, управляя душами, и без того являются князьями неба, возвел в князей государства. Узнав о намерениях своего отца относительно Гамбурга, он тотчас же посоветовался с мудрыми [людьми] и поставил святейшего Анскария, которого некогда направлял проповедником к данам и шведам, архиепископом Гамбургской церкви² для приведения ее в порядок, город же этот сделал митрополией для всех народов севера³, чтобы отсюда благодать слова божьего еще шире распространилась среди всех языческих племен. Что и произошло. Ибо ревением пастырей Гамбургской церкви было посеяно слово божье среди всех славян.

данов и нортманнов, и огнем его были растоплены холод и стужа севера. И так великими трудами наставников прививалось оно у этих народов на протяжении многих дней и годов. Ибо столь глубок был мрак заблуждений, столь велико упорство заросшего лесом идолопоклонства, что не так скоро и не так легко можно было их преодолеть. Да и не мало задержали обращение народов [этих] разные военные волнения, все шире распространявшиеся после смерти благочестивого Людовика. Потому что с его уходом из этого мира разразилась внутренняя война, а именно, четыре его сына начали борьбу за верховную власть. «Великие раздоры и войны настали между братьями. Во время этих войн все племена франков, по свидетельству историков, пришли в полное разорение». «Наконец, благодаря посредничеству папы Сергия⁴ раздоры прекратились, и государство было разделено на четыре части, так что старший по рождению, Лотарь, получил во владение Италию с Римом, Лотарингию и Бургундию, Людовик — Рейн с Германией, Карл — Галлию, Пипин — Аквитанию»⁵.

5. О ПУТЕШЕСТВИИ СВ. АНСКАРИЯ В ШВЕЦИЮ

Во время этой смуты, когда раздоры между братьями породили сильнейшие движения и ослабление империи вследствие ее разделения, удобные условия времени побудили многих к войнам. Первыми и особо выдающимися среди них были сильные людьми и вооружением народы данов. «Они подчинили себе» сначала славян и «фризов, а потом, пройдя» на разбойничьих кораблях «по Рейну, посадили Колонию, и, дальше [пройдя] по Альбии», до основания «разрушили Гамбург. Замечательный этот город» и недавно построенная там церковь все «погибло в огне»¹. Мало того, разграблению со стороны варваров подверглась и Нордальбингская провинция и все, что лежало по соседству с рекой [Альбией]. Великим ужасом была потрясена

Саксония. Святой же Анскарий, архиепископ гамбургский, и остальные проповедники, направленные в Славию и в Данию, с великой яростью преследуемые, были изгнаны из своих местожительств и повсюду рассеялись.

Тогда Людовик², которому, как выше сказано, досталась Германия, подобный во всем своему славному отцу как по имени, так и по благочестию, ревностно стараясь возместить ущерб, причиненный Гамбургской церкви, присоединил к ней в то время пустовавшее вследствие смерти [своего] епископа Бременское епископство³. И стало с этих пор не две епархии, а одна. Так как каждый из этих городов из-за набегов морских разбойников подвергался опасностям, то было [признано] полезным, чтобы [оба] города взаимно укрепляли и поддерживали друг друга. Когда со стороны апостольской столицы было получено разрешение на это, все задуманное благочестивым государем приведено было в исполнение, Бременская церковь была присоединена к Гамбургской⁴, и св. Анскарий получил обе в управление и стало «едино стадо и един пастырь»⁵.

Немного времени спустя, когда ярость данов несколько утихла, разрушенный Гамбург начал снова отстраиваться и племена нордальбингов опять вернулись на свои места. Архиепископ же Анскарий, выполняя поручение императора, стал часто навещать короля данского⁶ и, усердно выступая в пользу обоих государств за установление мира, благодаря уважению короля, хотя и язычника, добился большого с его стороны расположения к своей вере. И в конце концов король разрешил ему основать церкви в Шлезвиге и Рипе⁷, дав сначала обещание, что не будет препятствовать тем, кто пожелает креститься и следовать христианским законам. И тотчас же без промедления были направлены священники на осуществление этого дела.

Когда, таким образом, благодать божья стала по немногу распространяться среди данского народа, упомянутый епископ начал с большим рвением готовиться к обращению свеонов. Взяв это тяжелое бремя на себя, он испросил у

короля данского письмо и посла и, отправившись с многими [лицами] морским путем, прибыл в Бирку, главный город Швеции⁸. Здесь с великим расположением и радостью был он принят верующими, которых сам же некогда, еще до своего посвящения в архиепископы направленный сюда проповедником, привел ко Христу. Ему удалось добиться у короля шведского⁹ [разрешения] на то, чтобы всем желающим была предоставлена полная свобода принимать христианство. Поставив в Швеции епископа и священников, чтобы они вместо него пеклись о делах божьих, поощрив некоторых [людей] к [большей] твердости в вере, он вернулся в свою столицу. С этого времени семя слова божьего, посеянное среди данов и свеонов, стало давать более обильные плоды. И хотя потом у этих народов появлялось много тиранов, проявлявших жестокость по отношению не только к христианам своего народа, но также и к чужим народам, можно заметить, однако, что христианство со времени первого насаждения его в Дании и Швеции настолько окрепло, что если иногда и колебалось, когда раздражались бури преследований, то никогда до конца не искоренялось.

6. ОБ ОБРАЩЕНИИ РУЯН

Среди всех северных народов одни лишь славяне были упорнее других и позже других обратились к вере. А как выше сказано, славянских народов много, и те из них, которые называются винулами, или винитами, в большей [своей] части относятся к Гамбургской епархии. Ибо Гамбургская церковь, помимо того что она, будучи столицей митрополита, охватывает все народы или государства севера, имеет также определенные границы своей епархии. В нее входит самая отдаленная часть Саксонии, которая расположена по ту сторону Альбии, называется Нордальбингией и населена тремя народами — дитмаршами, гользатами, штурмарами. Оттуда граница тянется до земли винитов, тех именно, которые называются ваграми, бодрича-

ми, хижанами, черезпенянами, и [далее] до самой реки Пены и города Димина¹. «Здесь лежит граница Гамбургской епархии»². Поэтому не следует удивляться, что достойнейшие пастыри и проповедники евангелия, Анскарий, Реймберт³ и, шестой по порядку, Унни⁴, усердие которых в обращении народов стяжало им такую великую славу, столько труда вложили в попечение об обращении славян, но ни они сами, ни их помощники никаких плодов, как мы читаем, у них не достигли. Причиной этого было, как я считаю, непреодолимое упорство этого народа, а не равнодушные проповедников, которые до такой степени были преданы делу обращения народов, что не жалели ни сил, ни жизни.

Дошедшее от предков древнее предание рассказывает, что во времена Людовика II из Корвейи вышли известные своей святостью монахи, которые, стремясь спасти славян, обрекли сами себя ради проповеди слова божьего на прозившие им опасности и смерть. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руюнами, и живут в сердце моря. Там находился очаг заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово божье, они приобрели [для христианства] весь этот остров и даже заложили здесь храм в честь господина и спасителя нашего Иисуса Христа и в память св. Вита, покровителя Корвейи⁵. Потом же, когда по попущению божьему дела изменились, то раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суеверие. Ибо св. Вита, которого мы признаем мучеником и слугой Христовым, один за бога почитают, творение ставя выше творца. И не найти под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше, [нежели это]. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами⁶. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для

жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или покупать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют богу их что-либо ценное из своих товаров, и тогда только товары выставляются на рынок. Жреца своего они почитают не меньше, чем короля. Все это суеверие ран сохранилось со времени, когда они впервые отrekliсь от веры, до наших дней.

7. НАПАДЕНИЕ НОРТМАННОВ

Правда, обращению славян и других народов в веру с самого начала сильно мешали военные бури, поднятые нортманнами и свирепствовавшие почти во всем мире. Войско нортманнов состояло из храбрейших данов, свеонов и норвегов, которые, объединившись теперь под одной властью, обложили данью прежде всего находившихся под рукой славян, а затем стали притеснять и на суше и на море остальные соседние государства. Вероятно, немало мужества придало им ослабление Римской империи¹, которая, как выше сказано, после Людовика старшего² была сначала истощена внутренними войнами, а потом разделена на четыре части и управлялась столькими же королями³. Известно, что в это самое время «нортманны, пройдя по Лигеру, сожгли Тур, а пройдя по Секване⁴, осадили Париж. И тогда король Карл, охваченный страхом, отвел им для житья землю»⁵, которая, поскольку ею завладели нортманны, получила название Нортмандии. «Затем они опустошили Лотарингию и подчинили себе Фризию»⁶. Наш же Людовик, то есть король Германии, «так [долго] удерживал нортманнов договорами и сражениями, что в то время, как они Францию всю опустошили, его стране нанесли лишь незначительный ущерб. После же его смерти,

Лишь ослабели бразды, воцарились варварство,

ДИКОСТЬ».

«Ибо богемцы, сорабы, сусы и остальные славяне»⁷, которых он облагал данью, сбросили теперь иго [рабства]. «Тогда опустошена была нортманнами и дадами и Саксония. Герцог Бруно⁸ с 12 вельможами был убит, епископы Теодорик и Марквард⁹ изрублены. Тогда и Фризия была опустошена, разрушен город Траектум¹⁰. Затем морские разбойники сожгли Колонию и Тревер¹¹, а дворец в Аквисгроне¹² превратили в конюшню для своих лошадей. Могонтия¹³ в ужасе перед варварами начала укрепляться»¹⁴. Юный Карл, сын Людовика, возвращавшийся в это время из Рима, вступил с большим войском у реки Мозы¹⁵ в бой с нортманнами. Сжав их в осаде, на 15-й день он принудил их, наконец, сдаться. Захватив в плен датских тиранов, Карл не отомстил этим врагам господним с такой, как подобало, суровостью, но, на долгую беду и тяжкое разрушение церкви пощадив безбожников, он принял от них присягу и заключил с ними договор, а затем, щедро их одарив, разрешил им вернуться к себе. И они, насмехаясь над слабостью молодого короля, как только обрели губительную свободу, собрались опять воедино и такую учинили резню, что жестокость их перешла все границы. «Что же [сказать] больше? Города со своими жителями, епископы со всей [своей] паствой были умерщвлены, знаменитые церкви вместе с множеством верующих сожжены»¹⁶. Поэтому Карл был обвинен на сейме и за свое легкомыслие «лишен королевства, получив себе в преемники Арнульфа, сына своего брата»¹⁷. Тот, собрав войско, перешел границу страны данов и «в многочисленных тяжких сражениях до конца их уничтожил. Само небо руководило этой войной, ибо если язычников пало на войне 100 тысяч, то едва ли один из христиан оказался убитым. Так закончилось нападение нортманнов, господь отомстил за кровь своих слуг, проливавшуюся уже в течение 70 лет»¹⁸.

Все эти события происходили во времена архиепископа Адельгария¹⁹, который был преемником св. Реймберта и третьим после св. Ансария. Когда Адельгарий умер, архие-

пископом после него стал Гогер, потом Рейнвард²⁰. Что же касается наследования королевского престола, то после Арнульфа правил Людовик Дитя. «На этом Людовике заканчивается род Карла Великого»²¹. Низложенный потом с престола, он имел своим преемником Конрада, герцога франков²².

8. НАШЕСТВИЕ УГРОВ

В правление Конрада произошло страшное нашествие угров¹, которые «разрушили не только нашу Саксонию и другие расположенные по эту сторону Рейна провинции, но также и лежащие за Рейном Лотарингию и Францию»². Тогда церкви были сожжены, кресты изломаны варварами и преданы надругательству, священники умерщвлены перед [своими] алтарями, духовенство вместе с народом или перебито, или уведено в плен. Следы этого неистовства сохранились до наших дней³.

[Тогда и] даны, опустошив с помощью славян сначала земли нордальбингских, затем трансальбингских саксов⁴, навели великий ужас на Саксонию. У данов в то время правил Ворм, самый жестокий, говорю я, из червей⁵, рьяный преследователь христиан. Намереваясь совершенно уничтожить христианство, насажденное в Дании, он изгнал священников из своей страны, многих же истязаниями умертвил. Тогда король Генрих, преемник Конрада, с детских лет выращенный в страхе божьем, все свои упования возлагавший на милосердие божье, угров в жестоких сражениях победил⁶, богемцам же и сорабам, укрощенным уже другими королями, и прочим славянским племенам одной страшной битвой нанес такой удар, что другие, которых осталось очень мало, королю платить дань, а богу [принять] христианство добровольно обещались⁷. Потом он вступил с войском в Данию и первым нападением до того устрасил короля Ворма, что тот признал власть его над собой и смиренно умолял о мире.

Король Генрих, победитель, установил границу [своего] государства у Шлезвига, который теперь называется Гейдебо⁸, поставил здесь маркграфа⁹ и предписал заселить колонию саксами¹⁰. Тогда святейший архиепископ Унни, который наследовал кафедру после Рейнварда, видя, что благодаря милосердию господина нашего и доблести короля Генриха упорство данов и славян преодолено и врата к принятию веры у [этих] народов открылись, решил сам лично объехать свою епархию на всем ее протяжении. Сопровождаемый многочисленными священниками, прибыл он к данам, где тогда правил жесточайший Ворм. Его самого из-за врожденной его свирепости склонить [к вере] он не смог, но сына его, Гарольда¹¹, обратил и сделал его верным Христу, так что тот, хотя сам таинства крещения еще и не принял, разрешил публично признавать христианство, к которому отец его всегда питал ненависть¹². «Поставив, таким образом, священников по всем церквям королевства Данского, этот божий святой поручил, как рассказывают, все множество верующих опеке Гарольда, а сам, обеспеченный его поддержкой и сопровождаемый его послом, проник на все острова данов, возвещая здесь слово божье и укрепляя в вере найденных им в плену христиан»¹³. «Отсюда, идя по следам великого проповедника Анскария, он без труда добрался по Балтийскому морю до Бирки», главного города Швеции, «куда после смерти св. Анскария никто из учителей 70 лет приходивший не отваживался, кроме только, как мы читаем, Реймберта¹⁴. Бирка — знаменитый город готов, расположенный в середине Швеции»¹⁵. Его омывает залив Балтийского моря, образуя удобную гавань, куда имеют обыкновение заходить по разным торговым делам все корабли данов, норвегов, а также славян и сембов¹⁶ и других скифских народов. Высадившись со своим необычным посланничеством именно в этой гавани, исповедник господень начал призывать народы. Ибо свеоны и готы по причине различных опасностей времени и свирепой жестокости [своих] королей совершенно забыли христианскую ре-

лигию. Но, по милости божьей, были они святым отцом Унни снова в веру обращены. Когда евангелист божий, выполнив дело своего посланничества, собирался уже возвращаться, он был неожиданно застигнут недугом и сложил в Бирке бремя измученного тела. Он скончался, завершив свой благородный путь в 936 г. от рождества Христова¹⁷. После него архиепископство наследовал достопочтенный Адельдаг¹⁸.

9. ОБРАЩЕНИЕ ГАРОЛЬДА

В этом же году случилось, что переселился из этого мира и славный король Генрих, а на престол вступил сын его Оттон, прозванный Великим¹. Когда он начал править, много обид пришлось ему претерпеть от своих братьев². Король же данов³, который платил дань отцу его, теперь сбросил иго рабства и поспешно поднял оружие на защиту своей свободы. И прежде всего он убил маркграфа, который сидел в Шлезвиге, что иначе называется Гейдебо, вместе с послами короля Оттона и до основания истребил всю колонию саксов, которая там находилась⁴. Стараясь добиться нового положения дел, славяне тоже начали волноваться, наводя великий страх на соседние земли саксов.

Король Оттон, опираясь на поддержку господ бога, едва лишь освободился от козней своих братьев, как учинил суд и справедливость над своим народом. Потом, после того как все почти государства, отпавшие после смерти Карла, подчинились его власти, он поспешил поднять оружие против данов. Перейдя с войском границу Дании, проходившую тогда у Шлезвига⁵, «он мечом и огнем опустошил всю страну, вплоть до самого отдаленного моря, которое отделяет нортманнов от данов и по сей день в честь [этой] победы короля называется Оттензунд⁶. Когда он вступал [в страну], король Гарольд завязал с ним под Шлезвигом бой, в котором, хотя обе стороны бились одинаково храбро, победу одержали, однако, саксы, а даны

обратились в бегство и отступили на кораблях. В таких, располагавших к миру, условиях, Гарольд подчинился Оттону и, принимая от него престол, обязался ввести в Дании христианство⁷. И без промедления крестился с женой своей Гуннильдой и маленьким сыном, которого наш король, будучи его восприемником при святом крещении, назвал Свен Оттоном»⁸. В то время вся Дания приняла христианскую веру и, «разделенная на три епископства, была подчинена Гамбургской митрополии»⁹. «Таким образом, святейший Адельдаг был первым, кто поставил епископов в Дании»¹⁰, и с тех пор Гамбургская церковь получила своих vikariev. «Вслед за таким началом божественного милосердия [христианство] достигло здесь такого роста, что с этого времени и вплоть до сегодняшнего дня церкви данов, как кажется, изобилиуют многочисленными плодами, собранными среди северных народов»¹¹.

Завершив надлежащим образом [эти] дела в Дании, доблестный король Оттон обратил [свое] войско на усмирение восставших славян¹², и их, которых «отец его некогда покорил в одной [только] битве, он теперь со столь великой суровостью обуздал, что они ради сохранения жизни и отечества охотно обещали победителю и дань платить и обратиться в христианство¹³. И весь [этот] языческий народ был окрещен. Тогда впервые были основаны церкви в Славянии. Об этих делах и [о том], как они совершались, удобнее будет написать что-либо в другом месте»¹⁴.

10. О ГЕРЦОГЕ ГЕРМАНЕ

«Когда величайший из победителей, Оттон, был призван в Италию для освобождения апостольской столицы, он, как говорят, принял решение оставить кого-нибудь вместо себя для совершения правосудия в тех областях, которые граничат с язычниками.

Со времен Карла Саксония из-за давнишних волнений среди этого народа никогда не знала над собой никакого

другого государя, кроме императора»¹. [Но теперь], чтобы в его отсутствие даны или славяне не предприняли чего-нибудь нового, король, побуждаемый необходимостью, «поручил впервые попечение над Саксонией Герману. Полагаю нужным кое-что рассказать об этом муже и роде его»², так как в наше время он приобрел большую силу.

«Муж этот, происходивший из бедной семьи, сперва до-вольствовался, как говорят, семью мансами³ и столькими же крестьянами, доставшимися ему по наследству от родителей. Потом, обладая острым умом и красивой наружностью, а кроме того, отличаясь честностью и смирением, которые проявил в отношении господ и равных себе, он скоро стал известен при дворе и вошел в доверие к самому королю, который, узнав трудолюбие юноши, принял его в число своих слуг. Затем король определил его наставником к своим сыновьям, а вскоре, когда его благополучие упрочилось, поручил ему должность префекта. Строго выполняя свои обязанности, он, как рассказывают, [даже своим] собственным крестьянам, доставленным в суд по обвинению в краже, вынес приговор, осуждавший их всех на смерть. Необычайность поступка сделала его любезным народу и знаменитейшим во дворце. Когда же он получил Саксонское герцогство, то управлял этой провинцией по закону и справедливости, а в защите святых церковей оставался ревностным до конца.

Поручив такому мужу свою власть в этой провинции, благочестивейший король удалился в Италию. Созвав здесь собор епископов, он приказал им низложить обвиненного во многих преступлениях папу Иоанна, по прозвищу Октавиан, хотя тот был в отсутствии, желая бегством избежать суда, а вместо него поставить протуса Льва, которым вскоре был коронован, когда на 28-м году его правления народ римский провозгласил его императором и августом. От коронации же Карла [Великого] в Риме прошло к этому времени 153 года⁴.

Пробыв с сыном⁵ в то время в Италии 5 лет, император победил сыновей Берингария⁶ и вернул Риму прежнюю его свободу»⁷. Возвратившись на родину, он отдал все свои силы обращению народов [в христианство], особенно же славян, что, согласно его намерениям, и сбылось с помощью господ, который укреплял десницу императора во всех делах.

11. ОБ АРХИЕПИСКОПЕ АДАЛЬБЕРТЕ

«После того как народы славянские были покорены и обращены в христианскую веру, Оттон Великий основал на берегах реки Альбии знаменитый город Магдебург и, утвердив его в качестве митрополии для славян¹, велел посвящать там в архиепископы Адальберта², мужа высокой святости. Первый поставленный в Магдебурге, он в течение 12 лет ревностно управлял архиепископством и, проповедуя там, обратил многие славянские народы в христианство. Посвящение его совершилось на 35-м году правления императора, а со дня посвящения св. Анскария [прошло] 137 лет»³. «Магдебургскому же епископству подчинена вся Славянния вплоть до реки Пены. Викарных же епископств — пять, из которых Мерзебург и Цицен учреждены на реке Сале, Мисна — на Альбии, Бранденбург и Гавельбург — внутри [страны]⁴. Шестым епископством славянской земли является Альденбургское⁵». Вначале император Оттон намеревался подчинить это епископство, так же как и все остальные, Магдебургу, однако впоследствии архиепископ гамбургский Адельдаг потребовал его себе в силу старых императорских привилегий, в которых описаны границы его церкви.

12. О ЕПИСКОПЕ МАРКЕ

Альденбург — это то же, что на славянском языке Старгард, то есть старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части [побережья] Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или про-

винция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и [всегда] все войны или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших. Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] бодричей, хижан и тех, которые живут еще дальше.

Когда вся славянская земля, как выше сказано, была покорена и разорена, тогда и город Альденбург обратился в [христианскую] веру и стал самым большим по числу верующих. Епископом в этом городе преславный император поставил достопочтенного мужа Марка¹, подчинив ему всю землю бодричей до реки Пены и города Димины; кроме того, он поручил его попечению славный город Шлезвиг, по другому называемый Гейдебо.

В то время Шлезвиг с прилегающей землей, а именно той, которая простирается от озера Шлея² до реки Эгдоры, был подчинен Римской империи³. Это была обширная и богатая плодами, но в высшей степени пустынная земля, так как, расположенная между океаном и Балтийским морем, она истощалась от частых, обрушивавшихся на нее нападений. После того же, как, благодаря милосердию божьему и доблестям Оттона Великого, повсюду воцарился прочный мир, пустынные вагские и шлезвигские земли стали заселяться, так что [вскоре] уже не оставалось ни одного уголка, который не был бы достопримечателен [своими] городами и деревнями, а также многочисленными монастырями. До сих пор еще сохраняется множество следов этой древней жизни, главным образом в лесу, который длинной полосой тянется от города Лютилинбурга⁴ до самого Шлезвига. Обширная и безлюдная, с трудом проходима, эта пуща скрывает среди густой своей растительности борозды, которыми некогда были разделены нивы; расположение валов говорит о [внешнем] виде находившихся здесь крепостей и городов, плотины же, насыпанные в многочисленных ручьях, чтобы накап-

ливать воду для мельниц, свидетельствуют, что вся эта лесистая полоса была некогда заселена саксами.

Итак, первым епископом в этом новом рассаднике веры был, как я уже сказал, Марк, который омыл народы вагров и бодричей в святом источнике крещения. После его смерти Шлезвиг был удостоен чести иметь своего отдельного епископа. Альденбургскую же кафедру получил в управление достопочтенный муж Эквард⁵, который многих славян обратил к господу. Он был посвящен св. Адельдагом, архиепископом гамбургским. И выросло тогда число верующих, и не осталось ничего, что мешало бы молодой церкви в продолжение всего правления Оттонов. Как известно, их было три, и все они были охвачены одинаковым рвением в обращении славян. И вся земля вагров, бодричей, хижан наполнилась церквами и священниками, монахами и посвятившими себя богу девами. Впоследствии Альденбургская церковь была освящена в память св. Иоанна Крестителя, удостоенная чести быть матерью церквей. Микилинбургская же церковь была основана в честь главного из апостолов, Петра, и имела при себе женский монастырь. Альденбургские епископы были весьма почитаемы среди славянских князей⁶, так как, щедротами великого императора Оттона обильно одаренные, они могли широко жертвовать и снискать себе любовь народа.

Ежегодно со всей земли вагров и бодричей вносилась епископу считавшаяся десятиной дань: с каждого плуга по мере зерна и по 40 пучков льна и по 12 монет чистого серебра; сверх того, одна монета как вознаграждение для сборщиков. Славянский же плуг составляет пару волов или одну лошадь⁷. О поселениях же, или о поместьях, или о количестве дворов, которые относились к владениям епископа, не стоит говорить в этом труде, так как «старое предано забвению и наступило новое»⁸.

13. О ЕПИСКОПЕ ВАГЕ

973 На 38-м году своего правления, на 11-м году императорства «великий государь Оттон, покоритель всех северных народов, счастливо отошел к господу и был погребен в своём городе Магдебурге. Ему наследовал сын его Оттон II — и в течение 10 лет деятельно правил империей¹. Тотчас после того как им были побеждены франкские короли, Лотарь и Карл², он перенес войну в Калабрию и здесь, в войне с сарацинами и греками, сначала победитель, потом побежденный, скончался в Риме³. Наследовавший после него престол Оттон III, по возрасту еще мальчик, украшал трон в течение 18 лет крепким и справедливым правлением⁴.

В это время умер Герман, герцог саксонский, и правителем оставил после себя сына своего, Бенно, который известен тоже как муж добрый и храбрый, кроме того лишь, что, не походя в этом на своего отца, он мучил народ [свой] грабежами⁵.

В Альденбурге скончавшемуся Экварду наследовал Ваго⁶. Этот епископ, живший среди славян в величайшем благополучии, имел, как рассказывают, прекрасную сестру, [руки] которой домогался князь бодричей, по имени Биллуг⁷. И когда он часто направлял посольства к епископу по этому делу, то некоторые из друзей епископа отвергали его просьбу неосторожными и обидными словами, говоря, что несправедливо такую красивую девицу соединять с этим неотесанным и диким человеком. Он притворно подавил это оскорбление, и, преследуемый муками любви, не прекратил повторять свои мольбы. Тогда епископ, боясь, как бы из-за этого не вышло чего-нибудь плохого для молодой церкви, благосклонно пошел навстречу его требованию и отдал свою сестру ему в супруги. От нее была у него дочь, по имени Годика, которую дядя ее, епископ, поместил в женский монастырь, а когда она обучилась священному писанию, поставил ее аббатисой над монахинями, которые находились в Микилинбурге, хотя она годами еще не вышла.

Брат ее Мечислав⁸ с трудом переносил все это, питая ненависть, хотя и тайную, к христианской религии и опасаясь, как бы, следуя такому примеру, чужеземные обычаи не распространились бы в стране. Отца же своего он часто порицал за то, что тот, как будто лишившись ума, пристрастился к ненужным и пустым новшествам и не боится отступать от закона своих отцов, ибо сначала взял в жены тевтонку, потом дочь свою поместил в монастырскую келью. Когда он такими словами часто отца подстрекал, тот понемногу начал колебаться духом и размышлять, как бы ему устранить жену и изменить положение дел. Но страх удерживал его от [каких-либо] действий, ибо начало серьезных дел бывает всегда трудно, да и храбрость саксов очень его страшила. Ведь если бы он прогнал сестру епископа и уничтожил бы божественное дело, то ему пришлось бы немедленно вступить в войну.

14. О ХИТРОСТИ БИЛЛУГА

Случилось как-то епископу прибыть в город бодричей Микилинбург, и Биллуг со знатнейшими людьми вышел ему навстречу, принимая его с притворным уважением. И вот в то время, когда епископ однажды занимался общественными делами, упомянутый князь бодричей обратился при всех к нему с [такой] речью: «Великую благодарность должен я принести тебе, достопочтенный отец, за милость твою, хотя и понимаю, что никаких сил у меня не хватит, чтобы достойно ее выразить. О личных благодеяниях, которые ты мне оказал, которые многочисленны и требуют длинных речей, в настоящую минуту я не буду говорить. Но я вынужден вспомнить об общем для всей страны благе. Твои старания о восстановлении церквей и спасении душ для всех очевидны, однако известно [также], сколько оскорблений со стороны государей благодаря своей предусмотрительности ты от нас отвел, так что мы можем существовать в мире и спокойствии, сохраняя их милость. Поэтому мы тотчас же вручили бы чести твоей и себя, и все наше, если бы от нас

этого потребовали. Я осмеливаюсь обратиться к тебе с маленькой просьбой, и не смущай меня отказом. Существует у бодричей считающаяся десятиной дань в пользу епископа, а именно с каждого плуга, который соответствует двум волам или одной лошади, вносится одна мера зерна, 40 пучков льна и 12 монет хорошей монеты; кроме того, одна монета, которая полагается сборщику. Прошу тебя, позволь собирать это мне на содержание племянницы твоей, т. е. моей дочери. Чтобы тебе не показалось, что я прошу [этого] в обиду тебе и в ущерб твоему содержанию, я прибавляю к твоим владениям во всех городах, имеющих в земле бодричей, деревни¹, которые ты сам выберешь, сверх тех, которые давно уже перешли под власть епископа по императорским пожалованиям».

Епископ, не замечая хитрости [этого] ловкого человека, скрытой за красивыми словами, и думая, что ничем не повредит себе при этом обмене, без промедления согласился [выполнить] его просьбу. Он сам выбрал себе во владение самые большие деревни, а дань, о которой я упоминал выше, уступил своему шурина, чтобы тот собирал ее на нужды своей дочери. Пробыв довольно долго у бодричей, он разделил землю между колонами², чтобы они ее обрабатывали, и, устроив все, вернулся к ваграм. Находиться здесь было ему удобнее и безопаснее, ибо славяне по природе своей ненадежны и ко злу склонны, а поэтому их следует остерегаться.

Кроме других подворий, было у епископа два [особенно] богатых, где он чаще всего останавливался,— одно в местечке³, которое называется Бузу, другое на реке Травне, в месте, именуемом Незенна⁴, где находился храм и каменный дом, развалины которого я видел в юности, неподалеку от подошвы горы, которую древние называли Ойльберг, современники же по крепости, на ней возведенной,— Зигеберг⁵.

Через много дней, в течение которых епископ Ваго, очень занятый другими [делами], редко посещал землю бодричей,

вышеупомянутый Биллуг вместе с сыном своим Мечиславом, используя благоприятные условия, понемногу сплел хитрость, задуманную им против своего господина и пастыря. Тайком он начал опустошать грабежами владения епископа, которые тот ему, как верному человеку и своему шурина, отдал под надзор, и стал посылать в них своих слуг, которые украдкой похищали у колонов лошадей и различное имущество. Он стремился довести дело до того, чтобы епископ лишился прав как на десятину, так и на владения, [считая, что] если приведет в расстройство главу [церкви], то легче будет уничтожить служение.

Между тем епископ, прибыв в землю бодричей и учинив здесь со своими колонами розыск, с полной ясностью раскрыл, благодаря чьим козням причинено такое разграбление его владениям. Охваченный возмущением и ужасом, что неудивительно, так как в тех, кого он считал самыми близкими друзьями себе, он открыл злейших врагов, и опасаясь, как бы уже существующий новый рассадник веры не отпал, он начал сильно колебаться духом. Прибегнув [наконец] к средству, которое представлялось ему для этого времени наиболее безопасным, он стал испытывать, не удастся ли ему исцелить медленно подкрадывающуюся болезнь словами убеждения, и начал льстивыми речами уговаривать своего шурина, чтобы тот отказался от принятого намерения и не отдавал церковных владений на разграбление разбойникам, пугая его, что если он не образумится, то впадет в немилость не только у господина, но и у императора. Тот, готовя в ответ на упреки новую хитрость, сказал, что никогда он против господина своего и пастыря, к которому всей душой всегда в высшей степени расположен, не предпринимал таких бесчинств; если что было, то все это произошло вследствие козней разбойников, которые, иногда приходя сюда от ран или вильцев, не щадят и его владений; он охотно примет участие и советом и помощью, чтобы их задержать.

Легко убедить простодушного человека отказаться от имеющегося у него мнения. Когда удовлетворенный епископ

удалился, они тотчас же, нарушив свои обещания, опять вернулись к начатым гнусным делам и к грабежу деревень присоединили еще поджоги. Кроме того, они пригрозили смертью всем колонам, на которых распространялось право епископа, если они как можно скорее не покинут поместье. Таким образом, в короткое время владения епископа были опустошены.

К этим злодеяниям прибавилось еще то, что этот самый Биллуг нарушил права супружества, а именно, прогнал от себя сестру епископа. Это [обстоятельство] послужило главным поводом к вражде, и дела церкви начали понемногу колебаться. Положение молодой церкви не могло поправиться, ибо Оттон Великий к тому времени уже давно покинул этот мир, а Оттон II и III были заняты войнами в Италии, и по этой причине славяне, используя удобное время, начали мало-помалу подниматься не только против законов божеских, но и против императорских постановлений. Один только герцог саксонский, Бенно, сохранял, казалось, какую-то тень власти над ними, хотя и очень бледную. Уважение к нему славян сдерживало их движение, и они [пока] и от христианской религии не отпадали и не поднимали оружия.

Когда Ваго скончался, ему наследовал на кафедре Эзико⁶. Посвящение он получил от св. Адельдага, архиепископа гамбургского. Как мы узнали, до разрушения Альденбургской церкви в ней перебивало четыре епископа, а именно: Марк, Эквард, Ваго и Эзико, во времена которых славяне твердо придерживались [христианской] веры⁷, «повсюду в славянских землях воздвигались храмы, было выстроено много монастырей для мужчин и женщин, [посвятивших себя] служению богу»⁸. Свидетелем этому является магистр Адам, красноречивым языком описавший деяния епископов Гамбургской церкви⁹. Указывая, что «Славянния была разделена на 18 округов,— он утверждает,— все они, кроме трех, были обращены в веру Христову»¹⁰.

15. О СВЕНЕ, КОРОЛЕ ДАНСКОМ

В то время «Болеслав, благочестивейший король польский, в союзе с Оттоном III обложил данью всю Славию», что лежит за Одрой, а также «Русь и земли прусов, где претерпел муки епископ Адальберт, останки которого Болеслав тогда перенес в Полонию»¹. Князьями у славян, называемых винулами, или винитами, «были в то время Мечислав, Након и Зедерих. При них сохранялся непрерывный мир и славяне платили дань»².

Не следует, кажется, пройти мимо того, что этот самый Мечислав, князь бодричей, публично признавая веру христову, а втайне ее преследуя, выкрал сестру свою, богу предназначенную девицу Годику, из женского монастыря в Микилинбурге, соединив ее бесстыдным браком с неким Болеславом; остальных [же] девиц, которые там находились, [одних] своим рыцарям в жены отдал, [других] отправил в землю лютичей и ран, так что монастырь этот совсем опустел.

В эти же дни, попущением божьим за грехи человеческие, нарушилось спокойствие среди данов и славян, и враг покусился посеять плевелы поверх прекрасных ростков божественной религии. Ибо у данов Свен Оттон³, сын благочестивейшего короля Гарольда, возбуждаемый дьяволом, начал ковать многочисленные козни против своего отца, желая лишить его престола, как человека якобы престарелого и слабого силами⁴, а дело насаждения [христианства] из пределов Дании совсем устранить. Гарольд же, как выше сказано, сначала язычник, потом благодаря наставлению великого отца Унни обратившийся в христианскую веру, проявил такое рвение в почитании бога, что не было ему подобного среди всех королей Дании, который бы такую [большую] северную страну привел к познанию божественной веры и украсил всю ее церквами и пастырями. Усердие этого мужа в делах божественных было исключительным, но с не меньшим усердием постигал он и дела земные. В тех именно, которые, как считается, относятся к управлению го-

сударством, он столь отличался, что установил законы и права, которыми вследствие [большого] влияния этого мужа не только даны, но и саксы до наших дней пользуются⁵. Подстрекаемые теми, которые отказывались служить богу и мирно [повиноваться] королю, даны единодушно отреклись от христианства и, возведя нечестивого Свена на престол, объявили отцу его, Гарольду, войну. Он, с самого начала своего правления всегда возлагавший надежду [только] на бога, теперь тем более вверил господу исход дела, скорбя не столько об опасности, ему угрожавшей, сколько о проступке сына⁶ и о стеснении церкви. Понимая, что волнений не удастся подавить без войны, он против воли взялся за оружие, поощряемый теми, которые старались проявлять непоколебимую верность господу и королю своему.

Таким образом, дело дошло до войны. В этом столкновении были побеждены сторонники Гарольда, многие были ранены или убиты. Сам же Гарольд, тяжело раненный, покинул поле битвы и, сев на корабль, бежал в знаменитый город славян, по названию Юмнета⁷. «Хотя жители его и были язычниками, однако, вопреки ожиданиям, он был [ими] дружелюбно принят, но спустя несколько дней, изнеможенный от раны, умер, исповедуя веру Христову»⁸. Его следует причислить не только к королям, ставшими достойными пред лицом господа, но и к славным мученикам. «Всего правил он 50 лет»⁹. После его смерти престолом завладел Свен и начал свирепствовать в жестокости своей, изощрясь в страшных преследованиях христиан. Тогда поднялись все недруги в северных странах, радуясь, что настало время для злобы их, то есть для войн и мятежей, и начали тревожить соседние государства и с суши и с моря.

Собрав сначала морские войска, они проплыли кратчайшим путем через Британское море¹⁰ и пристали к берегам реки Альбии, где, неожиданно напав на мирных и бесстрашных жителей, опустошили всю приморскую страну Гателен¹¹ и всю ту землю саксов, которая расположена по берегам реки, и дошли до Стадии¹², удобной гавани для ко-

раблей, спускающихся по Альбии. Опечаленные быстро распространившейся вестью об этом, графы Зигфрид и Теодорик и другие знатные лица, на которых лежала оборона страны, поспешили навстречу язычникам и, хотя их было очень мало, связанные условиями времени, напали на неприятеля в упомянутом порту Стадии. Произошла жаркая битва, в которой даны, победив, полностью уничтожили доблестных саксов. Оба графа и другие знатные мужи и воины, которые избежали смерти, связанные и скованные, были отведены на корабли. Граф Зигфрид бежал ночью с помощью какого-то рыбака и [таким образом] избежал плена. Поэтому, охваченные яростью, варвары отрубили руки и ноги у всех знатных, кто был у них в заключении, и, вырвав у них ноздри, полумертвых выбросили на сушу. А потом все, что оставалось в этой стране, безнаказанно разграбили¹³. Другая часть пиратов, проплыв по реке Вирраге, опустошила весь берег этой реки, вплоть до Лестмоны, и прибыла с большим числом пленных на болото Глиндесмор¹⁴. Здесь, когда они заставили одного пленного саксонского рыцаря показать им дорогу, он завел их в самые непроходимые места болота, где они, утомленные преследовавшими их саксами, были легко в тот день разбиты, и 20 тысяч из них погибло. Имя [этого] рыцаря, который завел их в непроходимые места, было Геривард. Саксы воздают ему вечную славу¹⁵.

16. КАКИМ ОБРАЗОМ СЛАВЯНЕ ОТПАЛИ ОТ ВЕРЫ

Около этого времени «закончился год от воплощения господня 1001-й, и в этом году храбрейший император 1001, Оттон III, уже в третий раз вступив победителем в Рим, был застигнут преждевременной смертью и скончался»¹. Ему наследовал на престоле благочестивый Генрих, славившийся своей справедливостью и святостью, тот самый, говорю я, который основал Бамбергское епископство² и проявлял величайшую щедрость в почитании церкви.

На десятом году его правления умер герцог саксонский, Бенно, муж, известный [своей] честностью и ревностный защитник церквей. Герцогство унаследовал сын его, Бернард³. Он не был столь счастлив [в своих делах], как его отец, ибо с того самого времени, как стал он герцогом, в этой стране никогда не прекращались раздоры и волнения, потому что, осмелившись восстать против императора Генриха, герцог увлек за собой против него всю Саксонию⁴. Потом, поднявшись против Христа, начал он преследовать и тревожить все церкви в Саксонии, а особенно те, которые не хотели присоединиться к злобе его в означенном восстании. Ко всем этим бедам прибавилась та, что этот же герцог предал полному забвению то расположение, которое его отец и дед питали к славянам, и столь жестоко угнетал народ винулов своей жадностью, что поставил их в необходимость вернуться к язычеству⁵.

В это время маркграф Теодорик и герцог Бернард захватили славянские земли, овладев один восточной их частью, другой — западной. Их «безрассудство заставило славян стать вероотступниками»⁶. Потому что эти, до сих пор еще неискушенные в вере, языческие народы, с которыми некогда лучшие государи с великой лаской обращались, умеряя свою суровость в отношении тех, к спасению коих усердно стремились, оба они с такой жестокостью преследовали, что те, сбросив иго, пытались защищать свою свободу оружием.

«Князьями у винулов были Мстивой и Мечидраг, под руководством которых вспыхнул мятеж»⁷. Как говорят и как известно по рассказам древних народов, Мстивой просил себе в жены племянницу герцога Бернарда, и тот [ему ее] обещал. Теперь этот князь винулов, желая стать достойным обещания, [отправился] с герцогом в Италию, имея [при себе] тысячу всадников, которые были там почти все убиты. Когда, вернувшись из похода, он попросил обещанную ему девицу, маркграф Теодорик отменил это решение, громко крича, что не следует отдавать родственницу герцога соба-

ке⁸. Услышав это, Мстивой с негодованием удалился. Когда же герцог, переменяя свое мнение, отправил за ним послов, чтобы заключить желаемый брак, он, как говорят, дал такой ответ: «Благородную племянницу великого государя следует с самым достойным мужем соединить, а не отдавать ее собаке. Великая милость оказана нам за нашу службу, так что нас уже собаками, а не людьми считают. Но если собака станет сильной, то сильными будут и укусы, которые она нанесет». Сказав так, он вернулся в Славию. Прежде всего он направился в город Ретру, что в земле лютичей. Созвав всех славян, живущих на востоке, он рассказал им о нанесенном ему оскорблении и о том, что на языке саксов славяне собаками называются. И они сказали: «Ты страдаешь по заслугам, ибо, отвергая своих, ты стал почитать саксов, народ вероломный и жадный. Поклянись же нам, что ты бросишь их, и мы станем с тобой». И он поклялся.

Когда герцог Бернард поднял при таких обстоятельствах оружие против императора, славяне, используя удобное время, собрали войско и «сначала опустошили мечом и огнем всю Нордальбингию, затем, пройдя остальную Славию, сожгли и разрушили все до одной церкви, священников же и других служителей церкви разными истязаниями замучили, не оставив по ту сторону Альбии и следа от христианства», «в Гамбурге же в это время и позднее многих из священников и городских жителей в плен увели, многих из ненависти к христианству поубивали»⁹. Старцы славянские, которые хранят в памяти все деяния язычников, рассказывают, «что больше всего христиан оказалось в Альденбурге. Перерезав всех их, как скот, 60 священников они оставили на поругание. Главный из них в этом городе носил имя Оддар. Вместе с остальными он был предан такой мученической смерти: разрезав железом кожу на голове в форме креста, вскрыли таким образом, у каждого мозг, потом связали им руки за спиной и так водили исповедников божьих по всем славянским городам, пока они не умерли. Так, превращенные в зрелище для ангелов и людей, они испусти-

ли дух посреди своего [мученического] пути, как победители. О многом, подобном этому, совершавшемся в то время в разных славянских и нордальбингских землях, вспоминают старые [люди], но из-за отсутствия тогда хронистов [все это] принимается теперь за басни. Столько мучеников было тогда в славянских землях, что о всех едва ли можно написать в [одной] книге»¹⁰.

«Так, все славяне, которые живут между Альбией и Одрой, в течение 70, а то и больше лет, а именно во все время [правления] Оттонов исповедовали христианскую веру, и вот каким образом они отделились теперь от тела Христова и церкви, с которой раньше были связаны. О, сколь скрыты пути проявления над людьми правосудия господня, он «кого хочет милует, а кого хочет ожесточает». Исполненные изумления перед его всемогуществом, мы видим, что те, которые первыми уверовали, потом к язычеству вернулись, а те, которые казались последними, к Христу обратились. Он, этот судья праведный, сильный и терпеливый, который некогда, уничтожая в присутствии Израиля семь колен ханаанских, сохранил лишь чужеземцев, чтобы этим [способом] испытать Израиль, он, говорю, хотел теперь укрепить только небольшое число язычников, чтобы при посредстве их смутить наше неверие»¹¹.

«Это происходило в последние годы жизни архиепископа Либентия Старого¹² при герцоге Бернарде, сыне Бенно, который тяжело угнетал славянский народ»¹³. «Теодорик, маркграф славян», которому, так же как и упомянутому [Бернарду] «были свойственны жадность, а также жестокость, был лишен должности и всего наследственного владения и, став приходским священником в Магдебурге, он окончил там жизнь худой смертью, как того заслужил»¹⁴. Мстивой, князь славянский, мучимый в последние годы своей жизни раскаянием, обратился к господу, и «так как не хотел отречься от христианства, то был изгнан из отечества, бежал к бардам и там дожил до глубокой старости, сохранив верность христианской религии»¹⁵.

17. О ЕПИСКОПЕ УНВАНЕ

Когда в Альденбурге умер Эзико, преемником его стал Фольквард, после него — Регинберт¹. Из них первый, Фольквард, изгнанный во время преследований [христиан] из Славии, ушел в Норвегию, тут многих к господу приобщил и с радостью вернулся в Бремен². В Гамбургской же митрополии за Адальдагом, который первый посвящал епископов в Альденбурге, последовал Либентий³, муж, славившийся своей святостью. В его время славяне отпали от веры. После него был Унван⁴, «происходивший из знаменитого рода, кроме того, богатый и щедрый, любезный всем людям, весьма расположенный к духовенству»⁵. В то время, когда герцог Бернард поднял со своими сторонниками восстание против императора Генриха и относился сурово и враждебно ко всем церквам в Саксонии, особенно к тем, которые не желали нарушать верность императору, «архиепископ Унван, как говорят, великодушием своим охладил горячность этого мужа, так что, побужденный мудростью и благородством епископа, герцог, ранее отвратившийся от церкви, потом стал во всем к ней благосклонным. И, внимая совету архиепископа, смягчился, наконец, мятежный государь и под Скальцисбургом со смирением протянул руку императору Генриху⁶. Затем, также при поддержке епископа, он обложил славян данью и вернул мир Нордальбингии и Гамбургской митрополии.

До восстановления разрушенной славянами митрополии достопочтенный архиепископ выстроил, как говорят, новые город и церковь и выделил [для последней] по три брата от каждого из своих мужских монастырей, так что [всех] было 12, чтобы они жили в Гамбурге, согласно законам церкви, и отвращали народ от заблуждений идолопоклонства. После смерти Регинберта он посвятил в епископы Славянии Бенно, мужа ревностного, который, будучи избран из [числа] братьев Гамбургской церкви, принес обильные плоды, проповедуя среди славянского народа»⁷.

18. О ЕПИСКОПЕ БЕННО

Бенно, муж большого благочестия, желая восстановить разрушенную в Альденбурге кафедру, начал разузнавать о владениях и доходах, которые были пожалованы епископству Оттоном Великим. Но так как после разрушения Альденбургской церкви древние учреждения и дарения великих государей пришли в забвение и находились в руках славян, то поэтому упомянутый епископ стал жаловаться в присутствии герцога Бернарда на то, что вагры и бодричи и другие славянские племена отказываются [платить] полагающиеся ему подати. Тогда были созваны на собеседование князья винулов, которые, будучи опрошены, почему они уклоняются [от выплаты] епископу законного содержания, начали перечислять разные тягости поборов и говорить, что лучше уйдут из земли, чем возьмут на себя еще более высокие дани. Понимая, что он не сможет восстановить права церкви в том виде, который они имели при Оттоне Великом, герцог, пустив в ход просьбы, едва добился того, чтобы по всей бодрицкой земле, с каждого дома — бедного или богатого — вносилось по две монеты епископам в доход. Кроме того, епископу были возвращены для заселения известные поместья — Бузу и Незенна — и остальные владения в земле вагров. Те же, которые были расположены в отдаленной части Славии и, как упоминает древнее предание, когда-то относились к Альденбургскому епископству, каковы Деричево, Морице, Куцин¹ со всеми угодьями, епископ Бенно никогда от герцога так и не смог получить, хотя возвращения их часто добивался. Когда же благочестивому императору Генриху стало угодно созвать сейм в замке Вербене², что по эту сторону Альби, чтобы испытать образ мыслей славян, то все князья винулов пришли к императору и в его присутствии заявили, что будут повиноваться империи на благо миру и покорности. Когда епископ альденбургский повторил здесь императору старую жалобу относительно земельных владений своей церкви, славянские князья, спрошенные о владениях, принадлежащих епископу, призна-

ли, что упомянутые города со своими предместьями должны принадлежать церкви и епископу. Кроме того, все бодричи, хижане, полабы, вагры и остальные племена славянские, входившие в пределы Альденбургской церкви, дали обещание платить весь тот оброк, который был установлен Оттоном Великим в качестве десятины на содержание церквей. Однако [это] обещание их оказалось сплошным притворством и обманом. Ибо как только император, распустив сейм, обратился к другим [делам], они об обещанном и думать перестали. Ибо герцог саксонский Бернард, в военных делах усердный, но весь преисполненный жадности, живущих по соседству славян, которых подчинил себе войнами или договорами, столь большими поборами обложил, что они ни о боге больше не помнили, ни священникам ни в чем не оказывали благожелательности. Поэтому исповедник Христов, Бенно, видя, что дело его посланничества государи этого мира не только не поддерживают, а, напротив, чинят ему всяческие препятствия, измученный напрасным трудом и не находя места, где бы отдохнула стопа его, отправился к святейшему мужу Беренварду, епископу хильдесгеймскому³, рассказал ему о своем затруднительном положении и просил утешения в [своей] беде. Тот, будучи мужем кротким, принял гостя радушно, оказал утомленному услуги человеколюбия и из средств своей церкви обеспечил его содержание, пока тот, отправившись выполнять дело своего посланничества, не найдет, вернувшись, безопасного места, в котором мог бы оставаться.

В это время упомянутый епископ Беренвард основал в стошедшем ему по наследству владении, [потратив на это], как можно видеть, громадные средства, большой храм св. Михаила архангела и привлек [сюда] великое множество монахов для служения господу. Когда церковь, согласно обету, была выстроена, на объявленное торжество ее освящения сошлось бесчисленное множество [народа]. И наш епископ Бенно здесь в то время, когда он освящал левую половину церкви, был так сдавлен и помят народом, что

после нескольких дней все усиливавшегося недуга расстался с жизнью и был с почетом похоронен в северном приделе [церкви]. Преемником его стал Мейнгер⁴, принявший благословение от Либентия II. После него был Абелин⁵, посвященный архиепископом Алебрандом.

19. О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГОТШАЛКОМ [ХРИСТИАН]

1024 «В те дни прочный мир господствовал»¹ в Славии, потому что Конрад², который наследовал императору Генриху Благочестивому, усмирил вендов частыми войнами. Однако христианская религия и служение господу не получили от этого большой выгоды, чему виной явилась жадность герцога и саксов, которые, все захватывая, не давали, чтобы церквям и священникам что-нибудь осталось.

Князьями у славян были Анадраг, Гнеус и, третий, Удо³, плохой христианин, за что, а также за свою жестокость, был неожиданно убит каким-то саксом-перебежчиком. Сын его, по имени Готшалк, обучался наукам в школе в Люнебурге⁴. Когда он узнал о смерти отца, то оставил веру и ученье и, перейдя реку, пришел к народу винитов⁵. Собрал много разбойников, в знак мести за отца, он обрушился на всю нордальбинскую землю и учинил такое избиение христианского народа, что жестокость его перешла все границы. В стране гользатов и штурмаров и тех, которых называют дитмаршами, ничего не осталось, что бы избежало его руки, кроме известных крепостей Эзего и Бокельдебург; здесь нашло приют некоторое число вооруженных [людей] с женщинами, детьми и имуществом, сохранившимся от разграбления⁶.

Когда упомянутый князь, по обычаю разбойников, однажды проезжал по полям и лесам, он увидел, что страна, некогда полная людей и церквей, превратилась теперь в пустыню, и содрогнулся от ужаса, [видя] плоды своей жестокости, и, движимый сердечной печалью, он решил, наконец,

удержать руку свою от нечестивых поступков. Отдалившись на короткое время от своих сторонников, уходя якобы в засаду, он неожиданно наткнулся на какого-то сакса-христианина. Когда тот, издали заметив идущего вооруженного человека, бросился бежать, он громким окриком велел ему остановиться и поклялся, что не причинит ему никакого зла. И когда испуганный человек, поверив, остановился, он начал расспрашивать у него, кто он такой и что слышно нового. И тот сказал: «Я — бедный человек, родом из Гользати. Плохие слухи доходят ежедневно до нас, а именно, что этот князь славянский, Готшалк, великое зло причиняет народу нашему и земле нашей и кровью нашей хочет насытить жажду жестокости своей. Поистине, пришло время, чтобы господь, спаситель наш, отомстил за наши обиды». Готшалк ему ответил: «Во многом обвиняешь ты этого человека, князя славянского. Действительно, большие обиды причинил он народу и земле вашей, воздавая великую месть за смерть своего отца. Я и есть этот самый человек, о котором идет речь, и я пришел, чтобы поговорить с тобой. Прискорбно мне, что столько беззаконий совершил я против господи и христиан, и я горячо желаю вернуть себе милость тех, с которыми, знаю, так несправедливо я поступил. Прими слова мои и, вернувшись к своему народу, объяви ему, чтобы он прислал в указанное мною место верных мужей, которые бы со мной тайно повели переговоры о союзе и условиях мира. Совершив это, я передам в их руки всю эту толпу разбойников, при которых меня удерживает больше необходимость, чем желание». И, так промолвив, указал ему место и время. И тот, придя в крепость, в которой с великим страхом прятались оставшиеся в живых саксы, объявил старейшинам это слово сокровенное, побуждая их всеми способами, чтобы послали мужей в указанное для переговоров место. Но они не направили их, считая, что это — коварный прием, удобный для устройства засады.

Через несколько дней этот князь был захвачен в плен герцогом и, как предводитель разбойников, брошен в

темницу. Однако герцог, считая, что этот храбрый и усердный в военном деле муж будет ему полезен, заключил с ним договор и, с честью его одарив, разрешил ему уйти. И он, будучи отпущен, ушел к королю данов Кнуту⁷, и жил у него⁸ много дней и лет, ища себе славы и доблестей в разных военных походах в Норманнии и Англии. И за это был удостоен руки королевской дочери⁹.

20. О ВЕРЕ ГОТШАЛКА

После же смерти короля Кнута Готшалк вернулся в землю отцов своих¹. И, найдя свои наследственные владения захваченными какими-то знатными людьми, решил бороться и, сопровождаемый победой, полностью вернул себе свои владения и власть. И тотчас же, стремясь приобрести себе славу и честь у господ, стал прилагать все старания к тому, чтобы пробудить к принятию благодати веры и к заботе о церкви славянские народы, которые принятое некогда христианство предали забвению. И дело господне в руках его так преуспело, что бесчисленное множество язычников стекалось для восприятия благодати крещения. И по всей стране вагров, полабов и бодричей были восстановлены некогда разрушенные церкви. И во все края было послано за пастырями и служителями слова [божьего], чтобы они насытили грубые души язычников учением веры. И радовались верующие прибавлению нового рассадника [христианства]². И свершилось, что «земли наполнились церквями, церкви же пастырями»³. Даже хижане и черезпеняне и другие племена, обитающие за Пенной, приняли благодать веры. А Пена — это река, в устье которой расположен город Димин. Сюда некогда доходила граница Альденбургской епархии. «Таким образом, все славянские племена, находившиеся на попечении» Альденбургской церкви, «набожно сохраняли христианскую веру» в течение всего времени, пока жив был Готшалк. «Рассказывают, что этот действительно великой набожности муж воспылал такой любовью к божественной религии, что часто сам в церкви

обращался с проповедью к народу, причем то, о чем епископы и священники говорили непонятно, он старался передать на понятном [для народа] славянском языке»⁴. Никогда, без сомнения, не выдвигался во всей славянской земле «никто более сильный и столь же усердный в христианской религии. И поистине, если бы ему была дарована более долгая жизнь, он, [вероятно], сумел бы склонить всех язычников к христианству, если сейчас обратил почти третью часть тех, которые раньше, при деде его Мстивое, отпали в язычество»⁵. «Тогда в каждом поселении были устроены монастыри, в которых пребывали святые мужи, жившие по законам церкви, а также монахи и монахини, как свидетельствуют те, кто в Любеке, Альденбурге, Рацисбурге, Леонтии⁶ и других городах видел некоторых из них. В Магнополе⁷ же, знаменитом городе бодричей, было, как говорят, три конгрегации служителей господних»⁸.

21. ВОЙНА ДОЛЕНЧАН

В те дни произошло великое движение в восточной части славянской земли, где славяне вели между собой внутреннюю войну. Их же — четыре племени, и они называются лютичами, или вильцами; из них хижане и черезпеняне, как известно, обитают по ту сторону Пены, ратари же и доленчане — по эту. Между ними начался великий спор о первенстве в храбрости и могуществе. Ибо ратари и доленчане желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитейший храм, в котором выставлен идол Редегаста, и они только себе приписывали единственное право на первенство потому, что все славянские народы часто их посещают ради [получения] ответов и ежегодных жертвоприношений. Но черезпеняне и хижане отказывались им подчиняться и, напротив, решили защищать свою свободу оружием. Когда волнение так понемногу разрослось, дело дошло, наконец, до войны, и тут в жарких битвах ратари и доленчане были побеждены. Поэтому

война возобновлялась второй и третий раз, и те же теми же по-прежнему были одолены. Много тысяч людей пало с той и с другой стороны. Победителями оказались черезпеняне и хижане, войну со стороны которых вызвала только необходимость. Тогда ратари и доленчане, воевавшие ради славы, сильно терзаемые позором своего поражения, призвали на помощь храбрейшего короля данов¹ и саксонского герцога Бернарда, а также Готшалка, князя бодричей, каждого со своим войском, и содержали все это множество [людей] на собственные средства в течение шести недель. И началась война против черезпенян и хижан. У них не было сил противостать такому громадному, осадившему их войску, и великое множество их было убито, много уведено в плен. Наконец, они купили себе мир за 15 тысяч марок². Эти деньги князь разделили между собой. О христианстве они и не вспомнили³, и никаких почестей не воздали богу, ниспославшему им [эту] победу в войне. Отсюда можно узнать ненасытную жадность саксов, которые хотя и превосходят воинственностью и военным опытом остальные народы, соседящие с язычниками, однако предпочитают лучше дани увеличивать, чем обретать господу [новые] души. Давно бы уже при поддержке священников окрепла краса христианства в Славии, если бы этому не мешала жадность саксов. Да будет прославлен и всякой хвалой возвышен достойнейший Готшалк, который хотя и происходил из языческого народа, однако со всей пылкостью любви снова возвратил своему народу дар веры, благодать религии! И да будут порицаемы знатнейшие из саксов, которые, будучи рождены от христианских предков и взлелеяны в лоне святой матери церкви, в деле господнем всегда оказывались бесплодными и бесполезными.

22. О ВОССТАНИИ СЛАВЯН

В это время, когда вследствие милосердия божьего и доблести благочестивейшего мужа Готшалка положение церкви и почитание священников достигло в Славии надле-

жащего расцвета, Альденбургская церковь, после смерти епископа Абелина, была разделена на три епископства¹. Это было сделано, как известно, не столько по распоряжению императора, сколько устроено по замыслу великого Адальберта, архиепископа гамбургского², ибо этот муж, знаменитый и всесильный в государстве, так как могущественный император Генрих, сын Конрада³, а также папа Лев⁴ были к нему благосклонны и с волей его во всем согласны, обладал во всех северных государствах (а именно в Дании, Швеции, Норвегии) властью архиепископа и полномочиями легата апостольской столицы. Не удовлетворенный этим, он желал достичь достоинства патриарха таким способом, чтобы учредить в пределах своей епархии 12 епископств, о чем рассказывать излишне, ибо для мудрых глупость и безумие этого намерения были очевидны. При дворе его собирались многочисленные священники и монахи, а также многие епископы, которые, будучи изгнаны из своих мест, кормились от его стола. Желая облегчить [для себя] тяжкое бремя, он отправил их в гуцу язычников, поставив одних на уже устроенные кафедры, других — на еще нестроенные. Из них Эзо предложил избрать он в префектуру Абелину в Альденбурге; некоему Аристу, прибывшему из Иерусалима, велел быть в Рацисбурге; Иоанна назначил в Микилинбург⁵. «Этот Иоанн, из любви к странствованиям по чужим краям покинувший Шотландию, прибыл в Саксонию и милостиво, как и все, принятый архиепископом, спустя некоторое время был направлен им в славянские земли к Готшалку, пребывая у которого окрестил в это время, как пишут, многие тысячи язычников»⁶.

Прочный мир господствовал тогда во всем государстве, так как могущественнейший император Генрих сильной рукой усмирил угров, богемцев, славян и другие соседние государства⁷. Когда он перенесся к всевышнему, скипетр его наследовал сын его Генрих⁸, мальчик восьми лет. И тотчас же начались в империи разные беспорядки, так как князья, склонные к распрям, пренебрегали императором из-за его

1056
окт. 5

юного возраста. И каждый поднялся против ближнего своего, и умножились многочисленные бедствия на земле, [а именно] грабежи, пожары и убийства людей⁹.

Немного времени спустя умер Бернард, герцог саксонский, ревностно управлявший делами славян и саксов в течение 40 лет. Его наследие поделили между собой сыновья его, Ордульф и Гереман¹⁰. Управление герцогством взял на себя Ордульф, хотя по храбрости и боевому опыту он сильно отличался от отца. И вот, едва после смерти отца его прошло 5 лет, как славяне тотчас же начали восставать и прежде всего убили Готшалка¹¹.

И вот муж, на вечные времена заслуживающий памяти за проявленную им верность богу и государям, был убит язычниками, которых он старался обратить в веру. Но на этом «еще не наполнилась мера беззаконий аммореев»¹², не «пришло время помиловать» их¹³. Еще надлежало, чтобы пришли разномыслия и искусные были открыты¹⁴. Погиб же этот второй Маккавей¹⁵ в городе Леонтии, что иначе называется Ленчин, в седьмые иды июня¹⁶, вместе с пастырем Эпо, заколотым у алтаря, и многими другими как светскими, так и духовными лицами, которые претерпели различные мучения во имя Христа. Монах Ансвер и с ним другие были в Рацисбурге побиты камнями. Мученическая смерть их наступила в иды июля¹⁷. «Говорят, что Ансвер, когда пришел на мученическую казнь, требовал от язычников, чтобы сначала были побиты камнями его товарищи, так как боялся, чтобы они не отпали от веры. Когда же они были увенчаны [мученическим венцом], он сам с радостью преклонил со Стефаном колени»¹⁸.

23. МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ СВ. ИОАННА ЕПИСКОПА

«Епископу Иоанну, старцу, схваченному с другими христианами в Магнополе, то есть в Микилинбурге, жизнь была сохранена для торжества [язычников]. За свою привер-

женность Христу он был [сначала] избит палками, потом его водили на поругание по всем славянским городам, а когда невозможно было заставить его отречься от имени Христова, варвары отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье, принесли ее в жертву богу своему Редегасту в знак победы. Все это происходило в столице славян, Ретре, в четвертые иды ноября»¹.

24. ПЕРВОЕ ОТПАДЕНИЕ СЛАВЯН ОТ ВЕРЫ ХРИСТОВОЙ

«Дочь датского короля была выгнана нагой с другими женщинами из Микилинбурга, города бодричей. Она, как мы сказали выше, была женой князя Готшалка. От нее он имел сына Генриха¹, от другой [жены] родился Бутуй², и каждый из них был рожден на великое истребление славян.

Славяне, одержав победу, разрушили мечом и огнем всю гамбургскую землю. Почти все штурмары и гользаты были или убиты или уведены в плен. Крепость Гамбург была разрушена до основания, и в насмешку над спасителем нашим даже кресты были изломаны язычниками»³. «В это же время неожиданным набегом славян до основания был разрушен Шлезвиг», который иначе называется Гейдебо, «город за Альбией, расположенный на границе Данского королевства, богатейший и многолюдный»⁴. «Исполнилось над нами пророчество, гласящее: «Господи, пришли язычники в наследие твое, осквернили святой храм твой», и иные, в которых пророчески горько оплакивалось разрушение города Иерусалима. Виновником этого бедствия был, говорят, Блюссо, имевший женой сестру Готшалка, но и он, вернувшись домой, был умерщвлен. Таким образом, все славяне, объединенные общим движением, снова отпали в язычество, умертвив тех, которые твердо стояли в вере.

Герцог Ордульф в течение тех 12 лет, на которые он пережил отца, нередко и тщетно сражался против славян, но

не смог одержать победы и столь часто был побеждаем язычниками, что был осмеян даже своими»⁵.

Происходило это движение в славянской стране в 1066 г. от рождества Христова, на 8-м году правления Генриха IV⁶. И опустела Альденбургская кафедра на 84 года.

25. О КРУТЕ

После смерти Готшалка, мужа доброго и почитателя бога, княжество его перешло по праву наследования к сыну, его Бутую. Те, которые убили его отца, боясь, чтобы сын не стал когда-нибудь мстителем за смерть его, подстрекали народ к восстанию, говоря: «Не он должен господствовать над нами, но Крут, сын Грина¹. Ибо чем поможет нам то, что, стремясь к свободе, мы убили Готшалка, если он унаследует княжескую власть. Он еще больше будет нас притеснять, чем отец, и, пристав к народу саксонскому, навлечет на страну новые беды». И тотчас же, споворившись между собой, они возвели Крута на княжество, обойдя сыновей Готшалка, которым власть принадлежала по праву. Младший из них, по имени Генрих, бежал в Данию, так как происходил из королевского рода данов. А старший, Бутуй, удалился к бардам², прося помощи у саксонских князей, которым отец его был всегда предан и верен. Они, отплачивая благодарностью за дружественное отношение, начали ради него войну, и после многих утомительных походов восстановили его положение. Однако оно оставалось все время непрочным и не могло полностью укрепиться, так как, рожденный от христианина-отца и друг князей, он считался у своего народа предателем свободы. Ибо после той победы, когда, убив прежде всего Готшалка, они разрушили нордальбингскую землю, славяне сбросили вооруженной рукой иго и с таким упорством старались отстоять свою свободу, что предпочитали лучше умирать, чем снова принимать христианство и платить дани

саксонским князьям. Такое злополучие навлекла на саксов, конечно, их несчастная жадность. Будучи до сих пор в расцвете сил, славясь частыми победами, они не признавали, что война — от господ и от него же победа, и обложили славянские народы, которые они войнами и соглашениями себе подчинили, столькими данями, что горькая необходимость побудила тех противиться божеским законам и игу князей. За эту вину заплатился Ордульф, герцог саксонский, который в течение всего времени, на какое пережил отца, не смог, покинутый богом, ни одной победы одержать над славянами. И так случилось, что сыновья Готшалка, возлагая надежды свои на герцога, опирались, оказалось, на тростниковую, и притом, сломанную палку.

После смерти Ордульфа власть унаследовал сын его Магнус, рожденный от дочери данского короля³. И тотчас же, с самого начала своего правления, он направил [все свои] помыслы и силы на усмирение восстаний славян, к чему подстрекал его сын Готшалка, Бутуй. Но они единодушно начали ему сопротивляться, руководимые Крутом, сыном Грина, который был враждебно настроен по отношению к христианству и герцогской власти. И прежде всего они изгнали Бутую из его страны и разрушили крепости, в которых он находил убежище. Видя, что его лишили княжеской власти, он бежал к герцогу Магнусу, который пребывал тогда в Люнебурге, и обратился к нему со следующими словами: «Известно твоему сиятельству, величайший из мужей, как верно управлял всегда отец мой, Готшалк, к чести господ и деда твоего славянскими землями, не спуская им ничего, что по праву касалось служения богу и верности князьям. Я же, стараясь сравниться с отцом в покорности, верно и преданно содействовал всем распоряжениям князей, подвергая себя бесконечным опасностям, чтобы мне хоть одно пустое честное звание досталось, вам же плоды. Ни для кого не составляет тайны, какая напрада постигла меня и отца моего, ибо у него жизнь, а у меня отечество отняли враги наши, враги, говорю, не только

наши, но и твои. Итак, если ты хочешь позаботиться о своей чести и о спасении твоих, тебе следует применить силу и оружие. Жребий наш достиг последнего предела, и надо спешить [действовать] раньше, чемдвигающиеся вперед враги используют нордальбингскую землю». Выслушав это, герцог ответил: «Я не могу в этот раз сам выступить, так как меня задерживают важные помехи, но я дам тебе бардов, штурмаров, гользатов и дитмаршей, с помощью которых ты сможешь задержать на время продвижение врагов. Я же, если в этом будет необходимость, спешно за вами последую». Выступить в настоящее время мешал герцогу день его свадьбы.

Взяв храбрейших бардов, Бутуй перешел Альбию и поспешил в землю вагров. Послы же герцога пробежали всю нордальбингскую землю, побуждая народ выйти для оказания помощи Бутую, которого одолевают враги. А он, стоя во главе 600 и более вооруженных мужей, пришел к крепости Плуне⁴ и нашел город сверх всякого ожидания открытым и пустым от людей. Когда он вошел туда, одна тевтонская женщина, которая там оказалась, сказала ему: «Бери все, что найдет рука твоя, и как можно скорее уходи, так как это из хитрости сделано, что город оставлен открытым и без стражи. Услышав о твоём приходе, славяне завтра вернуться с большим войском и обложат город осадой». Ничего не ответив на сказанное, он остался в этой крепости всю ночь. А город этот, как это можно и теперь видеть, окружен со всех сторон весьма глубоким озером, и [только] очень длинный мост обеспечивает приходящим доступ к нему. На следующий день, когда рассвело, бесчисленные полчища славян, как и было предсказано [накануне] вечером, обложили город осадой, позаботившись о том, чтобы на всем острове нельзя было найти ни одной лодки, при помощи которой осажденные получили бы возможность уйти из города.

Из-за голода Бутуй и его товарищи с большим трудом выдерживали осаду. Получив это несчастное известие,

храбрейшие из гользатов, штурмаров и дитмаршей поспешили, чтобы освободить город от осады. Придя к реке по названию Свала⁵, которая отделяет саксов от славян, они выслали вперед [одного] человека, знавшего славянский язык, чтобы он высмотрел, что делают славяне и как они готовятся к приступу на город. Посланный своими товарищами, этот человек пришел в славянское войско, которое, заняв все пространство поля, готовило разные машины, нужные для приступа. И он обратился к ним с такими словами: «Что делаете, о мужи, осаждая город и людей, дружественных князьям и саксам? Во всяком случае эта попытка не пойдет вам на пользу. Герцог и другие государи приказывают вам как можно скорее снять осаду. Если вы этого не сделаете, то через короткое время почувствуете их месть». Когда они со страхом спрашивали, где находится герцог, он ответил, что он находится очень близко и с бесчисленным множеством войска. Тогда князь славян, Крут, отведя посланца в сторону, расспрашивал его об истинном положении дел. На что тот сказал: «Что дашь мне в награду, если открою тебе то, о чем ты спрашиваешь, и сделаю так, что ты овладеешь, согласно своему желанию, этим городом и теми, которые в нем находятся?» И он договорился [дать] ему 20 марок. Тотчас же после того, как обещанное было подтверждено, этот предатель сказал Круту и товарищам его: «Герцог, которого ты боишься, еще не перешел берегов Альбии, задержанный серьезными препятствиями, одни только штурмары, гользаты и дитмарши выступили в небольшом числе. Их я легко, одним лишь словом, отведу и заставлю вернуться на места свои». Промолвив это, он перешел мост и сказал Бутую и товарищам его: «Позаботься о спасении своем и мужей, которые с тобой, так как саксы, на которых ты возлагаешь надежду, не придут на этот раз помочь тебе». Тогда, упав духом, тот воскликнул: «О, горе мне, несчастному, за что оставлен я друзьями? Так благороднейшие саксы покинут в беде просящего у них и нуждающегося в их поддержке? Как же

зло я обманут! Всегда питая к саксам большое доверие, теперь в этой крайней нужде я ими погублен». На что тот сказал: «Раздоры наступили среди этих народов, и, возмутьившись друг против друга, они вернулись каждый в дом свой. Таким образом, тебе следует принять другое решение».

Запутав так положение вещей, вернулся этот посланец к своим. Когда же его расспрашивали прибывавшие саксы, как обстоят дела, он отвечал им: «Пошел я в крепость, в которую вы посылали меня, но никакой, по милости божьей, опасности там нет, никакого страха перед осадой. Напротив, я видел, что Бутуй и те, которые с ним, веселы и ни о чем не беспокоятся». И таким образом он удержал войско, чтобы оно не пошло к осажденным на подкрепление. Этот человек стал виновником гибели Бутуя и его товарищей. Ибо сразу, после того как осажденные, обманутые хитростью предателя, потеряли надежду на выход [из крепости], они начали тщательно выведывать у врагов, не хотели ли бы те получить какого-нибудь выкупа за спасение их жизни. Те им отвечали: «Золота и серебра мы от вас не возьмем, жизнь же и невредимость членов ваших сохраним, если, выйдя, вы сдадите нам оружие». Услышав это, Бутуй сказал своим товарищам: «Жестокие условия, о мужи, предлагаются нам, — чтобы, выйдя, мы сдали оружие. Знаю, что голод принуждает нас к сдаче. Но если, согласно предложенным нам условиям, мы выйдем безоружными, то все равно подвергнем себя опасности. Сколь изменчива, сколь ненадежна искренность славян, мне пришлось не раз убедиться. Мне кажется, осторожнее для общего спасения будет отсрочкой этого [выхода], хотя и тяжелой [для нас], жизнь купить и подождать, быть может, господь пошлет нам откуда-нибудь помощников». Но товарищи его воспротивились этому, говоря: «Мы признаем, что предлагаемое нам неприятелем условие двусмысленно и внушает тревогу, однако им надо воспользоваться, так как избежать этой опасности другим путем невозможно. Чему поможет

отсрочка, когда нет никого, кто избавил бы [нас] от осады? Голод приносит более жестокую смерть, чем меч, и лучше скорее жизнь окончить, чем долго мучиться».

26. О СМЕРТИ БУТУЯ

Бутуй, видя, что товарищи его укрепились в решении выйти [из крепости], приказал принести ему нарядные одежды и, одевшись в них, вышел с друзьями. Пара за парой перешли они мост, сдавая оружие, и, таким образом, были приведены к Круту. Когда все пред ним предстали, одна знатная женщина обратилась из крепости к Круту и к остальным славянам с повелением, поворя: «Погубите этих людей, которые сдались вам, и не вздумайте пощадить их, потому что они учинили великое насилие над женами вашими, которые были оставлены с ними в городе, смойте позор, нанесенный нам». Услыхав это, Крут и сподвижники его тотчас же накинулись на них и острием меча истребили все это множество [людей]. Так были Бутуй и с ним все отборное войско бардов под крепостью Плуней в тот день убиты¹.

И стал могущественным Крут, и благополучно было дело в руках его, и получил он власть над всей славянской землей, и уничтожены были силы саксов, и служили они Круту данью, а именно вся земля нордальбингская, которая делилась между тремя народами — гользатами, штурмарамми и дитмаршами. Все они во все время [правления] Крута несли тягчайшее иго.

И наполнялась земля разбойниками, которые убивали и уводили в плен [многих] из народа божьего и пожирали народы саксов «полным ртом»². В эти дни поднялось более чем 600 семейств из племени гользатов и, перейдя реку, отправилось в далекий путь, ища удобных мест, где можно было бы избегнуть пыла [жестокого] преследования. И пришли они в горы Гарц³ и остались там сами, и дети, и внуки их до нынешнего дня.

27. О ПОСТРОЙКЕ ГАРЦБЕРГА

Нет ничего удивительного, что «среди строптивного и развращенного рода»¹, «в великой и страшной пустыне»², происходили печальные события, если и по всей империи возникали в эти дни военные бури.

Управление государством, которое пришло в немалый упадок во время малолетства короля Генриха³, оказалось в не меньшей опасности и в годы его юности. Ибо тотчас же после того, как он достиг совершеннолетия и, удалив наставника [своего]⁴, стал сам себе господином, он начал жестоко преследовать весь саксонский народ. И в конце концов он отобрал у Оттона⁵, так как тот был саксом, герцогство Баварию и отдал ее Вельфу⁶. После этого для угнетения всей Саксонии он поставил на горе Гарце сильно укрепленную крепость, под названием Гарцберг⁷. Собравшись воедино, разгневанные князья саксов разрушили до основания эту крепость, которая была поставлена, чтобы их подчинить. И ожесточились саксы против короля. А государями были у них Вицело, епископ магдебургский⁸, Букко, епископ гальберштадтский⁹, герцог Оттон, герцог Магнус¹⁰, маркиграф Удо¹¹ и множество других знатных. Чтобы обуздать дерзость их, король поспешно прибыл с войском, соединившись с герцогом свевским, Родульфом¹², и многими другими имперскими князьями. Но и саксы не мешкали и мужественно бросились в бой, и войска сошлись на реке Унстрот¹³. И когда уже оставалось немного времени до битвы, решили обе стороны на совете заключить на два дня перемирие, надеясь потушить войну миром. Довольные перемирием, саксы тотчас же побросали оружие и разошлись по всему полю, разбили лагерь и предалися заботам о теле. Около 9 часов дня разведчики императора заметили, что саксы спокойно разбрелись по всему полю, не подозревая ничего плохого, и поспешно сообщили императору, якобы саксы готовятся к бою. Тогда побужденное [этой вестью] войско императора, перейдя вброд [реку], напало на опо-

койных и безоружных саксов и уничтожило в тот день много тысяч их.

Когда саксы, чтобы защитить свою свободу, пытались опять угрожать войной, герцог севский, муж добрый и миролюбивый, заботясь, во-первых, о чести короля, во-вторых, о спасении саксов, добился от них, чтобы государи их, Вицело магдебургский, Букко гальберштадтский, герцог Оттон, герцог Магнус, маркграф Удо, передались во власть короля на тех условиях, что не будут подвергнуты заключению и не получат никаких телесных повреждений. Но тотчас после того, как соблазненные условиями, саксы передались под власть короля, он приказал взять их под усиленную стражу, не заботясь о сохранении веры данному слову. И омрачился герцог Родульф, так как не смог выполнить обещанного.

28. О ПУБЛИЧНОМ ПОКАЯНИИ КОРОЛЯ ГЕНРИХА

Несколько дней спустя саксонские государи, освобожденные против воли короля из плена, вернулись по домам, но с тех пор они никогда уже обещаниям короля не верили. И отправили саксонские государи донесение в апостольскую столицу, жалуюсь [в нем] достопочтенному папе Григорию¹ на то, что король, пренебрегая божественными законами, отнял у церкви господних свободу канонического избрания при установлении епископов, сам ставя насильственным образом в епископы тех, кого захочет. Они жаловались еще, кроме того, на то, что он по обычаю николаитов² из жены своей сделал публичную женщину, силой отдавая ее в жертву распутства других, и чрезвычайно много иных еще вещей [совершил], которые видеть непристойно и о которых слушать трудно. Поэтому владыка апостольский, ревностью к справедливости побужденный, отправил послов к королю, призывая его на свидание в апостольскую столицу. Тот не внял ни второму, ни третьему приглашению,

но в конце концов, побуждаемый советами друзей, опасавшихся, чтобы он, как того требовала справедливость, не был бы низложен с престола, отправился в Рим, где отдал себя на суд верховного пастыря по всем делам, за которые законно был привлечен. И повелели ему, чтобы в течение целого года он Рима не покидал, на коня не садился, но в скромной одежде обходил пороги церквей, принося в молитвах и постах достойный плод покаяния, что король и старался смиренно выполнять³.

Тогда, видя, что в страхе пред апостольской столицей трепещут могущественные государи и склоняются те, кто мир носит⁴, кардиналы и те, которые состоят в курии, внушили папе, чтобы он передал государство другому мужу, говоря, что недостойно тому править, кто изобличен в публичных проступках.

И когда папа начал разведывать, кто бы в Германии был достоин такой чести, ему указали на герцога свевского Родульфа, так как был он мужем добрым, миролюбивым и был весьма предан духовенству и церкви. И папа послал ему золотую корону, надписанную таким стихом:

Скала Рим Петру дала, папа же тебе корону⁵.

И предписал папа могонтскому и колонскому и другим епископам и государям, чтобы они держали сторону Родульфа и поставили его королем. И принявшие это повеление папы избрали в короли Родульфа, и примкнули к нему также саксы и свевы. Другие же из государей и города, расположенные по Рейну, не приняли его, так же как и все племена франков, ибо они присягали Генриху и не хотели нарушать присяги⁶.

Генрих же, повинувшись приказу папы, оставался в Риме и дальше, не подозревая о кознях, которые против него чинились.

29¹

И выступил тогда некий епископ страсбургский, близкий друг короля Генриха², и, поспешно в Рим отправившись,

после долгих поисков нашел короля пребывающим среди памятников святых [мучеников]. Обрадованный прибытием епископа, король начал расспрашивать о положении государства и о том, сохраняется ли там все в мире. Тот сказал ему, что избран новый король и что ему необходимо скорее вернуться в тевтонскую землю, чтобы направить помыслы друзей и обуздать намерения врагов. Когда король стал отговариваться, что никоим образом без разрешения апостольской столицы уйти не может, тот ответил: «Так знай же, что все зло этого заговора вышло из источника римского вероломства. Нет напротив, если ты хочешь избежать плена, то тебе следует тайком уйти из столицы». И тогда, уйдя ночью, король направился в Италию и, укрепив сообразно с обстоятельствами положение в Лангобардии³, прибыл в тевтонскую землю. Прирейнские города и все, кто держал его сторону, были обрадованы неожиданным прибытием государя.

И собрал он большое войско, чтобы одолеть Родульфа. Были с ним и славнейший герцог Готфрид, тот, который потом освободил Иерусалим⁴, и много [других] могущественных мужей. Войска же саксов и свевов были с Родульфом. И началась между королями война, и сторона Родульфа потерпела поражение, саксы и свевы были разбиты. Раненный в правую руку, Родульф бежал в Марциполис⁵ и [там], будучи уже близок к смерти, сказал своим приверженцам: «Видите мою правую руку, пораженную раной? Это ею я присягнул королю Генриху в том, что не буду вредить ему и злоумышлять против славы его. Но повеление папы и просьбы епископов привели меня к тому, что, нарушив присягу, я присвоил себе звание, мне не надлежащее. Какой конец постиг меня, вы видите: смертельная рана нанесена мне в руку, которой я нарушил присягу. Так пусть же те, кто нас к этому подстрекнул, увидят, как они привели нас к тому, что мы будем ввергнуты, может быть, в пропасть вечного осуждения». И, сказав это, он с великой скорбью завершил последний день [своей жизни]⁶.

1080

Тогда, гордый достигнутыми успехами, король Генрих созвал великий собор епископов и велел осудить на нем папу Григория как государственного изменника и нарушителя мира в церкви. Затем, собрав огромное войско, он перешел в Италию и, заняв столицу империи, Рим, и перебив в нем много жителей, изгнал оттуда Григория. И, овладев, согласно своему желанию, городом и сенатом, велел поставить в папы Виберта, епископа Равенны¹. И когда он получил от него благословение, тогда римский народ торжественно провозгласил его императором и августом².

И стало слово это великой петлей для Израиля³, ибо с этого дня начался такой раскол церкви господней, какого от древних времен не было. Те, которые считались самыми совершенными, столпами храма божьего, присоединились к Григорию. Остальные, которых побуждал страх перед императором или милость его, последовали за Вибертом, иначе Клеменсом. И такой раскол продолжался 25 лет. Когда Григорий умер, преемником его стал Дезидерий, после него Урбан, затем Пасхалий⁴. И все они, пребывая у королей Франции, Сицилии и Испании, защищавших католическую сторону, присуждали императора с его папой к отлучению от церкви.

Восстановив после поражения опять свои силы, саксы поставили у себя королем некоего Германа, по прозвищу Клюфлех⁵, и возобновили войну против императора Генриха. Когда новый государь саксов, дважды одержав победу, вступал победителем в одну крепость, по чудесному соизволению божьему случилось, что ворота сорвались с петель и раздавили короля со многими людьми.

Так попытка саксов оказалась бесплодной. Больше они не отваживались ни себе нового короля ставить, ни оружия поднимать против императора Генриха, видя, что с благословения и разрешения божественной воли королевство сохраняется за ним.

31. О ПОСЛАНИИ МОНАХА ПЕТРА

В последние дни [правления] Генриха старого¹ произошло событие, достойное упоминания и сохранения в памяти потомков. А именно: некий Петр, испанец по происхождению, монах по призванию², вступив в пределы Римской империи, начал проповедовать по всему государству, увещевая народы идти в Иерусалим, чтобы освободить святой город, находившийся в руках язычников. При этом он показывал спустившееся, как он утверждал, с неба послание, в котором [было написано], что времена народов исполнились и город, угнетаемый язычниками, должен быть освобожден. И тогда властители всех стран, епископы, герцоги, префекты, рыцари и плебеи, аббаты и монахи под предводительством храбрейшего Готфрида³ предприняли поход в Иерусалим и, полагаясь на помощь божью, захватили Никею, Антиохию⁴ и многие [другие] города, находившиеся во власти язычников. И, двигаясь оттуда дальше, они освободили из рук язычников [и] святой город⁵. И с тех пор начала здесь шириться слава господня, и народы земные поклоняются господу в месте, где ступали ноги его. 1196

32. НИЗЛОЖЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА

По истечении этих дней умер Виберт, иначе Клеменс, и прекратился раскол, и вернулась вся церковь к Пасхалию, и стало «едино стадо и един пастырь»¹. И когда Пасхалий утвердился на престоле, он приказал всем епископам и служителям католической веры отлучить императора от церкви. Этот приговор оказал такое действие, что государи, собравшись на сейм, постановили отобрать корону у Генриха и передать ее сыну его, носящему то же имя. Он же уже давно был по просьбе отца выдвинут ему в преемники².

Итак, посланные государями [епископы] могонтский, колонский, вормский³ пришли к королю⁴, который находился тогда в небольшом дворце Ингелистейме⁵, и передали ему от их имени повеление, говоря: «Вели отдать нам корону, 1105»

1196⁶ перстень, порфиру и [все] остальное, что относится к [знакам] императорского достоинства и должно быть передано твоему сыну». Когда он спросил о причине своего низложения, они ответили: «Зачем ты спрашиваешь о том, что ты сам лучше знаешь? Ты помнишь, как в течение многих лет страдала по твоей вине вся церковь в заблуждениях великого раскола? Как ты выставлял на продажу епископства, аббатства и все церковные должности, так что при установлении епископа отсутствовала всякая возможность свободного избрания, а [соблюдался] один лишь денежный расчет? За эти и другие дела постановила апостольская власть при единодушном согласии государей не только лишить тебя престола, но и отлучить от церкви». На что король сказал: «Вы говорите, что мы продавали церковные должности за деньги. В вашей власти приписывать нам такое преступление. Но скажи, о могонтский епископ, скажи, заклинаю тебя именем вечного бога, что мы взыскали или получили [от тебя], когда поставили тебя в Могонтии? Или ты, епископ колонский, призываем в свидетели совесть твою, что дал ты нам за престол, который по нашей милости ты занимаешь»? Когда они признали, что никаких денег за это дело не было ни дано, ни получено, король сказал: «Хвала богу, что хоть в этой части обнаружена наша честность. А ведь эти две должности — самые выдающиеся и могли принести большие доходы нашей казне. Наконец, епископ вормский. Как он был принят нами, до чего вознесен! Чем мы при этом руководствовались, расположением ли к нему или расчетом, — это ни для вас, ни для него самого не тайна. Достойную же благодарность воздаете вы за наши милости. Не будьте, прошу вас, соучастниками тех, кто поднял руку против господина и короля своего, нарушил веру и присягу. Вот мы уже слабеем, и недолго осталось жить нам, изнуренным старостью и трудами. Держитесь же спокойно и не дайте славе нашей завершиться позором. Если, как вы говорите, нам надлежит совсем уйти, и это решение твердо, то пусть будет назначен суд, пусть установят любой день для

1105

него; и если сейм постановит, мы собственными руками передадим корону нашему сыну. Мы настоятельно требуем созыва генерального сейма».

Когда они начали против этого возражать и говорить, что поручение, ради которого посланы, выполнят непременно, король, удалившись от них на короткое время, обратился за советом к верным [приверженцам]. И, видя, что послы прибыли в сопровождении войска и что сопротивляться невозможно, он велел принести себе королевские одежды, облачился в них и, воссев на троне, обратился к послам, говоря: «Эти знаки императорского достоинства вручены мне по милости царя вечного и по единодушному выбору князей империи. Господь, который возвел меня по соизволению своему на такую вершину, может сохранить мне то, что дал, и удержать руки ваши от предпринятого намерения. Поэтому нам, лишившимся войска и оружия, следует крепче положиться на помощь божью. Занятые до сих пор внешними войнами, мы всегда твердо и ревностно стояли на страже нашей [страны], избегая при поддержке божьей военных потерь то благоразумием, то доблестью в сражениях. Об этой же внутренней беде мы не подозревали, а поэтому не принимали мер предосторожности против нее. Ибо кто бы мог поверить, чтобы такое беззаконие появилось в христианском мире, чтобы принесенную государю присягу верности нарушали, сына возбуждали против отца, чтобы, наконец, никакой благодарности за [оказанные] милости и никакого почтения за доброе отношение не проявляли. Императорская власть даже по отношению к врагам имеет обыкновение соблюдать правила благопристойности и тем, которые должны быть обречены на изгнание или осуждены, не отказывает в лекарстве вызова или суда, и раньше, чем поразить, предостерегает, сначала поощряет к раскаянию, потом выносит приговор. А нас наперекор всем божеским законам отказываются вызвать и выслушать, поэтому нас душат и не слушают. Кто бы мог поверить, что столь отвратятся [от нас] сердца вернейших друзей, а особенно сердца

епископов. О господе миротворце вам напоминаем, пусть страх пред ним удержит вас, вас, которых не может удерживать справедливость. Если же вы не уважаете ни бога, ни своего достоинства, тогда вот мы здесь пред вами, мы не можем противостоять насилию и вынуждены подчиниться силе, противиться которой не в состоянии».

Епископы начали колебаться, [не зная], что им делать, ибо начало великих дел всегда трудно. Тогда епископ монтский обратился к своим товарищам, говоря: «Доколе мы будем бояться, о друзья! Разве не наша обязанность посвящать в короли и посвященного облачать? И если это можно по приказу государей делать, то разве нельзя и отменить по их же повелению? Мы облачаем заслужившего, почему нам не снять облачения с незаслужившего?» И тотчас же, приступив к делу, они набросились на короля и сорвали с его головы корону. Затем, низведя [его] с трона, сняли они с него багряницу и все остальное, что принадлежало к священным одеждам. Тогда король, объятый стыдом, сказал им: «Пусть видит господь и пусть судит, как несправедливо вы поступаете со мной. Конечно, я страдаю за прегрешения моей юности, получая от господя мерой того же веса бесчестия и позор, каких никто из королев, до меня бывших, как известно, не испытал. Однако и вы не свободны от греха, вы, которые подняли руку на своего господина и нарушили принесенную вами присягу; пусть видит бог и пусть отомстит вам бог, говорю я, господь мститель. Да не возвеличится честь ваша и да разделите вы судьбу того, кто предал господя нашего Христа».

Но они не слушали его и, направившись к его сыну, вручили ему знаки императорского достоинства и утвердили его на престоле⁷.

И тогда поднялся сын против отца и изгнал его из государства. Уходя от сына своего, тот пришел в княжество, которое называется Линтбург¹, стремясь вперед и торопясь,

чтобы уйти от рук, ищущих жизни его. А был в этой стране благородный князь², у которого император, будучи еще у власти, отнял княжество Линтбург и передал другому. И случилось, что этот князь, предававшийся как раз охоте, находился близ дороги, по которой следовал император в сопровождении девяти мужей, и заметил, как тот убегает от сына своего. Какие-то слухи об этом до него доходили. Сев на коня и захватив с собой своих рыцарей, князь спешно последовал за королем. Император, увидев его и приняв за врага, начал опасаться за [свою] жизнь и, воскликнув громким голосом, стал просить о снисхождении. Тогда князь сказал: «Плохое вы, государь, снисхождение мне оказали, вы, который некогда отказали просящему в милости и отняли у меня герцогство». «За это,— сказал император,— я теперь страдаю, ибо сын мой поднялся против меня, и я лишился своего достоинства». Видя императора оставленного [всеми], князь этот, движимый состраданием, сказал ему: «Хотя, конечно, вы употребили вашу власть мне во зло, но бог видит, каким состраданием к вам я охвачен. Ибо величайшее беззаконие совершено против вас и как раз теми, к которым вы были всегда благосклонны и благодетельны. Как вам кажется, нет ли среди князей кого-нибудь, кто остался бы вам верен?» И когда император сказал, что не знает, так как не пытался [выяснить], тот промолвил: «Господь может восстановить ваше достоинство, потому что несправедливо поступили с вами. Сделайте то, что я [вам] посоветую, остановитесь в этом городе и займитесь заботой о своем измученном теле, а мы пошлем во [все] страны и города и попытаемся, не сможем ли найти где-нибудь поддержки. Ибо, быть может, справедливость еще не совсем покинула сыновей человеческих».

И незамедлительно послал он в окрестности за рыцарями и, собрав около 800 панцирников, присоединился к императору и перевел его в большой город Колонию. Жители же Колонии его приняли. Когда об этом услышал сын [императора], он пришел с большим войском и осадил

Колонию. И поскольку осада становилась все тяжелее, то император, боясь за город, ушел тайком ночью и бежал в Леодиум³. И пришли туда к нему все верные мужи, сердца-ми которых владело сострадание. Увидев число приверженцев своих, император решил бороться. И так как сын с большим войском преследовал его, то он вышел навстречу ему у реки Маз⁴. И [здесь] он обратился с просьбой к князьям и ко всему своему мужественному войску, говоря: «Если всемогущий бог поможет нам сегодня в битве и мы выйдем победителями, сберегите мне сына моего и не вздумайте его убивать». И произошла битва, и отец, одержав победу, отогнал сына за мост, и многие там были убиты мечом, а многие утонули в реке. И опять возобновилась битва, и старший император был побежден, схвачен и заключен.

Сколько обид, сколько оскорблений этот знаменитый муж в те дни претерпел, и рассказать трудно и для слуха печально. Издевались над ним друзья, насмехались также и враги. И, наконец, еще, как рассказывают, внезапно среди всех появился некий бедный, но ученый человек и сказал ему: «Состарился ты в злых днях! ныне обнаружили грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды несправедливые, осуждая невинных и оправдывая виновных»⁵. Когда присутствующие, то есть мужи, приверженные императору, разгневались, он удержал их, сказав: «Не гневайтесь на него, прошу вас. Вот если мой сын, который вышел из чресел моих, ищет души моей, чего же требовать от чужого? Предоставьте ему злословить, ибо такова воля господня»⁶.

Был там тогда епископ спирский⁷, некогда императору весьма любезный, ибо он [для него] и громадный храм в честь богородицы в Спире построил и достойно расширил город и епископство. И сказал император другу своему, епископу спирскому: «Вот, лишившись престола, я потерял [всякую] надежду, и ничто для меня не будет полезнее, как отказаться от военной службы. Дай мне какое-нибудь место у себя в Спире, чтобы я стал служить госпоже моей, матери господина моего, которой я всегда был предан. Я умудрен

в науке и могу пока еще прислуживать в хоре». На что тот ответил: «О мать божья, я не сделаю для тебя того, о чем ты просишь». И тогда император, глубоко вздыхая и проливая слезы, сказал присутствующим: «Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мой, ибо рука господня коснулась меня»⁸.

И умер император в то время в Леодиуме, и тело его оставалось в какой-то заброшенной часовне в течение пяти лет непогребенным. Так сурово отомстили ему папа и другие противники его, что и мертвого хоронить не разрешали. О сколь велик суд господень, который исполнился над столь могущественным мужем. Будем же питать надежду на то, что огонь этого несчастья выжиг из него скверну и уничтожил ржавчину. Ведь сколь часто, «будучи же судимы, наказываемся от господа, чтобы не быть осужденными с миром»⁹. А был император к церквям очень добр, к тем именно, преданность которых чувствовал. Римского же первосвященника Григория и других, злоумышлявших против достоинств его, считал он врагами и старался бороться с ними. К этому принуждала его, как многие говорят, необходимость. А кто же равнодушно стерпит хотя бы самый небольшой ущерб, нанесенный достоинству его? Мы ведь читаем, что многие грешили, однако им приходило на помощь лекарство раскаяния. Давид, совершив грех и раскаившись в нем, остался царем и пророком¹⁰. Император же Генрих, припав к стопам апостольским, молил[ся], каялся, напрасно пресмыкался, но не нашел во времена милости к себе того, что получил во времена сурового возмездия. Но пусть толкуют об этих делах те, которые о них знают или дерзают толковать. Одно только знать следует,— это, что римская столица до сегодняшнего дня страдает за тогда совершенное. Сколько государей с того самого времени из этого рода ни правило, все всеми способами старались унижить церковь, чтобы она не вздумала восставать опять против императоров и не причиняла им того, что причинила отцам их.

Генрих младший¹¹ правил вместо отца, и было согласие между престолом и духовенством, но не долгое время. Потому что и он не был счастлив в жизни своей, будучи опутан, подобно отцу своему, апостольским престолом. Об этом будет сказано в свое время.

Рассказав по необходимости об этих смутах в империи и о разных войнах с саксами, потому что они именно и явились главной причиной отпадения славян, я должен опять вернуться к истории последних, от которой давно уже отошел.

34. О СМЕРТИ КРУТА

Случилось, что когда Крут, князь славян и гонитель христианства, обессилел от старости, Генрих, сын Готшалка, покинул Данию и вернулся в землю отцов своих¹. Когда же Крут закрыл ему всякий доступ [в страну], он, собрав некоторое количество кораблей у данов, а также у славян, напал на Альденбург и на всю приморскую область славянскую и вывез оттуда безмерную добычу. И когда он совершил это во второй и в третий раз, великий ужас охватил все славянские племена, обитающие на островах и на берегу моря, и до такой степени, что Крут сам сверх всякого ожидания предложил Генриху мирные условия и, согласившись на его возвращение [в страну], предоставил ему селения, удобные для жилья. Однако он сделал это не с честным намерением: Крут хотел подавить [этого] молодого, храброго и воинственного человека хитростью, не будучи в состоянии уничтожить его силой. И поэтому на устраивавшихся от времени до времени пиршествах он испытывал его дух, подбирая удобное для выполнения своих коварных замыслов время.

А тому не хватало ни ума, ни хитрости, чтобы уберечь себя [от опасности]. Славина, жена Крута, часто его спасала, сообщая о [готовящихся] кознях. И в конце концов, возненавидев своего уже старого мужа, она решила выйти замуж за Генриха, если это будет возможно.

Побуждаемый этой женщиной, Генрих пригласил Крута на пир. [И здесь] на него, опьяневшего от обильного питья, когда он выходил, нагнувшись, из покоя, где они пировали, напал с топором некий дан и одним ударом отсек ему голову.

Так Генрих получил Славину в жены, захватил власть и страну. И занял крепости, которые принадлежали до того Круту, и воздал врагам своим месть².

Затем он отправился к герцогу Магнусу, ибо был его родственником³, и, возвеличенный последним, принес ему присягу в верности и покорности. Он созвал все до единого народы нордальбингов, которые Крут сильно притеснял, и заключил с ними крепкий союз, которого никакая военная непогода не могла бы нарушить. И радовались гользаты и штурмары и остальные саксы, соседящие со славянами, тому, что погиб их величайший враг, который обрекал их на смерть, и на плен, и на изгнание, а вместо него поднялся новый князь, который возлюбил спасение Израиля. И они охотно служили ему, спешили с ним вместе на разные военные опасности, готовые с ним как жить, так и храбро умереть. Когда все славянские народы, именно те, которые обитают к востоку и югу, услышали, что появился среди них князь, который говорит, что они должны подчиниться христианским законам и уплатить дани князьям, они сильно вознегодовали и согласились все единой волей и единым решением вступить в войну с Генрихом и поставить вместо него того, кто бы был во все времена настроен против христиан.

Генриха известили, что славянское войско вышло против него, чтобы его свергнуть. Он тотчас же отправил послов, призывая герцога Магнуса и храбрейших из бардов, гользатов, штурмаров и дитмаршей. И они все поспешили с готовностью и доброй волей, и, вступив в землю полабов, [пришли] к полю, называемому Смилово⁴, где по всему его пространству было рассеяно неприятельское войско.

Магнус, видя, что войско славян велико и снабжено оружием, побоялся вступать в сражение с ним. И так битва

была отложена с утра на вечер потому, что посредники старались прекратить войну соглашением. Герцог же с нетерпением ожидал помощи от войска, которое, он надеялся, [скоро] придет. И незадолго до захода солнца это произошло. И вот лазутчик герцога возвещает ему, что издали приближается снабженное оружием войско. Увидев его, герцог обрадовался. Саксы воспрянули духом и, испуская клики, начали битву. И были сломлены боевые ряды славян и, рассеявшись в бегстве, они были все перебиты острием меча. И стала знаменитой и достойной упоминания эта победа саксов. Ибо господь был с верующими в него и отдал множество в руки немногих. Рассказывают те, отцы которых принимали участие в этой битве, что блеск уже заходящего солнца до того ослепил обращенные к нему во время боя глаза славян, что из-за света они ничего не могли видеть. Так, при помощи малой помехи, всемогущий бог нанес врагам своим великий удар. И с этого дня все племена этих восточных славян служили Генриху, платя ему дань. И стал он знаменитым среди славянских народов, снискав заслуженную известность своей честностью и стремлением к миру. И велел он народу славянскому, чтобы [каждый] муж обрабатывал поле свое и занимался трудом полезным и подходящим. И истребил он разбойников и отступников в стране. И вышли народы нордальбингов из крепостей, в которых сидели, запершись, опасаясь войны, и вернулся каждый в селение и владение свое, и были восстановлены дома и церкви, разрушенные во время военных невзгод. Однако во всей Славии не было еще ни церквей, ни священников, кроме [одного] только города, который теперь называется старым Любеком⁵, потому что Генрих со своей семьей часто там пребывал.

35. О СМЕРТИ ГРАФА ГОТФРИДА

1106 После этого умер герцог саксонский Магнус, и император отдал герцогство графу Людери¹, так как у Магнуса не было сыновей, а только дочери. Из них одна, по имени Эйли-

ке, вышла замуж за графа Оттона² и родила ему [сына], маркграфа Альберта, по прозвищу Медведь³. Вторая из дочерей, по имени Вульфилда, отдана была в жены герцогу баварскому Катуллу⁴ и произвела на свет Генриха Льва⁵. Людер же получил герцогство Саксонское и правил разумно как славянами, так и саксами.

Случилось же в эти дни, что разбойники славянские 1110
пришли в землю штурмаров и увели много скота и людей в плен из-под города Гамбурга. Под крики и вопли граф этой области Готфрид⁶ поднялся с изрядным числом жителей Гамбурга и отправился в погоню за разбойниками. Но, чувствуя, что их много, он несколько задержался, [выжидая], пока придет к нему помощь. Проходивший мимо какой-то крестьянин, жена и дети которого были уведены в плен, стал громко упрекать графа, крича: «Чего ты боишься, о ничтожнейший из мужей? У тебя сердце женщины, а не мужа. Если бы ты увидел, что твою жену и детей уводят в плен, как увели моих, ты бы не ждал. Спешь, торопись, освободи находящихся в плену, если хочешь, чтобы тебя и дальше почитали в стране!» Побуждаемый этими словами, граф поспешил в погоню за врагами. А те оставили позади себя засаду и, когда граф с небольшим числом людей проходил мимо, поднялись сидевшие в засаде с мест своих и убили графа и с ним около 20 мужей и удалились своей дорогой с добычей, которую отняли. Жители области, также преследовавшие [разбойников], нашли [тело] убитого графа; голову же его не обнаружили, потому что, отрубив, славяне унесли ее с собой. Потом она была выкуплена за большую цену и положена на место свое в могилах отцов.

36. О ПОРАЖЕНИИ РАН

Герцог Людер отдал освободившееся графство благородному мужу Адольфу из Сквенбурга¹. И был мир между графом Адольфом и князем славян Генрихом.

Но в то время, когда Генрих находился в городе Любе-

ке, неожиданно пришло войско руян, или ран, и, подойдя руслом Травны, окружило на кораблях [этот] город.

Раны же, у других называемые рунами,— это кровожадное племя, обитающее в сердце моря, преданное сверх всякой меры идолопоклонству. Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму. Жреца они почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда гадание покажет, а одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего, остальное же делят между собой.

И вот, побуждаемые стремлением к господству, они пришли в Любек, чтобы завладеть всей вагрской и нордальбингской землей. Генрих, увидев бедствие этой неожиданной осады, сказал начальнику своего войска: «Нам следует позаботиться о спасении своем и мужей, которые с нами. Я считаю, что мне надо пойти и привлечь сюда помощь, тогда, может быть, мне удастся освободить город от осады. А ты будь храбрым мужем и укрепляй [дух] воинов, которые находятся в городе. Сберегите мне город до четвертого дня. Тогда я, если мне удастся сохранить жизнь, появлюсь [вон] на той горе». И уйдя тайком ночью с двумя мужами, он пришел в землю гользатов и известил их об угрожающей опасности. И они, собравшись вместе, поспешили с ним в путь и приблизились к крепости, которая была осаждена неприятелем. Генрих разместил союзников в тайных убежищах и велел им соблюдать тишину, чтобы случайно враги не услышали голосов множества людей или ржанья коней. И, покинув их, довольствуясь только одним слугой, пришел он на место, которое указал и откуда мог быть замечен из города. Начальник крепости, искусно высмотрев

Генриха, показал его [своим] друзьям, которые впали уже в смятение, ибо до них дошел слух, что он был якобы захвачен врагами в ту ночь, когда ушел.

Взвесив опасность, [в которой находились] его люди, и силу осады, Генрих вернулся к своим союзникам, провел войско тайным путем по берегу моря до устья Травны и сошел по дороге, по которой должна была спускаться славянская конница. Когда раны увидели множество спускающихся по дороге от моря [людей], они подумали, что это их конница, и сошли с кораблей навстречу им, радостно рукоплещая. А те, громко распевая молитвы и песнопения, напали внезапно на врагов и гнали их, устрешенных неожиданностью, до самых [их] кораблей. И великое поражение понесло ранское войско в этот день, [много их] пало убитыми около крепости Любек, и число тех, которые утонули в волнах, было не меньше, чем павших от меча. И насыпали огромный курган, в котором сложили тела погибших, и в память победы зовется этот курган Раниберг до сегодняшнего дня. И был возвеличен господь бог в тот день делами христиан, и постановили они праздновать этот день августовских календ² во все времена в знак и в память того, что господь поразил ран на глазах народа своего³.

И стали служить племена ран Генриху, платя [ему] дань, так же как вагры, полабы, бодричи, хижане, черезпеняне, лютичи, поморяне и все [другие] славянские племена, обитающие между Альбией и Балтийским морем и простирающиеся длинной полосой до самой земли полонов. Над всеми ними властвовал Генрих и во всей земле славянской и нордальбингской его называли королем⁴.

37. О ПОБЕДЕ МСТИВОЯ

Когда однажды среди племен брежан¹ и стодорян, а именно тех, которые населяют Гавельбург и Бранденбург, начались волнения, Генрих счел необходимым обратить против них оружие, чтобы дерзость двух племен случайно

не дала повода к восстанию всего востока. И он отправился со своими, любезными ему, воинами нордальбингскими и, пройдя через славянскую землю, с великими трудностями достиг города Гавельбурга и осадил его. И повелел он племени бодричей, чтобы они тоже вышли и приняли участие в осаде города. И затянулась осада на дни и месяцы.

Между тем дошло до Мстивою², сына Генриха, что по соседству обитает какой-то народ, богатый всеми благами, что жители [эти] спокойны и не вызывают подозрения ни в каких смутах. А называются эти славяне лины, или линоги³. И, не посоветовавшись с отцом, он взял с собой 200 саксов и 300 славян, всех как на подбор, и отправился в двухдневный путь через лесные дебри, труднопроходимые реки и обширные болота. И напали они на беззаботных и бесстрашных славян и, забрав у них громадную добычу и пленных, ушли нагруженные. И когда, торопясь вернуться, они пробирались по опасным болотам, жители окрестных мест, собравшись вместе, кинулись в бой [с ними], желая освободить пленных. Те, которые были с Мстивоем, увидев, что их окружает бесчисленное множество врагов и что придется путь прокладывать оружием, стали ободрять друг друга и, напрягши все силы, все множество противников перебили острием меча, а кроме того, увели с собой в плен их князя и с победой, принеся огромную добычу, вернулись благополучно к Генриху и войску, которое держало осаду. По прошествии немногих дней брежане и остальные мятежники запросили мира, а также дали заложников, как того захотел Генрих⁴. И, таким образом, усмирив мятежников, Генрих вернулся к себе. Племена нордальбингов также вернулись по домам своим.

38. ПОХОД СЛАВЯН В ЗЕМЛЮ РАН

Случилось после этого, что один из сыновей Генриха, по имени Вольдемар, был убит ранами. Тогда, движимый и печалью и гневом, отец направил все свои помыслы на то,

чтобы отомстить за него. И разослал он послов в разные славянские земли, чтобы договориться о помощи. И пришли все с единым желанием и с единодушным решением повиноваться приказам короля и покорить ран. И были они «во множестве, как песок при море»¹. Не довольствуясь ими, Генрих послал [еще] призвать на помощь саксов, а именно тех, которые происходят из Гользатии и Штурмари, напоминная им о [своем с ними] личном союзе. И они последовали за ним с открытым сердцем в числе около 1600 [человек]. И, переправившись все вместе через реку Травну, они шли по обширным землям полабов и тех, которые зовутся бодричами, пока не достигли реки Пены, а перейдя ее, направили путь свой к городу, который называется Волигост, а у ученых зовется Юлией Августой в честь основателя города Юлия Цезаря². Здесь они нашли ожидающего их Генриха и тут переночевали, раскинув лагерь неподалеку от моря. С наступлением утра Генрих созвал народ на собрание и обратился к нему, говоря: «Великую вам, о мужи, благодарность следует принести за то, что в доказательство своего расположения и непоколебимой веры вы столь издалека пришли, принося нам помощь против свирепых врагов. Часто случалось мне испытывать храбрость вашу и проверять вашу верность, которые, как известно, в различных опасностях мне большую помощь, а вам славу принесли, но ничто не отличает [вас] так, как вот это проявление вашей преданности. Нам следует навсегда сохранить ее в нашей памяти и всегда всеми силами стараться ее заслужить. Хочу я поставить вас в известность, что раны, к которым мы сейчас идем, прислали ко мне ночью послов [сказать], что предлагают 200 марок за мир. По этому делу без вашего совета я ничего решать не стану: если вы постановите, что следует [их условие] принять, я приму, если постановите отказать, я откажу». На что саксы ответили: «Хотя нас и мало числом, однако, жаждущие чести и заслуг, самой большой добычей мы считаем славу. Ты говоришь, что ранам, которые сына твоего убили, можно, если мы посоветуем, за 200

марок вернуть милость? Действительно, достойное твоего великого имени удовлетворение! Да минует нас такой позор, чтобы мы дали когда-нибудь согласие на это дело. Ибо не для того мы оставили жен и детей, наконец, родные места, чтобы стать для врагов посмешищем, а сыновьям оставить в наследство вечный позор. Продолжай лучше [делать] то, что начал, перейди море, воспользуйся мостом, который настлал тебе добрый творец, простри руку твою на врагов твоих. И ты увидишь, что для нас славная смерть — самая высокая награда».

Воодушевленный этими увещаниями, князь снял лагерь с этого места и направился к морю. Узкий же пролив этого моря, который легко можно было охватить глазом, был в это время вследствие суровой зимы покрыт весьма крепким льдом. И когда они, пройдя леса и кустарники, вышли к морю, здесь [оказалось] множество славян, собравшихся из всех земель. Рассеянные по всему пространству моря, разделенные на знамена и ряды, они ожидали повелений короля. И было это войско очень велико. И когда все [славяне] так стояли спокойно и в порядке отдельными рядами, одни только вожди вышли [из рядов], чтобы приветствовать короля и чужеземное войско, и, склонив головы, почтили их. Ответив им на приветствие и ободлив их, Генрих начал спрашивать их о дороге и о том, кто при выступлении [в поход] пойдет впереди. Когда все вожди наперерыв стали предлагать свои услуги, саксы ответили: «Как известно, у нас существует такой закон, что при выступлении на войну мы идем первыми, при возвращении с нее последними. Мы полагаем, что и в этом деле нам не следует пренебрегать законом, который завещан [нам] отцами и до сих пор соблюдается нами».

И кивком головы король изъявил свое согласие на это. Ибо хотя число славян было и велико, Генрих, однако, не доверял им, потому что знал их всех хорошо.

Подняв знамена, саксы пошли вперед, а остальное войско, [состоявшее из] славян, последовало рядами за ними.

В течение всего дня шли они по льду и глубокому снегу и, наконец, около 9 часов очутились в земле ран. И тотчас же подожгли ближайšie к берегу селения. Генрих же сказал союзникам [своим]: «Кто из нас пойдет разведать, где находится ранское войско? Мне кажется, что вдали видно множество [людей], приближающихся к нам». Лазутчик сакс, посланный с несколькими славянами, тотчас же вернулся и объявил, что подходит неприятель.

И сказал [Генрих] союзникам [своим]: «Помните, о мужи, откуда вы пришли и где вы находитесь. Вот стол накрыт, и нам следует спокойно к нему приступить, уклоняться неуместно; значит, нам надлежит принять участие в его утехах. Со всех сторон мы окружены морем, враги перед нами, враги за нами, и нет для нас спасения в бегстве. Укрепитесь поэтому в госпoде бoге всевышнем и будьте мужами храбрыми, ибо одно из двух [нам] остается — или победить, или мужественно умереть». И Генрих выстроил войско и сам стал впереди его с сильнейшими из саксов.

Увидав [такой] пыл [этого] мужа, раны пришли в великий ужас и послали своего жреца, чтобы тот договорился [с ним] о мире. Жрец предложил сначала 400, потом 800 марок. Но когда войско в негодовании зашумело и стало побуждать [передовой] отряд, чтобы начинал битву, он пал к ногам князя, говоря: «Не гневайся, о господин, на рабов своих. Вот [вся] земля [наша] перед твоими глазами, пользуйся ею, как [тебе] угодно, все мы в руках твоих, что ни назначишь нам, все мы тебе дадим». И за 4400 марок они достигли мира. Взяв заложников, Генрих возвратился в землю свою и выпустил войско, каждое по домам своим.

А [затем] он послал послов в землю ран получить деньги, которые были ими обещаны. Но раны денег не знают и не привыкли пользоваться ими при покупке товаров. А если бы ты хотел купить что-нибудь на рынке, то приобретаешь это на лоскут полотна. Если они случайно, путем грабежа или захватив в плен людей, или как-нибудь иначе получают золото и серебро, то они употребляют их на украшения для

своих жен или отдают в казну своего бога. Тогда Генрих поставил весы для взвешивания самых тяжелых вещей. И когда они исчерпали свою общественную казну и все то золото и серебро, которое имелось [у них] дома, то и тогда едва половину уплатили, обманутые, я думаю, при взвешивании. Генрих, разгневанный тем, что раны обещанного полностью не уплатили, начал готовить второй поход в их землю. На следующую зиму, когда море стало удобопроходимым, он, пригласив на помощь герцога³ Людера, вступил в ранскую землю с большим войском из саксов и славян. И едва они здесь пробыли три ночи, как холода начали уменьшаться и лед таять. И случилось, что, не завершив [своего] дела, они должны были вернуться, едва избежав опасности [погибнуть] в море⁴. Саксы больше не пытались вступать в землю ран, так как Генрих, прожив после этого еще не очень долгое время, смертью своей положил конец войне.

39. УМЕРЩВЛЕНИЕ РИМЛЯН

Около этого времени император Генрих¹ вел большую войну против герцога Людера и саксов. Генрих же младший², получив в свои руки после изгнания, или, лучше, после умерщвления отца, управление монархией и увидев, что вся земля перед глазами его отдыхает, под присягой обязал всех князей [совершить] поход в Италию, желая по обычаю получить всю полноту императорского достоинства из рук высшего первосвященника. Перейдя Альпы, он направился с громадным войском в Рим³. Папа Пасхалий, услышав о приходе его, немало обрадовался и послал в окрестные страны пригласить многочисленное духовенство, чтобы устроить торжественно прибывшему королю еще более торжественный прием. И [Генрих] с великим ликованием был встречен духовенством и жителями города. Когда дело дошло до посвящения, папа потребовал от него принести присягу в том, что он всегда будет стойко соблюдать католическую веру, с уважением относиться к апостольской столице,

ревностно защищать церкви. Но гордый король, не захотел присягнуть, говоря, что император, которому должны будут все приносить присягу, сам присягать не должен.

Так начался спор между папой и королем, и обряд посвящения был прерван. И тотчас гнев охватил вооруженное войско королевское, и оно накинулось на духовенство и содрало с него священные одежды, бесчинствуя, как волки в овчарне. Услыхав об этом, жители Рима устремились на защиту духовенства, так как видели оскорбления, которым оно подвергалось. И началась такая битва в доме св. Петра, о какой не было слышно с древнейших времен. Верх одержало королевское войско и жестокой смертью истребило римлян, не делая разницы между духовенством и народом, всех одинаково поражая мечом. Все сильнейшие мужи сражались здесь до тех пор, пока мечи не цепенели в руках их. И наполнился дом святости трупами, и от множества мертвецов такие потоки крови потекли, что воды Тибра окрасились в цвет крови.

Но зачем мне еще задерживаться на этом?

Папа и другие, кто избежал смерти, были уведены в плен. И тогда можно было видеть, как тянули за веревки, накинутые на шеи, обнаженных, со связанными за спиной руками, кардиналов, как вели бесчисленные толпы скованных горожан. Когда, выйдя из Рима, они достигли места своей первой остановки, пришло несколько епископов и монахов к папе и сказали ему: «Великая печаль в сердцах наших, о святейший отец, из-за стольких злодеяний, которые обрушились на тебя, твое духовенство и на жителей города твоего. Но эти беды, ниспосланные [нам] за грехи наши, оказались скорее неожиданными, чем предвиденными. Согласись с нами и умилоствивь господина нашего, чтобы и он стал милостив к тебе, и соверши над ним обряд благословения своего». [На что] папа ответил им: «Что говорите вы, о любезные братья? Вы говорите, что нам следует посвящать мужа этого несправедливого, кровожадного и лукавого? Хорошо же очистил он руки свои для принятия посвящения,

он, который кровью пастырей залил алтари божьи, а дом святости наполнил телами убитых. Да минует меня слово такое, чтобы я согласился на посвящение того, кто сам сделал себя достойным проклятья». И когда они объяснили, что для обеспечения спасения своего и тех, кто находится в плену, нужно, чтобы он умилил короля, папа с великим бесстрашием отвечал: «Я не боюсь господина вашего, короля. Пусть он умертвит тело мое, если хочет, но больше нет ничего, что он мог бы сделать. Больших успехов достиг он в умерщвлении жителей [города] и духовенства, но истинно говорю я вам, в остальном он не достигнет победы, не увидит мира во все дни свои, и породит сына, который воссядет на трон его».

Когда обо всем этом было доложено королю, он воспыла гневом и приказал обезглавить всех пленников на глазах папы, чтобы утратить его. Тот же настойчиво убеждал их мужественно принять смерть за правду, обещая им немеркнущий венец жизни вечной. А они, единодушно повергшись к ногам его, умоляли его спасти им жизнь. Тогда святейший отец, обливаясь слезами, призвал [господа], видящего в сердцах, в свидетели [того], что он предпочел бы лучше умереть, чем уступить, если бы ему не мешало собственное всем, согласно христианскому закону, сострадание.

И он поступил так, как повелевала ему необходимость, и обещал посвятить короля, чтобы тот освободил пленных. И вернулись папа и кардиналы в город [Рим] и, подчинившись насилью, вторично поступили согласно желанию короля и дали ему привилегию на все, чего бы душа его ни желала ⁴.

40. О БИТВЕ ПРИ ВЕЛЬФЕСХОЛЬТ

После того как, вырвав посвящение, император снова отправился в тевтонские земли, в городе Риме собрался собор ¹ из 120 отцов [церкви]. На этом соборе папа был сурово обвинен в том, что он возвел в императорское достоин-

ство святотатственного короля, который верховного первосвященника в плен взял, кардиналов увел, пролил кровь священнослужителей и жителей города, и, кроме того, в том, что он закрепил привилегией за этим самым недостойным из всех человеком право ставить епископов, которое предшественники его старались всегда сохранить за церковью, не страшась ни смерти, ни изгнания. Папа начал оправдываться необходимостью и тем, что, таким образом, ценой небольшого ущерба большая опасность была отведена, что иначе нельзя было предотвратить истребление народа и пожар в городе, что он, действительно, согрешил, но сделал это под давлением [других] и готов искупить свою вину согласно тому, как решит святейший собор. После того как его оправдания были выслушаны, пыл обвинителей остыл, и, вынесенное решение считать исторгнутую привилегию не законом, а, напротив, беззаконием², они постановили поэтому предать ее проклятию и признать недействительной, самого же императора, кроме того, отлучить от святой церкви.

Весть об этом распространилась по всему миру, и все, кто, используя любой случай, страстно стремился к переворотам, обратили все свои усилия на подготовку восстания. Главным среди них был известный епископ могонтский, Альберт³; к нему же примкнули весьма многие, особенно князья саксонские, которых побуждала к отложению частью необходимость, частью же старая привычка к восстаниям. Ибо, кроме этой последней войны, что теперь готовилась, они некогда девять раз вступали в войну с храбрейшим мужем, Генрихом старшим⁴. Однако к чему мне на этом останавливаться?

Император, чувствуя, что уже вся Саксония отошла от него и яд заговора разливается все шире, прежде всего заключил в темницу [главного] виновника восстания, епископа могонтского, а затем, вторгшись в Саксонию, подверг всю эту область сильнейшему опустошению, а ее князей перебил или, самое меньшее, увел в плен. Тогда те, кто из

саксонских государей остался [в живых], а именно герцог Людер, епископ гальберштадтский Рейнгер⁵, граф арне-сбергский, Фредерик, объединились с многими знатными и, встретив короля, снова вернувшегося с войском в Саксонию, в месте, которое называется Вельфесхольт⁶, двинули свое войско против войска королевского, хотя они и не были равны по численности, ибо трое сражались против пяти.

1115 Эта знаменитая в нашем столетии битва произошла в фев-
1 фев- ральские календы. Верх в ней одержали саксы, разбив вой-
раля ско императора.

В битве этой пал начальник императорского войска Гогер⁷, сам уроженец Саксонии, предназначавшийся на герцогство Саксонское, если бы дела сложились благоприятно. Тогда саксы, воспрянувшие духом по причине своей победы, понимая, что разгневанный император не легко оставит безнаказанным такое поражение, многочисленными переговорами дело свое укрепили, перемириями прекратили волнения внутри своей страны, заручились поддержкой чужеземцев и, наконец, чтобы союзники договора не нарушили, все присягнули с оружием в руках защищать отечество.

Что сказать о епископе могонтском, который больше всех против императора свирепствовал? Стараниями своих сограждан, которые осаждали императора в Могонтии, вырванный из темницы и восстановленный на кафедре, он не столько видом своего исхудавшего тела, сколько суровостью своего мщения показал, сколь много мучений перенес в темнице. Выполняя обязанности легата папской столицы, он созывал многочисленные собрания епископов и других лиц, придавая им характер суда, и на каждом выносил приговор об отлучении императора от церкви. Раздраженный всеми этими событиями, император вместе с супругой своей Матильдой, дочерью короля Англии⁸, переехал в Лангобардию. И отсюда он отправил послов к папе Пасхалию, прося о снисхождении в деле его отлучения [от церкви]. И тот отложил дело до собрания святейшего собора-

обеспечивая этим королю законный покой, и на это время освободил его от отлучения.

Между тем Пасхалий умер, и император назначил на его место некоего Бурдина⁹, отвергнув Гелазия, поставленного церковным избранием. И так снова настала схизма в церкви господней. Гелазий же, спасшись бегством, жил до самой своей смерти в королевстве франков¹⁰.

Слишком долго было бы рассказывать о всех смутах того времени и разъяснять последовавшие за ними в наше время возмездия. Да и история славян, от которой я очень далеко отклонился, требует возвращения к себе. Все императоры Генрихи, всегда чересчур отягощенные своими внутренними делами, неумеренно задержали их [славян] обращение. Кто хочет узнать подробнее об их деятельности и об окончании схизмы, пусть читает пятую книгу истории Эггегарда¹¹. Предназначая ее Генриху младшему, он с величайшей похвалой описал добрые дела его, а о дурных или совсем умолчал, или изобразил их в лучшем свете

Не следует, думается мне, проходить мимо того, что в эти дни объявился муж высокой святости, Оттон, епископ бавембергский¹². По приглашению Болеслава, князя полон¹³, и при его поддержке он отправился в приятное господу паломничество к племени славян, которые называются поморянами и живут между Одрой и Полонией. И здесь он, поддерживаемый господом, проповедовал язычникам слово божье и подкреплял затем свою проповедь чудесами и обратил весь этот народ вместе с его князем Вартиславом¹⁴ к господу, и плоды божественной славы сохраняются там и поныне.

41. ИЗБРАНИЕ ЛЮДЕРА

После этого в год от рождества Христова 1126-й скончался в Траектуме император Генрих, и престол наследовал после него Людер, герцог саксонский¹. Франки, недовольные тем, что на престол выдвинут сакс, сделали попытку поставить другого короля, а именно Конрада², двоюродно-

го брата императора Генриха. Верх одержала сторона Людера, и он, отправившись в Рим, был возведен папой Иннокентием на вершину власти³. При его же [папы] содействии Конрад был доведен до того, что отдался во власть Людера, он же Лотарь, и из врага стал самым большим его другом. И начала восходить новая заря в дни императора Лотаря не только в пределах Саксонии, но и во всем государстве,— время мира, изобилия всех благ, согласия между престолом и церковью.

Славянские народы также соблюдали мир потому, что Генрих, князь⁴ славян, питал большое расположение к графу Адольфу и к соседним народам Нордальбингии. В те дни во всей стране лютичей, бодричей и вагров не было ни церквей, ни священников, кроме как в городе Любеке, так как здесь пребывал Генрих с семьей. В это время появился [здесь] некий священник, по имени Вицелин⁵, и пришел он в Любек к королю славян и просил предоставить ему возможность проповедовать слово божье в пределах его государства. Кто был этот муж и какой он пользовался славой, об этом многие, кто дожил до наших дней, знают. Но чтобы это не было скрыто от потомков, я считаю нужным ввести рассказ о нем в это повествование, ибо он был ниспослан для спасения людей этих, для того чтобы проложить прямые пути к господу нашему «среди строптивного и развращенного рода»⁶.

42. О ЕПИСКОПЕ ВИЦЕЛИНЕ

Вицелин родился в приходе Минден¹, в местечке, называвшемся Квернгамеле, расположенном на берегу Визеры², и происходил от родителей, которые отличались скорее достойным нравом, чем благородством рода и крови. Начальное образование он получил у местных священников, но потом, потеряв родителей, пренебрегал учением почти до вступления в зрелый возраст и в юности вел, как это обычно бывает в эти годы, легкомысленный образ жизни.

ни. Наконец, лишенный родительского дома, он удалился в расположенный неподалеку замок, называвшийся Эверштейн³, благородная госпожа которого, мать графа Конрада, сжалившись над всеми покинутым юношей, задержала его на некоторое время у себя, проявляя к нему большое сострадание. Священник замка, видя это и завидуя, стал искать способа, при помощи которого он смог бы удалить Вицелина из замка. Однажды, в присутствии многих свидетелей, он спросил его, что он читал, будучи в школе. Когда тот ответил, что читал сочинение Стация «Ахиллеиду»⁴, он задал еще один вопрос: в чем содержание сочинения Стация? Когда Вицелин ответил, что не знает, священник с большой язвительностью сказал, обращаясь к присутствующим: «Увы, я считал, что этот юноша, только что прибывший из школы, чего-то стоит. Но я ошибся в мнении своем, он ровно ничего не стоит». Но так как написано: «Слова мудрых — как иглы и как гвозди, вбитые»⁵ в гору, то эти насмешливые слова испугали скромного юношу. И, вырвавшись тотчас же из замка, он ушел, даже не протеревшись, обливаясь такими горькими слезами и испытывая такие муки от стыда, что трудно себе и представить. Я слышал, как он много раз говорил, что после слов этого священника милосердие божье коснулось его. Он направился в Патербурн⁶, где тогда, по счастливой случайности, процветали науки под руководством благородного учителя Гартманна. В течение многих лет, деля с ним стол и жилище, Вицелин учился с таким пылом, с такой настойчивостью, что трудно рассказать. Ибо часто

Напрягая чрезмерно свой ум, как в состязаниях
каких-то,

Дух непокорный ученьем он, укрощая, смирял.

И ни забавы, ни пиршества не могли отвлечь его от принятого намерения, ибо он всегда то читал, то диктовал, то писал. Кроме того, он с величайшей добросовестностью вел руководство хором.

Юноша боголюбивый считал долгом высоким
Богу с усердьем служить.

Знаменитый его наставник, видя, как ученик его и со-
товарищ трудится сверх сил, часто говорил ему:

«О Вицелин, ты слишком спешишь,— занятьям предел
положи,
Время есть еще, научиться ты многому сможешь».

Он же, не обращая внимания на эти слова, отвечал:
«Думаю,
Поздно я слишком к ученью руки свои приложил,
Нужно спешить, время и возраст пока позволяют».

Но господь одарил этого мужа восприимчивым разумом
и сердцем, и, опередив своих товарищей, через короткое
время он сделался помощником своего учителя в управле-
нии школой. Своей старательностью он выдвинулся из сре-
ды товарищей и наставлял их как своими познаниями, так
и примером. Бывая иногда свободным, он возносил молит-
вы ко всем святым, моля их о покровительстве, особенно
же св. Николая, почитанию которого он более всего был пре-
дан. И случилось, что однажды, когда в день рождества
этого святого Вицелин должен был совершать богослуже-
ние в храме св. Бригиты, собрались все его товарищи.
И здесь, когда торжественные службы, утренняя и вечер-
няя, были уже отслужены, некоторые услышали вдруг го-
лоса ангелов, поющих по обычаю священников респонзорий⁷:
«Святой Николай, ты уже победил». И тогда радостью пре-
исполнило это чудо Вицелина, а от радости усилилась его
преданность богу.

43. О КОНЧИНЕ СВЯЩЕННИКА ЛЮДОЛЬФА

Между прочим, посвятить себя служению богу побудила
этого святого мужа слава о добродетели знаменитого его
дяди, Людольфа, священника в Феуле¹. Все люди этой

страны, сокрушавшиеся о своих грехах и жаждавшие раскаянием отвести от себя грядущий гнев господень, шли к этому мужу высокой святости и великому исповеднику. Ходил к нему часто по его приглашению и Вицелин, чтобы исповедью омыть свои собственные прегрешения. И каждый раз он удивлялся простоте души этого священнослужителя, целомудрию его жизни, а главное, щедрости его милостыни и образу жизни, никакими слабостями не нарушаемой.

Когда этот достопочтенный священник, уже дряхлый годами, но сохранивший живость ума, слег, пораженный смертельной болезнью, он призвал к себе священников и монахов. После того как над ним был выполнен обряд миропомазания, он стал громко жаловаться на то, что лишен присутствия своих любимых учеников — Родольфа, каноника хильдесгеймского, и Вицелина. И вот, по желанию просящего, и тот и другой без промедления прибыли и нашли этого любезного богу мужа ожидающим с великим благоговением часа своей кончины. Людольф узнал их и встретил с большой признательностью. В свою последнюю ночь, беседуя с богом в молитвах, велел он дьякону, когда время уже близилось к рассвету, почитать ему страсти господни и, выслушав их со вниманием, поспешно сказал: «Скорее принеси мне святое напутствие, ибо приближается час смерти моей». И, причастившись животворных святых тайн, он молвил присутствующим: «Вот идут те, кто проводит меня, вот идут посланцы господя моего, поднимите меня с ложа». Они изумились, а он сказал им: «Что вы трепещете, о мужи? Разве вы не видите, что посланцы господя моего присутствуют здесь?» И тотчас душа его покинула тело.

Когда наступило утро и много народа пришло на погребение такого мужа, то между ними начался спор о месте погребения, ибо народ желал похоронить его в храме, а близкие, как он сам велел, — во дворе церкви. Между тем в то время, когда за душу его была уже принесена спаси-

тельная жертва, некий Теодорик, который и до сих пор еще жив, устав от вечерней службы накануне, уснул на жестком ложе крепким сном и увидел рядом с собой мужа почтенной наружности, и тот сказал ему: «Что же ты спишь? Встань и вели похоронить этого священнослужителя там, где народ хочет». Таким образом, при поддержке божьей верх одержало желание народа, и его [Людольфа] похоронили в стенах церкви, которой он в течение многих лет верно служил.

44. О НАСТОЯТЕЛЕ ТЕТМАРЕ

После смерти дяди Вицелин оставался в Патербурнской церкви до тех пор, пока его не вызвали в Бремен, где он был поставлен заведовать школой. Он оказался человеком для управления школой весьма способным, заботливым руководителем хора и хорошим наставником юношества в благонравии. В конце концов ему удалось привить своим ученикам, которым раньше мешал их гибельный нрав, любовь к наукам и сделать их усердными в служении богу и посещении хора. За это его любили епископ Фредерик¹ и другие, особо выделявшиеся в церкви по своему положению и уважению, которым они пользовались. И только те с трудом его переносили, у которых в обычае было, пренебрегши божественной службой и церковной наукой, пьянствовать по корчмам, бродить по домам и улицам, предаваться суетной праздности, те, кто боялся осуждения с его стороны за свои бесчинства. Поэтому они часто имели обыкновение нападать на него, понося его и укоряя за его придирки.

Но, однако, не было ничего в его образе жизни, что бы отклонялось от совершенства или давало повод его завистникам для наветов. Разве одно только то, что при обуздании юношества он не признавал никакой меры в телесных наказаниях. Поэтому, после того как многие из учеников обратились в бегство, он прослыл человеком жестоким. Более сильные духом выдержали суровость его обращения и

большую пользу получили, ибо они преуспели как в высоком усвоении знаний, так и в должностях и званиях.

В то время находился у него в ученье один весьма способный юноша, по имени Тетмар, достопочтенная мать которого в ту ночь, когда это дитя зачала, увидела во сне, якобы она приняла в свое лоно золотой, оббитый драгоценными камнями крест. На самом же деле это было чудесным предзнаменованием того, что будущее дитя засверкает блестящим святости. После того как родился сын, мать, не забывшая о предсказании, предназначила его на служение господу и обучение священному писанию. Но если вначале он был оставлен без внимания, так как школа в Бремене находилась в упадке, то когда случилось, что прибыл учитель Вицелин и получил школу в свое ведение, вверенный его попечению Тетмар стал его учеником и сотоварищем.

45

По прошествии многих лет учитель Вицелин, принимая во внимание и число [своих] учеников и их успехи, решил отправиться во Францию, чтобы приобрести высшие знания, и стал молить господу, чтобы он направил его мысли.

Однажды, когда он размышлял об этом, пришел к нему настоятель главной церкви Адальберт¹ и сказал: «Почему ты скрыл от своего друга и родственника то, что у тебя лежит на сердце?» Когда он, обеспокоенный, стал расспрашивать о причине такого вопроса, тот ответил: «Я знаю, что ты готовишься к отъезду во Францию и хочешь, чтобы никто об этом не знал. Так да будет тебе известно, что путь твой предначертан тебе самим господом. Этой ночью видел я во сне, что стою как будто перед алтарем господним и горячо молюсь. И вдруг образ святой богородицы, что помещается в алтаре, обратился ко мне со словами: «Ступай и возвести мужу, который находится там за дверьми, что ему разрешается отправиться туда, куда он хочет». Я повиновался власти приказавшего и, подойдя к дверям, увидел тебя, рас-

простертого в молитве. Я объявил тебе то, что мне было велено, ты выслушал и возрадовался. Теперь, получив разрешение, отправляйся, куда желаешь». Воодушевленный божественным покровительством, Вицелин отказался от школы к немалому, однако, огорчению священников и старших церкви, неохотно лишившихся присутствия такого мужа. Взяв с собой достойнейшего юношу Тетмара, он отправился во Францию и прибыл в школу достопочтенных учителей Радольфа и Ансельма², славившихся в то время своим умением разъяснять священное писание. Они отнеслись к нему с большим почтением ввиду его горячего стремления к знаниям и достойной одобрения жизни.

Избегая лишних вопросов и пустых словопрений, которые не столь созидают, сколь разрушают, он [Вицелин] стремился только к тому, что служило воспитанию трезвого ума и нравственному совершенствованию. Наконец, насытившись полученным семенем слова божьего, он настолько укрепился духом, что решил во имя господне вступить на путь суровой жизни, а именно, отказаться от мясной пищи, покрыть тело власяницей и еще ревностней отдаться божественному служению. До сих пор он был асолитус³ и не добивался высших степеней, боясь соблазнов своего возраста. Когда же зрелый возраст и опыт длительного воздержания сообщили этому мужу твердость, то по истечении трех лет, проведенных в ученье, он решил посетить снова родные места и выступить на соискание сана священника.

И так случилось в эти дни, что любимый его ученик, Тетмар, захворал. Опасаясь смертельного исхода, он плакал с Езекией плачем великим⁴, молясь о продлении своей жизни ради заслуг учителя своего пред богом. И когда кончил, то, слава господу, с ложа болезни восстал. После этого оба вернулись на родину и здесь друг с другом расстались, ибо достопочтенный Тетмар получил в приход Бременскую церковь⁵, а магистр Вицелин отказался от такой должности, предназначенный, по предопределению божьему, для другого дела.

46. ПРИБЫТИЕ ВИЦЕЛИНА В СЛАВИЮ

В том же году, когда Вицелин вернулся из Франции, он отправился к достопочтеннейшему Нотберту, епископу магдебургскому¹, чтобы насладиться общением с ним, и там удостоился посвящения в сан священника. И тут, когда он с горячим усердием размышлял, в каких местах следовало бы ему поселиться или какому делу себя посвятить, чтобы церкви наибольшую пользу принести, дошли до него слухи о Генрихе, князе славян, и о том, что тот, покорив языческие народы, имеет намерение распространить среди них христианство. Считая себя призванным свыше предопределением божьим к делу возвещения евангелия, он направился к достопочтенному Адельберо, архиепископу гамбургскому, случайно находившемуся в Бремене, собираясь открыть ему намерение своего сердца. Тот, немало обрадованный, одобрил его решение и возложил на него поручение распространять вместо него [архиепископа] среди славянского народа слово божье и выкорчевывать идолопоклонство.

И тотчас же он предпринял путь в землю славян в сопровождении достопочтенных пресвитеров, Родольфа хильдесгеймского и Людольфа, священника верденского², посвятивших себя делу его посланничества. И пришли они к князю Генриху, который находился тогда в городе Любеке, и просили его разрешить им проповедовать имя божье. Тот, ни сколько не колеблясь, принял этих достойнейших мужей при всем своем народе с большим почетом и дал им церковь в Любеке, чтобы они могли там расположиться со всем своим достоянием и трудиться во славу божью. Устроив все надлежащим образом, они возвратились в Саксонию, чтобы привести в порядок свои внутренние дела и подготовиться к путешествию в Славию. Но тут неожиданное и великое горе пронзило сердца их. Вдруг разошлась весть, что Генрих, король славянский, покинул этот мир³. Таким образом, исполнение их благочестивых намерений в настоящее время

было отложено. Ибо сыновья Генриха, Святополк и Кнут⁴, наследовавшие государство, привели страну своими внутренними войнами в такое расстройство, что утратили и мир и дани с земель, которые отец их доблестью оружия приобрел.

47. О РАСКАЯНИИ НОРДАЛЬБИНГОВ

Около этого времени архиепископ Адельберо переправился через Альбию, желая посетить Гамбург и землю нордальбингов, и, имея своим спутником достопочтенного священника Вицелина, прибыл в город Милеторп¹.

Нордальбингов же три племени — штурмары, гользаты и дитмарши. Они не сильно различаются между собой ни по внешнему виду, ни по языку, все соблюдают саксонское право и христианскую веру, хотя при этом, из-за соседства с язычниками, имеют обыкновение предаваться грабежам и разбоям. Они чтут обычай гостеприимства. Красть и щедро раздавать считается у гользатов похвальным, а человек, не умеющий разжиться добычей, считается нерасторопным и бесславым.

Когда архиепископ находился в Милеторпе, явились к нему горожане из Фальдеры² и просили, чтобы он дал им священника. Фальдерский же округ расположен в той части земли гользатов, которая соприкасается с землями славян. И тотчас же архиепископ обратился к священнику Вицелину и сказал: «Если тебе предуказано работать в Славии, так ступай с этими людьми и владей церковью их, ибо она расположена на границе обеих земель и будет служить тебе местом твоего пребывания при твоих приходах в Славию и возвращениях из нее». Когда тот отвечал, что повинуется этому совету, архиепископ сказал мужам из Фальдеры: «Хотите, я дам вам священника рассудительного и достойного?» Когда они сказали, что хотят и всеми способами ищут таково, он, взяв священника Вицелина за руку, поручил его попечению некоего Маркрада³, человека весьма мо-

гущественного, и остальных мужей из Фальдеры, повелев им, чтобы они оказали достойное его особе внимание.

И когда он прибыл в назначенную местность и окинул ее взором, то увидел необработанные пустынные равнины, покрытые бесплодным лесом, жителей диких и непросвещенных, не связанных с религией ничем, кроме того, что они носили имя христиан, ибо у них распространены были многочисленные заблуждения — почитание священных рощ, источников и прочие суеверия.

Начав жить, таким образом, «среди строптивного и развращенного рода», «в великой и страшной пустыне»⁴, он тем ревностнее вверил себя божественному покровительству, чем больше был лишен человеческого участия. И дал ему господь снискать расположение этого народа. Ибо, тотчас же как только он начал проповедовать о славе божьей, о благах грядущей жизни и воскрешении тела, дикий этот народ, как великим чудом, был потрясен новизной не известной ему до сих пор веры, и мрак грехов рассеялся от сияния блистающей милости господней. Одним словом, трудно поверить, какое множество народа прибегло в те дни к лекарству покаяния, и голос проповеди его расходился по всей нордальбингской земле. И с благочестивой заботой стал он посещать окрестные церкви, предвещая народам спасение, исправляя заблуждающихся, примиря несогласных, а кроме того, уничтожая священные рощи и все нечестивые обычаи. И распространилась повсюду слава о святости его, и многие, как из духовенства, так и из светских людей, приходили к нему, и среди них первыми и самыми знаменитыми были достопочтенные священники Людольф, Эппо, Лютмунд, Фольквард и многие другие; некоторые из них уже уснули вечным сном, другие же живут и теперь. Заключив священный договор, они постановили вести холостой образ жизни, подолгу пребывать в молитве и посте, совершать благочестивые поступки, посещать страждущих, поддерживать немощных, заботиться о спасении своем и своих ближних. Более же всего озабоченные обращением славян, они

молили бога, чтобы он как можно скорее открыл им врата веры. Но господь надолго отложил исполнение их просьбы, «ибо еще не наполнилась мера беззаконий аммореев» и не «пришло время помиловать» их ⁵.

48. О СВЯТОПОЛКЕ

Между тем сыновья Генриха, раздвув внутреннюю войну, создали новые бедствия для народов Нордальбингии. Ибо старший, Святополк, желая властвовать один, причинил Кнуту, своему брату, много обид и, наконец, с помощью гользатов осадил его в крепости Плуне. Кнут же, удерживая своих приверженцев, чтобы они не бросали копья в осаждающих, поднялся на стены и обратился ко всему войску, говоря: «Выслушайте, прошу вас, слово мое, о лучшие мужи, пришедшие из Гользатии. Какая причина тому, спрашиваю я, что вы поднялись против своего друга? Разве я, от того же отца, Генриха, рожденный, не прихожусь братом Святополку и разве по праву я не сонаследник его на государство отца? Почему же тогда брат мой стремится лишить меня отцовского наследия? Не дайте же поднять себя напрасно против меня, но вернитесь к справедливости и добейтесь от брата моего, чтобы он дал мне часть, которая мне по праву принадлежит». Услышав это, осаждающие успокоились и решили удовлетворить справедливые его требования. Приложив все усилия, они примирили братьев. поделив между ними земли.

Однако некоторое время спустя Кнут был убит в городе Лютилинбурге, и Святополк один завладел государством ¹. Призвав графа Адольфа с гользатами и штурмарами, он предпринял поход в землю бодричей и осадил город, который называется Вурле ². Когда город перешел в его власть, Святополк отправился дальше, в город хижан ³, и осаждал его в течение пяти недель. Подчинив себе и его и взяв заложников, Святополк вернулся в Любек. Нордальбинги же разошлись по домам своим.

Священник Вицелин, видя, что князь славянский обра-

щается с христианами, человеколюбиво, пришел к нему и снова повторил ему намерение, на выполнение которого было получено некогда согласие его отца. Добившись у князя благосклонности, он послал в Любек достопочтенных пастырей, Людольфа и Фолькварда, чтобы они заботились о спасении народа. Они были милостиво приняты купцами, немалое число которых привлекли сюда вера и благочестие князя Генриха, и поселились в церкви, расположенной на холме, что напротив города, за рекой. Прошло немного времени, и вдруг на не защищенный кораблями город напали раны и разрушили его вместе с крепостью. Достойные пастыри, когда язычники ворвались в церковь через одну дверь, ускользнули через другую и, спасшись благодаря близости леса, бежали в порт Фальдеру. Вскоре после этого по коварству какого-то Дазо ⁴, богача из Гользатии, Святополк был убит. Остался сын Святополка, по имени Звинике, но и он был убит в Эртенебурге, городе трансальбингов ⁵. И прекратился род Генриха в княжестве славянском, ибо умерли его сыновья и сыновья его сыновей. Что род его скоро исчезнет, предсказал сам этот князь, не знаю какими прорицаниями наученный.

49. О КНУТЕ

После этого власть над славянами перешла к благородному князю Кнуту, сыну Эрика, короля данов ¹. Эрик же, могущественный король, когда решил совершить поход в Иерусалим, поручил свое государство вместе с сыном Кнудом брату своему Николаю, взяв с того клятву, что если он не вернется, то брат передаст государство его сыну, когда тот достигнет совершеннолетия. Поэтому, когда короля при возвращении его из Иерусалима настигла смерть, Николай, хотя и от наложницы рожденный, получил королевство данов ², потому что Кнут все еще был ребенком. Но и у Николая был сын, по имени Магнус ³. Оба эти мальчика воспитывались по-королевски, превосходно, для грядущих войн,

на беду многим данам. Когда Кнут стал подрастать, то, опасаясь, как бы дядя не погубил его своими кознями, он перебрался к императору Лотарю⁴ и прожил у него много дней и лет. И там к нему относились со всем почтением, приличествующим королю. Возвратившись же на родину, он был милостиво принят своим дядей и получил от него в управление всю Данию. И начал этот миролюбивый муж насаждать мир в своей стране, изгоняя из нее отступников. Особенно благосклонно относился Кнут к жителям Шлезвигу.

Случилось, что как-то в лесу, лежащем между Сливей и Эгдорой, были захвачены разбойники и приведены к Кнуту. Когда он приговорил их к повешению, один из них, желая сберечь себе жизнь, объявил, что приходится ему [Кнуту] родственником и происходит из королевского рода данов. На это Кнут ему сказал: «Позорно обращаться низким образом с нашим родственником. Надо воздать ему почести». И приказал повесить его торжественно на корабельной мачте.

Между тем Кнуту пришло на ум, что по причине смерти Генриха и гибели его сыновей опустел престол в славянском княжестве. И тогда отправился он к императору Лотарю и за большие деньги приобрел у него Бодрицкое государство, то есть всю ту власть над ним, которой обладал Генрих⁵. И возложил император корону на голову его, чтобы был он королем у бодричей, и принял его в число своих вассалов. После этого Кнут пошел в землю вагров и занял гору, которая в древности называлась Альберг, и поставил здесь дома, намереваясь построить крепость. И, объединившись со всеми храбрыми мужами земли гользатской, он совершил набег на землю славян, убивая и поражая всех, кто оказывал ему сопротивление. А племянника Генриха, Прибислава⁶, и старшего в бодрицкой земле, Никлота, он увел в плен и посадил их в Шлезвиге в темницу, одев им на руки железные оковы, пока они деньгами и поручительствами не откупились и его власти над собой не признали.

Кнут часто навевывался в землю вагров и пользовался гостеприимством в Фальдере. Он сблизился с Вицелином и другими тамошними обитателями и обещал им всякие блага, если господь поправит дела его в Славии. Прибыв же в Любек, он велел освятить здесь в присутствии достопочтенного Людольфа и других, которые были переведены сюда из Фальдеры, церковь, построенную еще при Генрихе.

В эти дни скончался граф Адольф⁷. У него было двое сыновей. Старший из них, Гартунг, муж воинственный, должен был наследовать графство, младший же, Адольф, посвятил себя наукам. Случилось тогда, что император Лотарь предпринял большой поход в Богемию⁸. Когда Гартунг и многие благородные были здесь убиты, графство в нордальбингской земле досталось Адольфу⁹, мужу рассудительному, опытному в делах божественных и человеческих. Ибо, кроме того, что он свободно изъяснялся по-латыни и по-немецки, он был сведущ и в языке славянском.

50. О НИКОЛАЕ

Случилось около этого времени, что Кнут, король бодричей, прибыл в Шлезвиг на торжественное собеседование с дядей своим Николаем. Когда народ собрался и старший король, облаченный в королевские одежды, сидел уже на троне, Кнут, охраняемый толпой своих сподвижников, с короной Бодрицкого королевства на голове, сел напротив него. Король-дядя, видя, что племянник его в королевском уборе перед ним не встает и не дает ему, согласно обычаю, лобзания, затаил обиду и подошел к нему, намереваясь приветствовать его лобзанием. Но тот вышел ему навстречу на середину [покоя], приравняв себя, таким образом, к дяде и по месту и по достоинству. Такой поступок Кнута навлек на него смертельную ненависть. Ибо трудно описать, в какую ярость впал Магнус, сын Николая, присутствовавший с матерью¹ на этом зрелище. Мать сказала ему: «Разве ты не видишь, что двоюродный брат твой, взяв скипетр, уже

правит государством? Считай же, что он — враг, который не боится еще при жизни отца твоего присвоить себе королевский титул. Если ты еще долго не будешь обращать на это внимания и не убьешь его, то знай, что он лишит тебя и жизни и государства». Возбужденный этими словами, Магнус начал строить козни, чтобы убить Кнута. Почувствовав это, король Николай созвал всех князей королевства и старался примирить несогласных юношей. Когда их удалось склонить к примирению, они заключили между собой договор. Но если со стороны Кнута этот договор выполнялся твердо, то Магнус коварно предал его забвенью. Ибо тотчас же после того, как, прикрываясь дружбой, стал он испытывать мысли Кнута и увидел, что тому чужды какие-либо подозрения, Магнус пригласил Кнута приехать к нему на чрезвычайное собеседование. Жена Кнута², опасаясь засады, а кроме того, напуганная сном, который видела прошлой ночью, советовала ему не ездить. Однако, верный договору, этот муж не дал себя удержать и явился в назначенное место, как было условлено, в сопровождении только четырех мужей. В сопровождении стольких же человек пришел и Магнус. После того как двоюродные братья обнялись и крепко поцеловались, они уселись вместе, чтобы обсудить дела. И тут выскочили из своих тайных убежищ сидевшие в засаде люди, напали на Кнута и убили его и, разделив тело его на части, с ликованием изливали на покойника свою жестокость. И с этого дня много волнений и внутренних войн происходило в Дании, о которых придется нам дальше достаточно рассказывать, потому что они сильно затронули нордальбингскую землю.

1131

6 янва-
ря

Услышав эту печальную весть, император Лотарь с супругой своей Рикенцей были сильно опечалены, потому что погиб муж, связанный с империей самой тесной дружбой. И пришел он [Лотарь] с большим войском к городу Шлезвигу, к известному замку Диневерку, чтобы отомстить за злостную гибель лучшего мужа, Кнута. Напротив него с громадным войском данов расположился Магнус, чтобы за-

щищать землю свою. Но, испугавшись доблестного немецкого рыцарства, он отдал императору безмерное количество золота в выкуп за прощение и признал себя его вассалом.

51. ОБ ЭРИКЕ

Эрик, брат Кнута, рожденный от наложницы, видя, что гнев императора остыл, начал вооружаться, чтобы отомстить за пролитую кровь брата, и, пройдя сушей и морем, собрал вокруг себя множество данов, изрекавших проклятья по поводу безбожного убийства Кнута. И, приняв королевский титул¹, он стал совершать частые набеги на Магнуса, но всякий раз терпел поражения и вынужден был обращаться в бегство. С этих пор из-за того, что он постоянно убегал, его стали называть Эрик Газенвот, то есть Заячья нога². Наконец, изгнанный из Дании, он бежал в город Шлезвиг. Они [жители Шлезвига], помня добро, которое оказывал им Кнут, приняли этого мужа, готовые понести за него смерть и изгнание. Поэтому Николай и сын его Магнус повелели всему народу данскому подняться на войну со Шлезвигом, и осада затянулась на бесконечное время. После того как прилежавшее к городу озеро покрылось льдом и по нему стало возможно проходить, они начали совершать нападения на город и с суши и с моря. Тогда жители Шлезвига отправили послов к графу Адольфу, предлагая ему 100 марок за то, что он с народом нордальбингов придет на помощь городу. Но и Магнус предложил дать ему столько же, если он от войны воздержится. Между тем граф, не зная, что делать, созвал совет из высших людей в области. Они посоветовали ему пойти на помощь городу потому, что часто пользовались его товарами. Тогда граф Адольф, собрав войско, переправился через реку Эгдору. И показалось ему, что здесь следует ненадолго задержаться, пока не подойдет все войско, а тогда уже с чрезвычайной осторожностью вступить во вражескую землю. Но народ, жаждавший добычи, не позволил задерживаться.

И они с такой поспешностью прошли, что, когда первые достигли леса Тиевеля, последние едва подходили только к реке Эгдоре. Услыхав о прибытии графа, Магнус отобрал из своего войска тысячу панцирников, отправился навстречу войску, вышедшему из Гользатии, и начал с ним сражение. И граф обратился в бегство, а народы нордальбингов были разбиты в жестоком бою. Граф же и те, кто бежал с поля битвы, вернулись за Эгдору и тем спаслись. Таким образом, Магнус одержал победу и вернулся к осаде города, однако труды его были напрасны, ибо он ни городом не овладел, ни неприятеля не победил. Потому что, когда ослабела зима, а с ней и осада, Эрик, бежав, прибыл в приморскую область Сконию³, жалуясь всюду на безвинную гибель брата и свои собственные несчастья. Магнус, услышав, что Эрик опять появился, когда приблизилось лето, направился с бесчисленным войском походом в Сконию. Тот расположился напротив него, охраняемый жителями, хотя и в небольшом числе. Так жители Сконии выступили против всех данов. Когда же Магнус в день святой пятидесятницы принуждал войско к сражению, достопочтенные епископы сказали ему: «Воздай славу богу на небесах, проникнись почтением к дню сему и да будет сегодня мир, а сражаться будешь завтра». Он, презрев эти увещания, начал сражение. Вывел и Эрик свое войско и встретился с ним в горячей схватке. И погиб Магнус в тот день, и все войско данов было разбито мужами Сконии и уничтожено до полного истребления. Эта победа прославила Эрика, и было сотворено новое прозвище для него, чтобы он впредь Эриком Эмуном, то есть достойным памяти, назывался. После этого Николай, старший король, уйдя на корабле, прибыл в Шлезвиг и здесь был в угоду победителю убит мужами города.

1134
4 июня

Так отомстил господь за кровь Кнута, которого убил Магнус, нарушив клятву, которой поклялся.

И правил Эрик в Дании, и породил от наложницы Тунны сына по имени Свен⁴. У Кнута тоже был сын, благородный Вальдемар⁵. Магнус же имел сына Кнута⁶. Эти королев-

ские дети оставались среди народов Дании и постоянно упражнялись в военном деле, чтобы, случайно прекратив войну, не возгордиться. Ибо даны только во внутренних войнах и были сильны.

52. ОБ ОБЫЧАЯХ СЛАВЯН

После того как умер Кнут, по прозвищу Лавард, король бодричей, ему наследовали Прибислав¹ и Никлот², разделив государство на две части и управляя: один землей вагров и полабов, другой землей бодричей. Это были два мрачных чудовища, очень враждебно относившихся к христианам. И в эти дни во всей славянской земле господствовало усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо рощ и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог альденбургской земли, Жива, богиня полабов, и Редегаст, бог земли бодричей. Им предназначены были жрецы и приносились жертвы, и для них совершались многочисленные религиозные обряды. Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми — христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отведывает его крови, чтобы стать более ревностным в получении божественных прорицаний. Ибо боги, как многие полагают, легче вызываются посредством крови. Совершив, согласно обычаю, жертвоприношения, народ предается пиршествам и веселью.

Есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на

своим языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть черным богом.

Среди множества славянских божеств главным является Святovit, бог земли ранской, так как он — самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека — христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святovиту³.

С удивительным почтением относятся славяне к своему божеству, ибо они не легко приносят клятвы и не терпят, чтобы достоинство его храма нарушалось даже во время неприятельских нашествий.

Кроме того, славянскому народу свойственна ненасытная жестокость, почему они не переносят мира и тревожат и с суши и с моря примыкающие к ним страны. Трудно описать, какие мучения они христианам причиняли, когда вырывали у них внутренности и наворачивали на кол, распинали их на крестах, издеваясь над этим символом нашего искупления. Самых великих [по их мнению] преступников они присуждают к распятию на кресте; тех же, которых оставляют себе, чтобы их потом за деньги выкупили, такими истязаниями мучают и в таких цепях и оковах держат, что незнающий едва и представить себе может.

53. О ПОСТРОЙКЕ ЗИГЕБЕРГА

Так как преславный император Лотарь с достопочтенной своей супругой Рикенцей уделяли много забот служению богу, то [однажды], когда Лотарь находился в Бардевике¹, пришел к нему туда священник Христов Вицелин и стал его убеждать, чтобы, пользуясь властью, данной ему небесами, он изыскал бы какой-нибудь способ для спасения славянского народа. Кроме того, Вицелин поведал императору, что в вагрской земле есть удобная гора, на которой

можно возвести королевский замок для защиты страны. Некогда эту гору занимал Кнут, король бодричей, но поставленные там воины были захвачены в плен подосланными ночью разбойниками, [что случилось] вследствие хитрости Адольфа старшего², опасавшегося, что Кнут, усилившись, легко его одолеет. Выслушав мудрый совет пастыря, император послал способных мужей, чтобы они разведали степень пригодности этой горы. Убежденный словами посланных, он переправился через Альбию и пришел в землю славянскую, на указанное место. И приказал всему народу нордальбингов, чтобы они поспешили на постройку крепости. Повинуясь императору, пришли также и славянские князья и даже приняли участие в работе, хотя и с великой печалью, потому что чувствовали, что все это делается втайне для их угнетения. И сказал тогда один из князей славянских другому: «Видишь ты это прочное и превосходное здание? Предсказываю тебе, что замок этот станет ярмом для всей нашей страны. Выйдя отсюда, они разрушат сначала Плуню, потом Альденбург и Любек, затем, перейдя Травну, Рацисбург, причинят зло всей полабской земле. И земля бодричей тоже не избегнет руки их». Тот ответил ему: «А кто же нам это несчастье приготовил, кто королю гору эту отдал?» На это князь сказал: «Видишь вон того плешивого человека, который стоит рядом с королем? Это он навел на нас это несчастье».

Итак, крепость была выстроена и обеспечена многочисленной стражей и названа Зигебергом³. И поставил [император] в ней некоего своего вассала Геримана, который и стал ее начальником. Не удовольствовавшись этим, император повелел заложить новую церковь у подошвы этой горы и отвел на обеспечение службы божьей и на содержание братьев, которые должны были там во множестве собираться, шесть или более селений, снабженных, согласно обычаю, привилегиями. Управление же этой церковью император поручил Вицелину, чтобы тот тем охотнее взялся за постройку зданий и приглашение людей. Так же он

поступил и с церковью в Любеке, повелев Прибиславу, под угрозой потери милости его, оказывать полное расположение упомянутому священнику или тому, кто вместо него будет. И возымел [император] намерение, как он сам это признает, подчинить весь народ славянский божественной религии и поставить слугу божьего великим епископом.

54. СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ЛОТАРЯ

Совершив это и приведя в порядок дела, как у славян, так и у саксов, император передал герцогство Саксонское зятю своему Генриху, герцогу баварскому¹, и, взяв его с собой, предпринял второй поход в Италию. Между тем Вицелин, разумный попечитель вверенного ему дела, подобрал подходящих для проповеди евангелия и для службы божьей людей. Из них достопочтенных священников Людольфа, Германа и Бруно он поставил в Любек, Лютмунда же с другими назначил быть в Зигеберге. Итак, свершилось милосердие божье, и заслугами императора Лотаря в земле славянской был создан новый рассадник веры. Но приступающие к службе господней всегда подвергаются испытаниям. Так, и отцам новой церкви пришлось пройти через великие жертвы. Ибо милостивый император, заслуги которого по обращению язычников признаны всеми, когда, овладев Римом и Италией и изгнав из Апулии Рожера Сицилийского², готовился уже к возвращению, был внезапно застигнут преждевременной смертью. Весть эта повергла в замешательство всех могущественных мужей империи; доблесть же саксов, столь прославленная при этом государе, пришла, как казалось, в полный упадок. И тогда пошатнулись дела церковные в славянской земле. Ибо тотчас же после того, как тело покойного императора было препровождено в Саксонию и здесь предано погребению в Люттуре³, начались междоусобицы между Генрихом, зятем короля, и маркграфом Адальбертом⁴, спорившими из-за герцогства Саксонского. Ибо король Конрад, возведенный на императорский

1337
3 дек.

престол⁵, прилагал все усилия, чтобы утвердить на герцогстве Адальберта, полагая несправедливым, если какой-нибудь государь держит два государства. А Генрих предъявлял притязания на два герцогства — Баварию и Саксонию. Итак, оба эти государя, сыновья двух сестер⁶, вели внутреннюю войну, и вся Саксония волновалась. И, захватив крепость Люнебург с городами Бардевик и Бремен, Адальберт овладел Западной Саксонией. К нему примкнула и земля нордальбингов. Тогда граф Адольф, не захотевший нарушить присягу верности, принесенную императрице Рикенце и ее зятю, был изгнан из страны. Графство же его, селения и службы получил от Адальберта в знак милости Генрих из Бадвида. Получил он также и крепость Зигеберг под свою охрану, так как Гериман умер, а остальные, которых император в нее поставил, подверглись изгнанию.

55. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРИБИСЛАВА

Когда такие волнения сотрясали всю Саксонию, Прибислав из Любека, воспользовавшись удобным случаем, собрал отряд разбойников и полностью разрушил предместье Зигеберга, а также все его окрестности, где жили саксы. Новый храм и недавно возведенное здание монастыря были истреблены огнем. Фолькер, брат высокой скромности, был убит ударом меча. Остальные братья, которым удалось уйти, бежали в порт Фальдеру. Священник же Людольф и те, которые находились с ним в Любеке, не были разогнаны этим опустошением, потому что жили в замке, под покровительством Прибислава, оставаясь в этом месте и в такое трудное и полное ужасов смерти время. Ибо кроме того, что им приходилось испытывать нужду и ежедневную опасность для жизни, они были вынуждены видеть оковы и различные мучения, причинявшиеся христианам, которых разбойничье войско обычно в фразных местах захватывало. Некоторое время спустя пришел некий Раце¹, из рода Крута с войском, рассчитывая захватить в Любеке врага своего,

Прибислава. Ибо два эти рода, Крута и Генриха, вели между собой борьбу за первенство. Но поскольку Прибислав все время находился вне Любека, то Раце со своими разрушил крепость и окрестности. Священники же, укрывшись в гростнике, нашли убежище в Фальдере². Достопочтенный пастырь Вицелин и другие проповедники слова божьего были охвачены глубокой скорбью по поводу того, что новый рассадник веры в самом своем зародыше завял. Они продолжали оставаться в церкви в Фальдере, усердно предаваясь посту и молитве. Какой суровостью, каким воздержанием в пище и совершенством обхождения отличался этот молодой монастырь в Фальдере, невозможно и рассказать. И дал им господь, согласно своему обещанию, дар исцелять больных и изгонять бесов. Что же сказать об одержимых бесами? Весь монастырь был полон этими людьми, их привозили сюда отовсюду. Так что братья [совсем] не могли отдохнуть и молили бога, чтобы он присутствием святых мужей поддерживал в них силы. Но разве не бывал милостью божьей освобождаем [от беса] каждый, кто приходил туда?

И случилось в дни те, что привели к священнику Вицелину одну девицу, Имму по имени, которую чрезвычайно мучил бес. И когда Вицелин стал спрашивать беса, почему он, сам творец порчи, избрал этот неиспорченный сосуд для осквернения, тот громким голосом ответил ему: «Потому что уже в третий раз она меня обидела». «Чем же,— спросил Вицелин,— она тебя обидела?» «Тем,— ответил бес,— что помешала моему делу. Дважды я посылал злодеев, чтобы они проникли в дом, но она, сидя у очага, криками своими отпугивала их. Теперь, собираясь в Данию выполнить поручение своего князя, по дороге я наткнулся на нее и, желая отомстить ей за то, что в третий раз она мне мешает, я вошел в нее». Но когда муж господень стал творить заклинания против него, бес сказал: «Зачем ты изгоняешь того, кто готов [и сам] вон выйти? Я уйду в близкую отсюда деревню навестить своих товарищей, которые там скрываются. Мне

приказано сделать это раньше, чем я отправлюсь в Данию». «Как имя твое? — спросил Вицелин, — кто товарищи твои и в ком они обитают?» «Я, — сказал бес, — зовусь Руфин, товарищей же моих, о которых ты спрашиваешь, двое здесь, один находится в Ротесте, другой в женщине некой в этом же городе. Сегодня я навещу их, завтра же, раньше, чем зазвонит в первый раз колокол в церкви, я возвращусь сюда проститься и тогда только отправлюсь в Данию». И, сказав это, он вышел, и девица освободилась от страданий и мучений. И тогда священник приказал подкрепить ее [пищей], а завтра привести в церковь за час до первого звона. И на следующее утро родители привели ее в церковь, но раньше, чем переступили они порог, прозвучал первый звон, и девица снова начала мучиться. Однако добрый пастырь не оставлял ее попечением своим до тех пор, пока дух, принужденный могуществом бога хранителя, не отступил. Вскоре то, что он рассказывал о Ротесте, подтвердил конец этого дела: ибо спустя короткое время, жестоко терзаемый бесом, тот сам себя петлей удавил.

После убийства Эрика³ в Дании разгорелась жестокая междоусобица, так что своими глазами можно было убедиться, какой сильный бес прибыл туда, чтобы терзать народ этот. Ибо кто же не знает, что война и смуты, немощи и все другое, что для человеческого рода вредно, происходит по вине бесов.

56. СМЕРТЬ ГЕРЦОГА ГЕНРИХА

Подобно тому как в Дании, так и в Саксонии свирепствовали в это время военные бури, а именно междоусобные войны между великими государями, Генрихом Львом¹ и Адальбертом, которые вели борьбу из-за Саксонского герцогства. Кроме того, земли гользатов сильно беспокоила ярость славян, вспыхнувшая из-за саксонских дел. Они как будто с цепи сорвались, так что Фальдерская область обратилась почти в пустыню по причине ежедневных убийств людей и разграблений селений. Среди этих огорчений

и затруднений священник Вицелин увещевал народ, чтобы он надежды свои на бога полагал и в посте и в стеснении сердца совершал литании, ибо настают дни бедствий. Правитель графства, Генрих², муж, не терпящий трудностей и опытный в военном деле, собрав втайне войско из гользатов и штурмаров, зимой вторгся в Славию, напал на тех, которые, подобно кольям, вбитым в глаза саксов, под рукой были, и нанес им страшное поражение, а именно, всей земле плуньской, лютилинбургской, альденбургской и всей стране, которая начинается от реки Свалы и замыкается Балтийским морем и рекой Травной. Всю эту землю гользаты в один набег опустошили грабежами и пожарами, кроме городов, которые, будучи укреплены валами и запорами, требовали большего искусства в осаде. На следующее лето гользаты, сговорившись между собой, в отсутствие графа напали на замок Плунию и с божьей помощью, вопреки всяким ожиданиям, эту самую крепкую из всех крепостей заняли, предав смерти славян, которые внутри находились. И весь этот год вели они войну с успехом и частыми набегами опустошили земли славян, причинив им то, что те собирались им причинить, обратив всю страну их в пустыню. Так война, происходившая у трансальбингских саксов, оказалась счастливой для гользатов, потому что, благодаря ей, они обрели возможность, никем не удерживаемые, отомстить славянам. Ибо обычно государи охраняют славян, чтобы увеличить свои доходы.

После того как Генрих, зять короля Лотаря, при поддержке своей тещи, императрицы Рикенцы, получил герцогство и изгнал родственника своего, Адальберта, из Саксонии, граф Адольф вернулся в свое графство. Генрих из Бадевида, видя, что устоять не сможет, поджег замок Зигеберг и сильную крепость Гамбург; крепость окружила стенами мать графа Адольфа, чтобы она служила опорой городу от нападения язычников. Церковь же и все, что построил Адольф старший³, Генрих, готовясь к бегству, разрушил. После этого Генрих Лев⁴ начал вооружаться против коро-

1139
окт. 20

ля Конрада и повел против него войско в Тюрингию, в место, которое называется Круцебург⁵. Когда война благодаря перемирию была отложена, герцог вернулся в Саксонию и через несколько дней умер. И герцогство Саксонское получил во владение сын его, Генрих Лев⁶, еще мальчик по возрасту. Тогда Гертруда, мать мальчика, отдала Генриху из Бадевида, получив от него [за это] деньги, вагрскую землю, желая этим причинить огорчение графу Адольфу, потому что не была к нему расположена. После того же как эта госпожа вышла замуж за князя Генриха, брата короля Конрада⁷, и отстранилась от дел герцогства, граф Адольф обратился к герцогу-мальчику и его советникам, отстаивая свое право на вагрскую землю, и одержал верх, потому что справедливы были его требования и велика была внесенная сумма денег. Разногласия, которые имелись между Адольфом и Генрихом, только тем были улажены, что Адольф получил во владение Зигеберг и всю вагрскую землю, Генриху же взамен отдал Рацисбург и землю полабскую.

57. ПОСТРОЙКА ГОРОДА ЛЮБЕКА

Приведя так все в порядок, Адольф начал отстраивать замок Зигеберг и окружил его каменной стеной. Поскольку земля была пустынна, он отправил послов во все страны, а именно, во Фландрию и Голландию, Траектум, Вестфалию и Фризию, возвещая, чтобы все те, кто испытывает недостаток в полях, шли с семьями своими и получили землю наилучшую, землю обширную, богатую плодами, изобилующую рыбой и мясом и удобными пастбищами. И сказал он гользатам и штурмарам: «Разве это не вы завоевали землю славянскую и не вы купили ее ценой смерти ваших братьев и родителей? Почему же вы последними придете, чтобы владеть ею? Будьте же первыми, переходите в землю обетованную, населяйте ее, станьте участниками благ ее, ибо вам должно принадлежать все лучшее, что имеется в ней, вам, которые отняли ее у неприятеля». На этот призыв поднялось бесчисленное множество разных народов, которые, взяв с

собой семьи и имущество, пришли в вагрскую землю к графу Адольфу, чтобы владеть землей, которую он им обещал. И первыми заняли места гользаты в самых безопасных областях к западу от Зигеберга, по реке Травне, также на полях Свентинфельд¹, на всей земле, которая тянется от реки Свалы до [реки] Агримесов² и озера Плуньского. Даргунский округ³ населили вестфальцы, Утинский⁴ — голландцы, Сусле⁵ — фризы. Плуньская земля осталась пока незаселенной. Альденбург же и Лютилинбург и остальные земли, примыкающие к морю, Адольф отдал для заселения славянам, и они стали его данниками.

После этого граф Адольф пришел в место, которое называется Буку⁶, и обнаружил здесь вал разрушенного города, который был выстроен злодеем божьим Крутом, и остров, окруженный двумя реками. Ибо с одной стороны его обтекает Травна, с другой — Вокница⁷, у обеих болотистые и недоступные берега. С той же стороны, где путь пролегает по суше, находится небольшой холм, спереди загороженный валом крепости. Увидев столь удобное место и превосходную гавань, сей ревностный муж начал строить здесь город и назвал его Любек⁸, потому что он находился неподалеку от старого порта и города, которые некогда выстроил князь Генрих. И он [Адольф] отправил послов к Никлоту, князю бодричей, чтобы заключить с ним дружбу, и своими дарами до того привязал к себе всех знатных страны, что те все наперебой старались угодить ему и обеспечить мир в земле его. И начала заселяться пустынная вагрская земля и увеличилось число жителей ее. Приглашен был также и священник Вицелин и при поддержке графа получил обратно владения, которые император Лотарь некогда ему возле крепости Зигеберг пожаловал на постройку монастыря и на содержание слуг божьих.

Но им казалось, что при неудобствах, порождаемых близостью рынка и шума в крепости, гораздо лучше было бы

основать монастырь в близком оттуда селении, которое по-славянски называется Кузалина, а по-немецки — Гагерсторп¹. И он [Вицелин] послал туда достопочтенного священника Фолькварда с искусными мужами, которые приложили бы свой труд к возведению храма и монастырских зданий. Затем, заботясь о своем приходе, он выстроил у подошвы горы и приходскую церковь.

В те дни благородный муж Тетмар, некогда ученик Вицелина и товарищ его по учению во Франции, покинув свой приход и деканию в Бремене, посвятил себя целиком монастырю в Фальдере. Это был муж, презирающий этот мир, приверженец добровольного нищенства, муж, достигший высокого совершенства в духовном общении. Его возвышенная святость зиждилась на таком глубоком смирении и на такой кротости, что, казалось, видишь среди людей ангела, который, умея снисходительно относиться к слабостям других, сам испытан во всех отношениях. Направленный с другими братьями в Гагерсторп, иначе Кузалину, он стал великим утешением для всех, кто только что в эти края переселился.

Вицелин же, мудрый попечитель вверенной ему церкви, прилагал все силы к тому, чтобы храмы воздвигались в местах самых выгодных, и доставал для них из Фальдеры как священников, так и все необходимое для церкви.

59. О СВЯТОМ БЕРНАРДЕ, АББАТЕ ИЗ КЛЕРВО

Приблизительно в это же время произошли новые, поразившие весь мир, события. В правление святейшего папы Евгения¹, когда у кормила правления империей стоял Конрад III, прославился некий Берnard, аббат из Клерво². Слухи о его чудесах были столь замечательны, что со всего света стекалось к нему множество народов, жаждавших увидеть чудеса, творимые им. Отправившись в тевтонскую землю, по пути он пришел к знаменитому двору Франкеворд³. Сюда навстречу ему поспешил с множеством князей

любезный король Конрад. И когда святой муж, находясь в храме, в присутствии короля и высших сановников продолжал усердно исцелять немощных во имя божье, среди такого множества народа трудно было понять, чем кто страдает и кому оказана помощь. Пришел сюда и наш граф Адольф, желая по чудесным делам этого мужа испытать его заслуги. Между тем [к Бернару] привели слепого и хромого мальчика, увечье которого не вызывало никаких сомнений. Тогда Адольф, человек весьма проникательный, начал испытывать, не сможет ли он на случае с этим мальчиком получить свидетельство святости его [Бернара]. Догадавшись — как будто по откровению свыше — о неверии его, муж господень применил средство против этого и, наперекор обычаю, велел подвести мальчика к себе, в то время как над другими творил чудеса только словом. Когда мальчика подвели, он поднял его руки и, осторожно прикасаясь к его глазам, вернул ему зрение, а потом, расправив его скрюченные колени, приказал ему бежать по ступенькам, являя тем самым свидетельство того, что возвратил ему как зрение, так и способность ходить.

И вот начал этот святой муж, не знаю какими проорицаниями вдохновленный, увещавать государей и других верных людей, чтобы они отправились в Иерусалим, обуздали языческие народы востока и подчинили их христианским законам, говоря, что приблизились времена, когда все народы должны обратиться и весь Израиль, таким образом, будет спасен. И трудно поверить, какое множество народов сразу после таких слов увещания посвятило себя этому походу⁴. Первыми и главными среди них были король Конрад, герцог шведский Фредерик, ставший потом королем⁵, герцог Вельф⁶, епископы и князья. Войско же, состоявшее из благородных и неблагородных и из простого народа, численностью своей превзошло все ожидания. Что сказать о тевтонском войске, если и король парижский, Людовик⁷, и все самые доблестные из французов к этому же стремились? И в наше время неизвестно, и от сотворения мира не

слыхано, чтобы собралось такое войско, войско, говорю я, чрезвычайно большое. И у всех на одежде и на оружии был знак креста.

И сочли вожди похода за лучшее одну часть войска отправить в страны Востока, другую — в Испанию, третью же — к славянам, возле нас обитающим.

60. О КОРОЛЯХ КОНРАДЕ И ЛЮДОВИКЕ

Итак, первое, и притом самое большое, войско, с королями — германским, Конрадом, и французским, Людовиком, и важнейшими князьями обоих государств, выступило в поход сухопутным путем. Пройдя Угрию, они достигли границ Греции. И тогда отправили посольство к греческому королю¹, прося его предоставить им право свободного прохода и право приобретения товаров, ибо они хотят пройти через его землю. Тот, хотя и был весьма испуган, решил, однако, согласиться, если только они пришли с миром. Они же велели ему сказать, что не замышляют причинять никакого беспокойства, что этот добровольный поход они предприняли лишь ради расширения пределов мира. И тогда предоставил им король Греции, как это было им угодно, право свободного прохода и право покупать в изобилии товары всюду, где бы ни расположился их лагерь.

В те дни войску являлись многочисленные знамения, предвещавшие грядущие поражения. Самым необыкновенным из них было такое. Однажды вечером густой туман окутал весь лагерь. Когда он рассеялся, тучи мотыльков спустились на лагерь или порхали в поднебесье. Все они до такой степени были окроплены кровью, что казалось — это туман пролился кровавым дождем. Видя это, король и остальные государи поняли, на какие великие трудности и смертельные опасности они обречены. Догадка не обманула их. Спустя некоторое время пришли они в одну гористую местность, где, найдя весьма удобную благодаря ее лугам и текущей сверху реке долину, раскинули в ней лагерь у широкого склона горы. Вьючные животные

и повозки, запряженные парами и четверками лошадей, везшие припасы и вещи рыцарей, а также громадное количество рабочего скота, предназначенного на мясо, были размещены среди валов, поблизости от воды и от удобных пастбищ. С приближением ночи на вершине горы слышались раскаты грома и шум бури, а затем среди ночи, не знаю, то ли потому, что тучи разверзлись, то ли по другой какой-нибудь причине, река эта сильно разлилась и всех людей и животных, которые находились ниже валов, мгновенно смыла и сбросила в море. Так войско понесло первую 1147 7 сент. потерю в этом походе. Остальные, которые сохранились, продолжали предпринятый путь и, пройдя Грецию, приблизились к королевской столице Константинополю. После того как в течение нескольких дней войско подкрепило здесь свои силы, они пришли к заливу моря, в тросторечии называемому Рукой св. Георгия. Здесь король Греции приготовил им корабли для перевозки войска, призвав нотариев, чтобы они представили ему количество воинов. Прочитав [список], он испустил тяжкий вздох и сказал: «Зачем, господи боже, вывел ты столь много народов с мест их? Поистине они нуждаются в поддержке руки твоей, чтобы опять увидеть землю обетованную, землю, говорю я, свою родную». И вот, пройдя море, Людовик, король Франции, направил путь свой в Иерусалим и там в сражениях с язычниками потерял все свое войско. Что сказать мне о короле германском и тех, кто с ним был? Все они погибли от голода и жажды. Коварный посол короля греческого, которому было поручено провести их к границам Персии, завел их вместо этого в пустыню. Здесь они до того ослабели от голода и жажды, что добровольно склонили шею пред нападшими на них язычниками.

Король и вельможи, которым удалось спастись от гибели, бежали обратно в Грецию. О справедливость всевышнего! Так велико было поражение этого войска и неописуемы бедствия его, что и до сегодняшнего дня оплакивают горькими слезами всех, кто в нем [в войске] был.

61. ЗАВОЕВАНИЕ ЛАЦЕБОНЫ

Второе же морское войско, собранное в Колонии и других прирейнских городах и, кроме того, на берегах реки Визеры, начало плавание по широкому пространству океана, пока не прибыло в Британию. Починив здесь в течение нескольких дней свои корабли и присоединив к себе немалый отряд англов и бриттов, они распустили паруса в направлении Испании и пристали к знаменитому португальскому городу в Галатии¹, чтобы поклониться св. Якову². Король же Галатии³, приятно обрадованный прибытием паломников, просил, если они уж вышли сражаться во имя господина, оказать ему помощь против Лацебоны⁴, жители которой сильно беспокоили христианские страны. Склонившись к его просьбе, они выступили в Лацебону с большим количеством кораблей. Король же отправился сухопутным путем и тоже повел сильное войско. И так город был осажден и с суши и с моря. Много времени ушло на осаду этого города. И когда, наконец, он был взят и язычники разбиты, король Галатии обратился к крестоносцам с просьбой, чтобы, предварительно разделив между собой по-товарищески добычу, они отдали ему пустой город. И здесь была создана христианская колония, существующая и сейчас. Это было единственное из всего осуществленного войском крестоносцев предприятие, которое так счастливо закончилось.

62. О НИКЛОТЕ

Третье войско крестоносцев предприняло поход против славянских народов, а именно, против соседящих с нами бодричей и лютичей, чтобы отомстить за уничтожение и смерть, причиняемые ими христианам, главным образом данам. Начальниками этого похода были Адельберо, [архиепископ] гамбургский¹, и все саксонские епископы, кроме того, молодой герцог Генрих², герцог из Церинге Конрад³.

маркграф из Сальтвиделе⁴, Адальберт, Конрад из Витина⁵. Никлот, услышав, что в скором времени будет собрано войско, чтобы уничтожить его, созвал весь народ свой и начал строить замок Дубин⁶, который мог бы послужить для народа убежищем в случае необходимости. И отправил он посольство к графу Адольфу, напоминая ему о союзе, который они заключили, и вместе с тем прося его предоставить ему возможность побеседовать с ним и посоветоваться. И когда граф не согласился, говоря, что это было бы неосторожно с его стороны, ибо могло бы нанести обиду другим государям, он велел передать ему через послов: «Я решил быть глазами и ушами твоими в земле славянской, которую ты начал заселять, чтобы славяне, которые некогда владели вагской землей, не причиняли тебе обид, оправдываясь тем, что они несправедливо лишены наследия своих отцов. Почему же ты оставляешь друга своего в пору нужды? Разве дружба не проверяется в несчастье? До сих пор я удерживал руку славян, и они не причиняли тебе вреда, теперь же я могу отнять свою руку и предоставить тебя себе самому, потому что ты с презрением отверг друга своего, забыл о договоре и отказал мне во встрече с тобой в минуту нужды».

И поведали послы графа Никлоту: «Наш господин в этот раз не может беседовать с тобой, потому что этому препятствуют известные тебе обстоятельства. Так сохрани же доверие к нашему господину и свои обязательства по отношению к нему и, если увидишь, что славяне втайне готовят войны против него, окажи ему поддержку». И Никлот обещал. И тогда сказал граф жителям своей земли: «Имейте надзор за скотом и имуществом вашими, чтобы они случайно не подверглись разграблению со стороны воров или разбойников; об общей безопасности будет моим делом заботиться, чтобы вы не подверглись какому-нибудь непредвиденному нападению войска». Ибо этот мудрый муж полагал, что своей хитростью он предотвратил неожиданные удары войны. Но дела сложились иначе.

63. СОЖЖЕНИЕ КОРАБЛЕЙ

Никлот, чувствуя, что выступление в задуманный поход неизбежно, тайно подготовил морское войско и повел корабли к устью Травны с намерением разорить всю вагскую землю прежде, чем саксонское войско волеется в ее пределы. Вечером же он отправил посла в Зигеберг потому, что обещал графу оказать ему поддержку. Но посольство это оказалось ненужным, ибо граф отсутствовал и не было времени, чтобы собрать войско. На рассвете дня, в который с благоговением поминаются страсти святых Иоанна и Павла, морское войско славянское спустилось в устье Травны. Жители города Любека, услышав шум, производившийся войском, позвали мужей города, говоря: «Мы слышим сильный шум, как будто рокот приближающейся толпы, и не знаем, что это такое». И они послали в город¹ и на рынок предупредить о грозящей опасности. Но опьяневшие от обильных возлияний люди не могли двинуться ни по дороге, ни на кораблях, пока, окруженные врагами, не потеряли из-за подброшенного огня своих кораблей, нагруженных товарами. В тот день было убито около 300 и больше мужей². Священник, монах Родольф, бежал в замок, но был настигнут язычниками, которые нанесли ему тысячу ран и убили его. Находившимся в замке в течение двух дней пришлось выдерживать самую жестокую осаду. Два отряда конницы промчались через вагскую землю и все, что нашли в предместье Зигеберге, истребили. Округ, называемый Даргунским, и все земли, расположенные вниз от Травны и заселенные вестфальцами, голландцами и другими чужеземными народами, были поглощены ненасытным огнем. Они [славяне] убили храбрых мужей, которые пытались с оружием в руках оказывать им сопротивление, и увели их жен и детей в плен. Но мужей гользатских, которые обитают за Травной, к западу от Зигеберга, они пощадили и, остановившись на полях селения Кузалины, не стали продвигаться дальше. Кроме того,

1147
26 июня

славяне не опустошили деревень, которые были расположены в полях Свентинфельд и тянулись от реки Свалы вплоть до реки Агримесов и Плуньского озера, а также не тронули имущества людей, там живущих. И повторяли в то время все уста, что эту беду навлекли якобы гользаты из ненависти к пришельцам, которых граф отовсюду привлекал к заселению страны. Вот поэтому одни только гользаты и не испытали общего несчастья. Но и город Утин³, благодаря своему месторасположению — естественной укрепленности — уцелел тоже.

64. О ПРЕСВИТЕРЕ ГЕРЛАВЕ

Я хочу рассказать об одном деле, заслуживающем право сохраниться в памяти потомков. Разорив вагрскую землю, как им хотелось, славяне пришли в конце концов в округ Сусле, имея намерение разорить бывшую там колонию фризов, население которой исчислялось в 400 и более мужей. Когда славяне прибыли сюда, едва ли сотня фризов находилась в маленькой крепости, остальные возвратились на родину, чтобы привести в порядок оставшиеся там хозяйства. Когда все то, что было вне крепости, славяне сожгли, тогда те, кто в крепости оставался, поняли, какое жестокое нападение им угрожает. И правда, в течение целого дня их храбро осаждали 3 тысячи славян и уже предвкушали свою несомненную победу, в то время как фризы оттягиванием боя старались отдалить свою гибель. Но когда славяне увидели, что без кровопролития победа им не достанется, они пообещали фризам жизнь и целостность членов, если, выйдя из крепости, они сдадут оружие. И тогда некоторые из осажденных в надежде сохранить жизнь начали добиваться того, чтобы сдать крепость. Обличая их, мужественный священник сказал: «Что это вы, о мужи, хотите делать? Вы думаете, что, сдавшись, вы сможете сохранить себе жизнь, что язычникам можно доверять? Вы заблуждаетесь, о мужи соотечественники, неразумно такое мнение. Разве вы не

знаете, что среди всех пришельцев нет ни одного народа, более гнусного для славян, чем фризы? Поистине, наш запах кажется им зловонием. Зачем же жертвуете вы жизнью вашей, зачем добровольно спешите к гибели своей? Именем господина, создателя мира, которому нетрудно в скором времени спасти нас, призываю вас, чтобы вы еще немного испытали силы свои и вступили в бой с неприятелем. Пока мы окружены этим валом, пока мы владеем своими руками и оружием, мы еще можем надеяться сохранить жизнь. Если же мы лишимся оружия, то, кроме позорной смерти, нам ничего не останется. Поэтому попруйте сначала мечи свои, добровольной выдачи которых они требуют, во внутренности их и отомстите за кровь вашу. Пусть узнают они вкус храбрости вашей и пусть не возвращаются с победой без кровопролития». И, говоря так, он явил им отвагу своего духа и, бросившись к воротам с одним лишь мужем, разогнал вражеские отряды и собственной рукой умертвил громадное число славян. Лишившись в конце концов одного глаза и раненный в живот, он сражался без передышки, являя как бы божественную силу и духа и плоти. Славные сыновья Сарвии¹ или Маккавеи² сражались некогда ничуть не лучше, чем этот священник Герлав и небольшое число мужей в замке Сусле. И отстояли они крепость от рук разорителей.

Услышав об этом, граф собрал войско, чтобы вступить в бой со славянами и изгнать их из своей страны. Когда слух об этом дошел до славян, они вернулись на свои корабли и отплыли, увозя пленников и разную добычу, захваченную в земле вагров.

65. ОБ ОСАДЕ ДИМИНА

Между тем всю Саксонию и Вестфалию облетел слух о том, что славяне совершили вылазку и, таким образом, первыми начали войну. Тогда все это войско, носящее знак креста, поторопилось спуститься в землю славян, чтобы покарать их за недоброжелательность. Разделившись, они

осадили две крепости — Дубин и Димин — и изготовили много машин против них. Пришло также и войско данов и присоединилось к тем, которые осаждали Дубин, и от этого осада усилилась. В один из этих дней находившиеся в осаде заметили, что войско данов действует вяло, ибо те, которые дома настроены воинственно, вне его обычно трусят; и, совершив внезапную вылазку, они убили многих данов и удобрили землю их трупами. Оказать им помощь было невозможно, так как между ними лежало море. Поэтому исполненное гнева войско тем упорнее продолжало осаду. И говорили между собой вассалы герцога нашего и маркграфа Адальберта: «Разве земля, которую мы разоряем, не наша земля, и народ, с которым мы воюем, не наш народ? Почему же мы оказываемся врагами самим себе и сами уничтожаем доходы свои? Разве этот удар не падает и на головы повелителей наших?» И начали они с этого дня чинить всякие волнения в войске и облегчать осаду частыми перемириями. И каждый раз, когда славяне в стычке бывали разбиты, они удерживали войско от преследования бегущих и не давали ему овладеть крепостью. В конце концов нашим это надоело, и был заключен такой договор, что славяне принимают христианскую веру и отпускают данов, которые находились у них в плену. И тогда многие притворно приняли крещение, а из плена отпустили всех стариков и непригодных [людей], остальных же, которые здоровьем были крепче и более приспособлены для работы, задержали. Таким образом, этот великий поход закончился умеренным успехом¹. А тотчас же после этого еще худшее время настало, потому что славяне не выполнили своего обещания креститься и не удержали рук своих от опустошения Дании.

66. О ГОЛОДЕ

Граф наш, стараясь наладить поколебленную дружбу, заключил мир с Никлотом и остальными восточными славянами. Однако он не вполне им доверял потому, что они

первые нарушили договор и предали землю его великому опустошению. И он начал ободрять народ свой, подавленный вражеским разорением, и просил его, чтобы он не поддавался несчастьям, памятуя, что маркоманы¹ должны обладать большим терпением и не щадить крови своей. И прилагал большое усердие в выкупе захваченных в плен.

Но что сказать мне о пастыре Христовом Вицелине? Среди этого бедствия, когда ярость язычников многих так сильно разорила, а недостаток в припасах породил голод, он убедительно просил всех, кто был в Фальдере и Кузалине, не забывать о бедняках. Необыкновенное усердие проявлял в этом деле муж господень Тетмар, распределяя и подавая милостыню беднякам, — он, помощник верный и благоразумный, везде столь милосердный, везде столь щедрый, так что всего того, что я о нем говорю, чрезвычайно мало для его восхваления. Очевидно, исполненное сострадания, сердце этого пастыря издавало сладчайшее благоухание, и у врат монастыря всегда лежали такие толпы нуждающихся, ожидавших милостыни из рук мужа господня, что, казалось, благодаря щедрости этого мужа, место это может впасть в бедность. Тогда управляющие хозяйством стали запирали двери закров, чтобы монастырь не понес случайно ущерба. Что же сделал муж господень? Не будучи в состоянии переносить вопли бедняков и сам не имея под рукой ничего, что можно было бы им дать, начал этот муж проявлять еще большую заботу и стал обходить закрома, искусно разыскивая входы в них, и, тайно их обнаружив, поступал подобно грабителю, подавая беднякам ежедневно по возможности. Заслуживающие доверия лица рассказывали нам, что опустошенные в те дни амбары чудесным образом вновь наполнялись провизией. Не подлежит сомнению, что дело это находит подтверждение в деяниях Илии и Елисея², подражатели которым как в области добродетели, так и в области чудес до наших дней имеются.

67. О СМЕРТИ ЭТЕЛЕРИЯ

Прошло немало времени, пока вагрской земле удалось оправиться от пережитого бедствия, и вот уже с севера новые войны надвинулись и добавили горести к горестям, раны к ранам. После убийства Эрика, по прозвищу Эмуна, осталось трое потомков королевского рода, а именно: Свен, сын этого Эрика, Вальдемар, сын Кнута, и Кнут, сын Магнуса¹. Поскольку все они были пока еще в детском возрасте, то, по решению данов, над ними был поставлен опекун, некий Эрик, по прозвищу Спак², который и принял под свое покровительство государство и подрастающих государей. Был это муж миролюбивый. Он спокойно управлял вверенным ему государством, оказывая ярости славян недостаточное противодействие. Ибо разбои славян в то время более обычного усилились. Чувствуя приближение дня своей смерти, Эрик созвал трех юных королей и, обратившись за советом к вельможам, Свена поставил на королевство; Вальдемару же и Кнуту велел удовольствоваться отцовским наследством. И приведя таким образом в порядок дела, он скончался. Вскоре сын Магнуса, Кнут, нарушив распоряжение своего опекуна, сделал попытку насильно захватить трон и начал большую войну против Свена. Вальдемар стал на сторону Свена, и вся Дания взволновалась. В северной части неба великие знамения показались в виде как бы огненных факелов, алых, как человеческая кровь. Знамения эти не обманули. Кто же не знает о нанесенных поражениях, нанесенных, говорю я, во время этой войны?

Каждый из юных королей старался привлечь нашего графа³ на свою сторону, и они отправляли послов с дарами, предлагая много и обещая еще больше. Графу понравился Кнут, и после беседы с ним он признал себя его вассалом. Жестоко отплатил за это Свен. Взяв с собой вооруженный отряд, он перешел в вагрскую землю, поджег Альденбург и разрушил всю приморскую область. Уйдя потом оттуда, он поджег предместье Зигеберг, и прожорливое пламя поглотило все, что было в его окрестностях.

Виновником этого бедствия был некий Этелерий, дитмарш по рождению. Он получил поддержку у богатых данов, привлек на свою сторону всех храбрых гользатов и, став королевским военачальником, вознамерился изгнать графа из его земли, а владения его присоединить к Данскому королевству. Когда это стало известно графу, он отправился к герцогу⁴, прося, чтобы тот его защитил. Ибо оставаться в Гользатии ему было небезопасно, потому что вассалы Этелерия поднялись и угрожали его жизни. Если кто-нибудь хотел стать вассалом Этелерия, он шел к нему и получал от него в дар плащ, щит и коня, и подкупленные такого рода дарами мятежники заполнили всю землю. Тогда повелел герцог всему народу гользатов и штурмаров, чтобы если где-нибудь будут обнаружены вассалы Этелерия, пусть они или отрекаются от своего вассальства, или уходят из страны. И было так сделано, и весь народ поклялся, что будет подчиняться приказу герцога и повиняться своему графу. И тогда этот муж вновь заключил дружбу с гользатами после того, как мятежники или вернули себе его милость, или были изгнаны из страны.

И отправил граф послов к Кнуту, требуя, чтобы тот скорее с войском пришел, чтобы им вместе подавить Свена. Сам же с 4-тысячным войском поспешил к Шлезвигу ему навстречу. И раскинули они лагеря на большом расстоянии один от другого. Свен же с немалым войском находился в городе Шлезвиге. Тогда Этелерий, военачальник Свена, видя, что беда удвоилась и большое войско пришло, чтобы их осадить, с коварным умыслом отправился к Кнуту и, дав денег начальникам войска, уповорил юного Кнута, чтобы тот без ведома графа Адольфа возвратился в землю свою и распустил войско, всех по домам своим. Заключив с ним перемирие, он дал обещание, что без войны восстановит мир в Дании. Совершив все так, как ему было угодно, Этелерий вернулся в Шлезвиг, намереваясь утром вступить в бой с графом и внезапно убить его. Но в тот вечер был в Шлезвиге один из домочадцев графа, и, чувст-

вуя, что что-то готовится втайне, он поспешно переправился через озеро и, придя в лагерь, сказал графу: «Обманут ты, о граф, обманут и обречен на гибель. Кнут и войско его, на помощь которым ты сюда прибыл, вернулись в землю свою, ты же один здесь оставлен. А Этелерий намеревается прийти сюда и на рассвете сразиться с тобой». Тогда граф, весьма удивленный таким обманом, сказал своим: «Поскольку мы находимся среди леса и лошади наши изнурены от голода, то хорошо было бы нам уйти отсюда и поискать удобное место для лагеря». Тогда войско почувствовало, что граф расстроен неблагоприятным известием, и сняло лагерь с места, которое называется Кунингисхо, и повернуло путь к Эгдоре. И воины двигались с такой поспешностью, что, когда граф достиг Эгдоры, из 4 тысяч войска с ним оказалось едва 400 [человек]. Ободряя их, граф сказал: «Хотя напрасный страх и обратил в бегство наших братьев и друзей, несведущих в этом деле, однако мне кажется полезным, чтобы мы остались здесь охранять нашу страну, пока не узнаем точнее от направленных [нами] послов, что делают наши враги». И он тотчас же отправил послов, чтобы те донесли об истинном положении вещей. После того как те были схвачены под Шлезвигом и закованы в цепи, Этелерий сказал господину своему королю: «Теперь следует поторопиться и выступить с войском, ибо покинутый своими граф несомненно отдастся в руки наши. Убив его, мы пойдем в его страну и поступим с нею, как нам заблагорассудится». И они отправились с сильным войском. Граф же, разгневанный тем, что послы, как было условлено, не вернулись, отправил других послов, которые, увидав неприятеля, поспешно донесли об этом графу. Тот, хотя и был в душе опорчен малочисленностью своих сил, решил, однако, принимая во внимание их доблесть, сразиться, и сказал своим: «Вот настало время, о друзья, когда можно будет узнать, кто тот смелый и доблестный муж, который готов был бы добровольно принять гибель. Мои соотечественники часто с насмешкой упрекали

меня, что у меня якобы женское и трусливое сердце и что удары войн я отражаю скорее словом, чем рукой. Разумеется, я не действовал безрассудно. И зато сколько раз мы смогли без кровопролития уберечь себя от войны. Но теперь, когда ужасная опасность требует приложения рук, можно будет увидеть, женская ли у меня, как вы говорите, душа. Теперь, даст бог, вы сможете лучше рассмотреть, что у меня сердце мужа. Я успокоюсь, если ваше желание совпадет с моим и если вы, принеся присягу, станете со мной на защиту отечества. Ибо в настоящее время только сражение может спасти и от постыдного бегства и от несомненного разорения нашего отечества».

Когда граф закончил свою речь, приверженцы приветствовали его и под великой присягой обязались, что будут твердо стоять во имя спасения своего и своего отечества. И тогда граф велел разрушить мост и поставил стражу в тех местах, где река была проходима. Тут пришел посол и сказал, что неприятель переправился у деревни, которая называется Скуллеби.

Итак, вознеся молитву господу, граф поспешил, пока не переправилось все войско, вступить в бой с теми, которые уже переправились. И тотчас же, как только они столкнулись, граф был сброшен с коня. На помощь ему пришли двое рыцарей; они подняли его и опять посадили на коня. Битва была жаркая, и было неясно для той и другой стороны, которая из них победит, пока один из сторонников графа не закричал громко, требуя, чтобы подрубили колени лошадям, на которых сидели враги. И случилось, что когда лошади упали, то с ними упали и закованные в панцири седоки и были поражены нашими мечами. Погиб Этелерий, а остальные знатные были или убиты, или взяты в плен. Увидев это с другого берега реки, король и [люди], бывшие с ним, обратились в бегство и вернулись в Шлезвиг. И граф тоже вернулся, покрытый славой своей победы, ведя замечательных пленников, деньгами [от выкупа] которых изрядная часть его долгов была покрыта⁵.

С этих пор он стал проявлять особую заботу о своей земле. Ибо каждый раз, когда доходила до него весть о каком-нибудь движении со стороны Дании или славян, он тотчас же собирал войско в удобном месте, а именно в Травенемюнде⁶ или над Эгдорой, и всегда были послушны приказам его народы гользатов, штурмаров и маркоманов. Согласно существующему обычаю, маркоманами называются собравшиеся с разных сторон народы, населяющие марку. Очень много марок имеется и в славянской земле. Из них не самой худшей является наша вагрская земля, где имеются мужи храбрые и опытные в битвах как с данями, так и со славянами. Обязанности графа выполнял над всеми ними наш граф⁷. Он вершил суд над народом своим, примиряя несогласия и освобождая угнетенных из рук могущественных. К духовенству он был чрезвычайно благосклонен и не допускал, чтобы кто-либо делом или словом его обидел. Много труда приложил граф к укрощению мятежей среди гользатов. Ибо этот свободолюбивый и упрямый народ, народ дикий и необузданный, отказался нести иго мира. Но высокий разум этого мужа победил их, и восторжествовала мудрость его в них. Он старался привлечь их к себе многочисленными дарами, пока не надел узды на этих, говорю я, диких юслов. Если бы кто захотел, тот может убедиться, что хотя внешне этот народ не изменился, однако

Те, что личиной главу прикрывали обычно

И расставляли коварно сеть для хищений своих и крали то, что не могли отнять силой,— тот может убедиться, говорю я, что они изменили свои нравы и снова обратили шапы свои на путь мира. А разве это не «изменение десницы всевышнего»⁸?

После этого граф помирился с жоролом данов, Свенном. Ибо тот, счастливый многочисленными победами, изгнал Кнута из страны и принудил его, прогнанного в Саксонию, жить вне отечества, у преславного архиепископа Гартвига, который, происходя из знаменитого рода⁹, имел громадные владения.

68. О ГЕРЦОГЕ ГЕНРИХЕ

В то время юный наш герцог взял себе в жены Клементию, дочь Конрада, герцога из Церинге¹, и начал править во всей земле славянской, постепенно мужая и набираясь сил.

Каждый раз, как славяне наносили ему обиды, он всегда простирал на них длань Марса, и они отдавали ему все, что он пожелал потребовать, лишь бы сохранить себе жизнь и отечество. Но ни в одном из походов, которые он успешно, будучи еще юношей, на Славию совершал, о христианстве и не вспоминалось, [но] только о деньгах. Ибо они [славяне] все еще поклонялись идолам, а не богу, и предпринимали разбойничьи набеги на земли данов.

69. ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ГАРТВИГЕ

Гартвиг, архиепископ гамбургский, видя, что в Славии царит мир, решил восстановить у славян епископства, разрушенные некогда яростью язычников, а именно, епископства Альденбургское, Рацисбургское и Микилинбургское. Из них Альденбургское основал Оттон I Великий, подчинив ему полабов и бодричей от границ страны гользатов до реки Пены и города Димина. И первым епископом в Альденбурге поставил он Марка. После него вторым был Эквард, третьим — Ваго, четвертым — Эзико, пятым — Фольхард, шестым — Рейнберт, седьмым — Бенно, восьмым — Мейнер, девятым — Абелин, десятым — Эзо. Во времена его [Оттона] в Гамбургской церкви возвышался великий Адальберт. Из тех чужеземных епископов, которых он держал на своем столе, Иоанна он поставил епископом в Микилинбурге, а Ариста — в Рацисбурге, и, таким образом, Альденбургская кафедра распалась на три епископства¹. После того как по соизволению божьему и за грехи человеческие христианская религия в Славии прекратилась, эти епископства пустовали в течение 84 лет, вплоть до

времен архиепископа Гартвига. Благодаря благородству своего происхождения известный обоим верховным властям², последний приложил много трудов, чтобы восстановить суфраганные епископства во всей Дании, Норвегии и Швеции, которые, как вспоминают древние, некогда принадлежали к Гамбургской церкви. Но когда ни повиновением, ни разными подкупами он ничего ни у папы, ни у императора не добился, то, чтобы совсем не лишиться суфраганов, он вознамерился восстановить давно уже уничтоженные епископства в Славии. И, пригласив достопочтенного пастыря Вицелина, он посвятил его в епископы альденбургские³, ибо тот был уже в преклонном возрасте и уже 30 лет прожил в земле гользатов. Затем в Микилинбург он поставил Эммегарда⁴. Оба были посвящены в Россевельде и отправились в страну нужды и голода, где было обиталище сатаны и всякого духа нечистого.

Все это было сделано без ведома герцога и графа нашего. И поэтому случилось, что дружба, которая существовала до сих пор между Вицелином и нашим графом, теперь нарушилась, хотя раньше граф почитал его, как отца. И он взял себе все десятины за этот год, которые полагались новому епископу, и не оставил от них никаких следов. Тогда епископ пришел к герцогу, чтобы попросить у него прощения, и был им принят с почестями и уважением. И сказал ему герцог: «Достойно было бы, о епископ, чтобы я не приветствовал и не принимал вас, так как вы это звание приняли без ведома моего. Это я должен был этим делом распорядиться, особенно в стране, которую отцы мои, при покровительстве божьем, щитом и мечом завоевали и передали мне в наследство, чтобы я владел ею. Но так как мне давно известна ваша святость и отцы наши искони тоже испытывали вашу верность, решил я ваш поступок предать забвению и со всей милостью согласиться на пожалование вам этого почетного места при том условии, что вы согласитесь принять епископскую инвеституру из моих рук. Благодаря такому договору дела ваши могли бы успешно про-

двинуться вперед». Но эта речь показалась епископу опасной потому, что юна шла против обычая. Ибо право облачать властью епископа принадлежало только императору⁵.

Тогда один из приближенных герцога, Генрих из Вита⁶, муж могущественный, воинственный и друг епископа, сказал ему: «Поступайте так, как вам выгодно, приблизьтесь к господину нашему и выполните его волю, чтобы опять были воздвигнуты церкви в Славии и вашими руками направились служение господу. В противном случае ваш труд будет бесполезен, ибо ни император, ни архиепископ не смогут поддержать ваше дело, если мой господин будет противиться. Потому что господь ему дал всю эту землю. Разве что-нибудь такое важное требует от вас господин мой, что являлось бы для вас недозволенным или постыдным? Сколь лучше и легче пойдет дело и сколь великие плоды оно принесет, если господин мой примет посох и отдаст его в руки ваши в знак инвеституры и, кроме всего прочего, вы станете другом герцога и будете пользоваться почетом среди народов, к которым пойдете, чтобы обратить их».

Епископ попросил предоставить ему время, чтобы он мог поразмыслить над этими словами. Отпущенный с миром, он прибыл в Бардевик, где находился несколько дней, пораженный смертельным недугом, ибо там постиг его паралич, которым он, видимо, страдал до самого конца своей жизни. Когда болезнь несколько затихла, его перевезли в повозке в Фальдеру, но долгое время недуг не давал ему возможности заниматься делами церкви. Ибо к бремени возраста еще прибавилась болезнь. И когда господь дал ему силы, он отправился в Бремен посоветоваться с архиепископом и духовенством относительно того предложения, которое сделал ему герцог. И они все вместе единодушно стали выражать свое недовольство, говоря: «Мы знаем, о достопочтенный епископ, что вашей святости лучше известно, как следует вам поступить в отношении такого предложения. Но если вы пришли к нам, чтобы услышать наш совет, то мы вам кратко ответим, как мы это понимаем. Пер-

вое, что надо принять во внимание, — это, что инвеститура епископов предоставлена только императору, который единственно всех превосходит и после бога среди сынов человеческих самый выдающийся. Чести этой они [императоры] не без великих жертв добились. И самые достойные из императоров не так легко достигли того, чтобы их называли господами над епископами, но заплатили за этот проступок громаднейшими государственными богатствами, которыми церковь самым щедрым образом одарили, самым приличествующим образом украсили, так что она не считает презренным подчиняться в малом и не считает постыдным склоняться перед одним, благодаря чему может господствовать над многими. Ибо где есть такой герцог или маркграф, или правитель государства сколь угодно великий, который не предложил бы епископам руки своей и, отвергнутый, не навязывал бы себя снова, кстати это или не кстати? Они наперерыв стараются стать вассалами церкви, стать участниками ее владений. И вы погубите эту честь и нарушите эти права, созданные великими авторитетами? И вы протянете руку вашу этому герцогу, чтобы, следуя вашему примеру, те, кто были господами над государями, стали слугами государей? Не приличествует вашему возрасту, достаточно зрелому для украшения такой почестью, чтобы из-за вас начали происходить злоупотребления в доме господнем. Да минует вас такое решение. Ибо если необузданный гнев государя обрушится на вас, то разве не лучше будет пожертвовать состоянием, чем честью? Пусть отнимут, если захотят, десятины, пусть, если угодно, закроют вам доступ в ваш диоцез, такую неприятность еще можно перенести. У вас есть во всяком случае церковь в Фальдере, вы можете оставаться в этом безопасном месте и спокойно ожидать спасения от господя».

Таковыми и подобными речами они удержали его от того, чтобы он выполнил желание герцога. И, конечно, такое решение породило многочисленные помехи для нового рассадника веры, ибо когда бы ни пошел наш епископ к гер-

цогу, желая спросить что-либо по делам церкви, тот отвечал, что готов на все, чего требует польза, если прежде ему будет оказана надлежащая честь, в противном же случае напрасно идти против течения реки. И смиренный епископ легко бы склонился к тому, чтобы ради блага церкви исполнить желание герцога, жаждущего светских почестей, если бы архиепископ и остальное бременское духовенство не противились этому. Ибо они сами, будучи тщеславны, пресыщенные богатствами своей достаточно окрепшей церкви, считали, что этим поступком было бы задето их достоинство, и заботились не столько о доходах, сколько о количестве суфраганных кафедр. Это особенно заметно было и в том, что архиепископ чинил нашему епископу большие обиды во владениях Фальдерской церкви, отнимая некоторые из них, не давая ему спокойно оставаться в том месте, которое сам ему выделил. И вот ты видишь мужа, некогда обладавшего великим именем и свободой и вполне владевшего собой, а после того, как он принял звание епископа, как будто связанного какими-то узами, смиренно просящего у всех. Ибо человек, от которого зависело спокойствие его и на которого он возлагал все надежды [архиепископ], совратил его с пути разума и мира, чтобы он не приблизился к тем, благодаря которым доходы церкви могли разрастись. И он делал то, что позволяло ему положение того времени, посещал церкви своего диоцеза, возвещая народам спасение и доставляя им по обязанности своей службы дары духовные, хотя сам, однако, не пожинал у них даров временных, так как граф отнял у него право на десятины.

В то время был им освящен храм в Кузалине, по-другому Гагересторп называемой. И церковь в Борнговеде была тогда же освящена. И пришел он в новый город, что Любеком называется, чтобы укрепить живущих там, и освятил здесь алтарь во имя господа. Возвращаясь оттуда, он посетил Альденбург, где некогда находилась кафедра епископа, и был принят язычниками, жителями этой земли.

Богом их был Прове. Имя же жреца, который возглавлял их суеверия, было Мике. Князя же этой земли звали Рохель и был он из рода Крута, великий идолопоклонник и злодей. И начал епископ господень наставлять язычников на путь истины, каким является христианство, убеждая их, чтобы, оставив своих идолов, они поспешили к купели возрождения. Но лишь немногие из славян обратились к вере, ибо еще велика была их слабость и сердца государей не были еще расположены к тому, чтобы обуздать сердца разбойников. И дал епископ деньги дровосекам на расходы по храму и начали строить церковь у вала древнего города, куда по воскресеньям жители всей земли имели обыкновение собираться на рынок.

70. О ГРАФЕ АДЛЬФЕ

В те дни герцог собрал войско, намереваясь отправиться в Баварию и потребовать герцогство, которое занимал отчим его, Генрих, брат короля Конрада¹. И тогда пришел к нему в Люнебург наш епископ и стал просить, как всегда имел обыкновение, об обеспечении для своего епископства. Герцог же сказал ему: «Я сделаю, как вы просите, если вы согласитесь оказать мне честь». На что епископ ответил: «Ради того, кто для нас унизился, я готов самого себя отдать в собственность любому из ваших вассалов, а тем более вам самим, кому господь даровал самую высокую власть среди государей по причине как вашего происхождения, так и вашего могущества». И после этих слов он поступил так, как того потребовала необходимость, и через посредство посоха принял епископство из рук герцога. Успокоенный герцог сказал: «Поскольку мы видим, что вы повиновались воле нашей, то и нам надлежит оказать вам честь, достойную вашей святости, и отнестись к вашей просьбе более благосклонно. Но так как теперь мы готовимся в путь, а устройство вашего дела требует длительного времени, то пока мы жалуем вам деревню Бузу, кото-

рую вы просили, с принадлежащей к ней Дулзаницей, чтобы вы выстроили себе дом посреди земли вашей и могли там ожидать нашего возвращения. И тогда, если господь будет милостив, мы охотно займемся устройством ваших дел».

И герцог попросил графа Адольфа дать согласие на это пожалование. Граф ответил ему: «После того, как мой господин склонился к милосердию, нам надлежит спешно присоединиться к воле его и по мере нашей возможности содействовать ей. То владение, которое господин герцог жалует епископу, и я согласен пожаловать. Сверх того, не по обязанности, а из расположения я уступаю еще половину десятин, пусть они идут в распоряжение епископа потому, что дела его епископства еще не устроены».

Итак, герцог передал охрану славянской земли и земли нордальбингской нашему графу и, приведя в порядок дела в Саксонии, выступил с войском в поход, чтобы получить герцогство Баварское. 1150

А герцогиня Клементия продолжала пребывать в Люнебурге. И граф был самым блистательным человеком в доме герцога, и самым услужливым в повиновении герцогине, и самым главным ее советчиком. Поэтому почитали его князья славянские, а еще более короли данские, которые, будучи заняты своими внутренними войнами, старались превзойти друг друга в подарках ему. Кнут, который, бежав, жил в изгнании у архиепископа², собрав в Саксонии наемное войско, возвратился в Данию. И присоединились к нему почти все жители Ютландии. Услыхав об этом, Свен собрал морские силы и, переправившись через море, пришел в город Виберг³, и короли начали битву, и были разбиты войска саксов и полностью истреблены. Обратившись в бегство, Кнут прибыл в Саксонию. Через некоторое время он опять вернулся в Данию и был принят фризами, обитавшими в Ютландии. И пришел Свен и вступил с ним в бой, а разбив, принудил бежать в Саксонию. И когда Кнуту в его странствиях часто приходилось проходить че-

рез Гользатию, наш благочестивый граф всегда ободрял его, предоставляя ему право свободного прохода и оказывая другие услуги человеколюбия. А Свен с великой жестокостью правил в Дании, всегда счастливый многими победами. Ярости славян он препятствовал теперь меньше, опуганный внутренними войнами. Рассказывают, однако, что как-то он нанес им великое поражение в Зеландии⁴.

71. О НИКЛОТЕ

В те дни, когда герцог находился в отсутствии, пришел Никлот, князь земли бодричей, к герцогине Клементии в Люнебург и стал громко жаловаться перед ней и друзьями герцога, что хижане и черезпеняне начали понемногу бунтовать и противиться даням, которые платят по обычаю. И тогда были назначены граф Адольф с народом гользатов и штурмаров оказать поддержку Никлоту и подавить восстание непокорных. И граф выступил более чем с 2 тысячами избранных воинов. Никлот же тоже собрал войско из бодричей. И они отправились вместе в землю хижан и черезпенян и шли по неприятельской земле, уничтожая все огнем и мечом. И разрушили знаменитое языческое святилище с идолами и другими заблуждениями¹. Жители, видя, что у них нет сил сопротивляться, откупились громадными деньгами и недостававшее в данях покрыли с избытком. Тогда Никлот, обрадованный победой, выразил графу горячую признательность и, когда тот возвращался домой, проводил его до границы своей страны, проявляя самую тщательную заботу о его войске. И с того дня окрепла дружба между графом и Никлотом, и часто они сходились в Любеке или Травенемунде для беседы о благе обеих земель.

И мир царил в земле вагров и постепенно милостью божьей начал произрастать новый рассадник веры. Торговля же в Любеке тоже росла с каждым днем и увеличивалось количество кораблей у его купцов. Епископ Вицелин начал

заселять остров, что назывался Бузу, и жил там под буком, пока не выстроили хижины, в которых они могли бы все поселиться. И начал он строить там церковь во имя господина и в память св. Петра, князя апостолов. Все необходимое для жилищ и для подлежащих обработке полей епископ достал из Кузалины и из Фальдеры.

В начале своего существования епископство было весьма скромным потому, что граф, во всем другом человек прекрасный, по отношению к одному лишь епископу оказался менее хорошим.

72. О КОРОЛЕ КОНРАДЕ

Когда все это происходило в земле славянской, наш герцог, будучи не совсем здоров, задерживался в Свевии и угрожал войной своему отчиму. Поддержку тому оказывал брат его, король, считавший несправедливым, чтобы кто-нибудь из государей владел двумя герцогствами. Маркграф Адальберт и многие другие из государей, услышав, что нашему герцогу приходится плохо и что он как бы заперт среди врагов, обратились к королю с просьбой, чтобы тот пришел с войском как можно скорее в Саксонию, осадил Брунвик¹ и одолел друзей герцога. Король поставил стражу по всей Свевии, чтобы герцог случайно не ускользнул, а сам отправился в Гослярию², чтобы захватить Брунвик и все замки герцога. Между тем наступало святое рождество Христово. Понимая, что замыслы короля во зло ему направлены и что уход из Свевии ему отрезан, герцог велел объявить всем своим друзьям, как свободным, так и служившим ему, чтобы в этот торжественный день они собрались в каком-нибудь городе на сейм. Он велел огласить этот приказ и довести его до слуха народа. Взяв с собой трех самых верных мужей, однажды вечером герцог переоделся и, уйдя из замка, отправился в ночное странствование и, пройдя посреди неприятельских засад, лишь на пятый день появился в Брунвике. И, таким образом, друзья его,

1151
25 дек.

до этого исполненные печали, неожиданно вновь обрели мужество. Лагерь же короля находился на близком расстоянии от Брунсвика, расположенный в месте, которое называется Генинге³. И вот пришел посол к королю и сказал, что герцог появился в Брунсвике. Твердо убедившись в этом, король перестал двигаться вперед и возвратился в Гослярию, и так все, что было его усилиями предпринято, теперь в ничто обратилось.

1152 Герцог же сумел защитить себя от окружавших его и злоумышлявших на его жизнь государей и сохранил за собой герцогство Саксонское, усиливаясь и укрепляясь с каждым днем. Но получить герцогство Баварское он не смог в течение всего времени, пока был жив король Конрад. Когда тот спустя недолгое время скончался⁴, королевство после него наследовал Фредерик, его племянник, ибо у короля Конрада было много братьев, среди которых первыми были Генрих, герцог баварский⁵, и Фредерик, герцог свевский, сын последнего, носивший то же имя, и был поставлен на королевство. Так, в лето от рождества Христова 1151-е на престол вступил Фредерик⁶, первый король с таким именем, и возвысился трон его над тронами королей, которые в течение долгого времени до него были. Мудростью же и могуществом превосходил он всех обитателей земли. Мать его приходилась теткой нашему герцогу⁷.

73. СМЕРТЬ СВЯЩЕННИКА ТЕТМАРА

Около этого времени в замке Винцебург был убит граф Гереман, муж могущественный, обладавший большими богатствами. И тотчас же между нашим герцогом и маркграфом Адальбертом начались споры из-за его замков и богатств. Чтобы их примирить, король созвал сейм в Марциполисе¹, городе в Саксонии, и повелел государям торжественно туда явиться. И, отправив посольство, призвал он к себе мятежных королей Дании, чтобы установить между ними при своем посредничестве справедливость.

Тогда Кнут, в третий раз, как сказано выше, изгнанный из Дании, пришел к нашему герцогу, прося его, чтобы он согласился сопровождать его на сейм и оказать ему там поддержку. Короля же Свена сопровождал архиепископ², имея в своей свите среди многочисленных священников и почтенных мужей также епископа Вицелина.

Этот знаменитый сейм состоялся в Мерзебурге, и здесь государи Дании помирились. Свен был увенчан королевской короной, остальные признали себя его вассалами. Несогласия же, происходившие между герцогом и маркграфом, он не смог удалить, потому что гордые эти государи мало считались с увещаниями только что избранного короля. Архиепископ убеждал епископа Вицелина принять инвеституру из рук короля, что повлекло бы не выгоды для церкви, а ненависть герцога. Но тот не согласился, полагая, что разожжет этим непримиримый гнев герцога, ибо в этой земле только власть герцога признавалась.

1152
18 мая

Сейм был распущен. Епископ Вицелин возвратился в свой диоцез и здесь нашел святейшего мужа Тетмара ушедшим из жизни. Конечно, это причинило епископу громадную горе. Ибо этот сладчайший муж, всегда окруженный общим уважением, казалось, не имел никого себе равного в свое время.

Я расскажу вкратце и в общих чертах о его жизни. Еще до зачатия он был явлен своей святой матери, еще в колыбели был посвящен в служители алтаря и, порученный доброму пастырю, как лучший ученик, всегда упорно учился, вплоть до наступления зрелого возраста. Будучи учеником [Вицелина] в Бремене, товарищем его во Франции, он терпеливо нес иго своего наставника, согласно тому, как сказано у Иеремии: «Благо человеку, когда он несет иго в юности своей»³. По возвращении домой и с уходом Вицелина, наилучшего наставника, в славянскую землю, он был предоставлен самому себе. Бременцы рассказывали, как он управлял школой в Бремене, как выполнял обязанности декана. Достаточно упомянуть о том, что после его отъезда, как

жаловался Бремен, свет этой церкви угас. В стремлении к лучшей жизни перебравшись в Фальдеру, он доставил своим присутствием большую радость Вицелину. Но и у всех других, которые находились в этом уголке ужаса и пустынного безлюдья, с прибытием такого гостя появились как бы новые лица. Спустя несколько лет, когда господь расширил пределы церкви, он был послан в Кузалину, что то же, что и Гагересторп, и это было для жителей нового поселения большим утешением. Ибо к пленным и разоренным он с таким милосердием на помощь приходил, что жертвования, казалось, превышали возможности этого еще молодого храма. Во время молитв и чтения слух его всегда был настрожен, обращен к входу; он слушал, не придет ли нуждающийся, не постучит и не попросит ли. Граф Адольф боялся его, потому что он обличал его проступки и при этом не щадил провинившегося. Жестокость сердца его, которую тот проявлял к епископу, этот достопочтенный пастырь старался смягчить, прикладывая пластыри, но болезнь побеждала все лекарства. Однако, слушая его, граф много [добра] сделал, зная его как мужа справедливого и святого. Когда исполнилось 10 лет жизни его [Тетмара] в этой земле, как раз в то время, когда епископ отсутствовал и находился в Мерзебурге, его постигла болезнь. Когда же братья, собравшись у ложа болящего, старались поддержать в нем надежду на возвращение здоровья, он горячо им возразил: «Не сулите мне, любезные братья, продолжения этой жизни, не угнетайте такими словами дух мой, уставший от странствований и стремящийся в отечество. Вот уже 10 лет прошло с тех пор, как я просил продлить жизнь мою ради этого моего дела, и был услышан. Теперь же, наконец, мне следует молить об отдыхе от трудов моих. И я уверен в постоянном милосердии божьем и надеюсь, что и эта моя просьба не окажется тщетной».

Все увеличивались телесные страдания его, но с ослаблением тела не исчезала душевная бодрость. И исполнилось на нем сказанное у Соломона: «Крепка, как смерть, лю-

бовь... реки и ветры не могли ее потушить»⁴. Ибо в умирающем продолжала жить любовь, и она-то и поддерживала в слабеющем теле то душевное расположение, которое давало братьям в их скорби утешение, в спорных делах наставление, в нравах назидание, а в сердцах друзей как бы запечатлеvalo последние и незабываемые следы прощания.

Он не забыл и о любезнейшем своем отце Вицелине и сердечно молился, чтобы господь направил его пути, и многократно изъявлял признательность ему за то, что через него открылись ему путь к спасению и надежда на царство божье. Тогда с братской заботой пришли к болящему настоятель Фальдерской церкви Эппо и священник Бруно и, исповедав его, выполнили над ним таинство миропомазания. С благоговением приняв его, укрепленный принятием частицы животворного тела господня, он продолжал возносить благодарственные молитвы. Ночью, когда наступил канун пятидесятницы, то есть в шестнадцатые календы июня, как всегда бодрствуя в молитве, он призывал ангелов, просил всех святых о покровительстве и, когда уже душа покидала тело, уста его все еще шевелились в молитве и исповедании славы божьей. О достойнейший священнослужитель, о славнейшая пред богом душа! Я сказал бы, что он был счастлив в течение жизни, но еще стал счастливее, достигнув ее конца, он, который после столь непродолжительного труда заслужил себе вечную славу у господя, а у людей расположение к святому поминовению.

Мая 17

74. О ПОХОРОНАХ ТЕТМАРА

Кончину этого достопочтенного пастыря задолго до нее предсказывал брат Лютберт, который, променяв службу мира сего на служение богу, вместе со слугой божьим Тетмаром ухаживал за бедняками, находившимися в больнице. Когда он посетил как-то однажды Фальдеру, лицо его выглядело более печальным, чем обычно, и было орошено слезами. Спрошенный о причине скорби, он ответил, что

скорбит справедливо, ибо в скором времени будет лишен присутствия любящего отца. Он признался, что был оповещен об этом не во сне, а когда бодрствовал, по откровению свыше. Недолгое время спустя после этого пророчества и последовала внезапная смерть пастыря. Братья же, которых искренняя любовь к этому мужу заставляла проливать слезы, вспомнив об этом предсказании, укрепились в сердце своем, почерпнули надежду и утешение.

Когда известие о кончине Тетмара пришло в Фальдеру, тотчас же были отправлены послы для перенесения туда тела его, так как, умирая, он усиленно об этом просил. Однако достопочтенные мужи, Теодор, Людольф, Лютберт и другие, которые там жили, ни за что не соглашались на это, говоря, что они все предпочитают лучше умереть, чем лишиться такого заложника [пред господом], который для недавно основанной Вагрской церкви будет и честью и утешением.

И вот, когда собрались толпы верующих из Зигеберга и соседних городов, святое тело было предано земле под причитания многочисленных бедняков, громко сетовавших на то, что он их покинул.

Да будет возвеличен в святых своих господь, который из этого мужа сотворил себе достойного священнослужителя, ставшего таковым в силу счастливого призвания. Вы же, о отцы Любекской республики¹, достигнете еще большего спасения у господа, если такому мужу воздадите достойное почтение и поставите его в ряду тех, кто церковь вашу из развалин на новые вершины вознес.

75. О БОЛЕЗНИ ЕПИСКОПА ВИЦЕЛИНА

После смерти пресвятого пастыря Тетмара епископ Вицелин вернулся с Мерзебургского сейма, труды которого оказались напрасными ввиду бесплодности переговоров между государями. Ибо архиепископ и герцог, от которых зависели все дела в этой стране, связанные взаимной нена-

вистью и завистью, никак не могли добиться угодных господу плодов. Оба спорили о том, кому принадлежит страна, кому — право ставить епископов, и оба неусыпно следили за тем, чтобы ни один из них не уступал ни в чем другому. И граф Адольф, хотя во многом человек и хороший, тоже не вполне сочувствовал делам епископа.

При таких неблагоприятных обстоятельствах скорбь епископа нашего по поводу кончины Тетмара еще более усилилась. Пока тот был жив, все, что угнетало, казалось епископу более сносным. Ежедневно угнетаемая тоской душа его искала утешения и не находила. Когда прошло несколько дней после его возвращения с сейма, Вицелин отправился в Бузу, где начал строить монастырь и церковь и проповедовал собиравшемуся там народу слово спасения. Ибо окрестные селения уже постепенно заселялись христианами, хотя и с большим страхом из-за нападений разбойничьих шаек. Замок же Плуния не был еще отстроен. Совершая таинства и принося господу последнюю жертву, епископ молился, преклонив колени на земле пред алтарем господним, прося всемогущего бога, чтобы почитание его распространилось как в этом месте, так и по всему пространству Славии. Часто среди слов ободрения он предсказывал переселенцам, что в скором будущем вознесется почитание дома господня в Славии и пусть они не падают духом и хранят упорное терпение в надежде на лучшее.

Простившись с достопочтенным пастырем Бруно и другими, которых поставил во главе этого места, и укрепляя руки их¹ в госпде, Вицелин вернулся в Фальдеру. Здесь через семь дней настиг его бич божий. Он был в такой степени поражен параличом, что у него отнялись рука и нога, а затем и вся правая сторона. И что особенно было достойно жалости, это то, что он лишился также и дара речи.

Таким зрелищем были расстроены все, кто видел, как этот муж, не сравнимый ни с кем по красноречью, великий наставник, щедро одаряющий словами святого ободрения и ревностный в защите истины, столь внезапно лишился

речи и членов, поэтому стал бесполезным. Сколь разноречивы были суждения об этом среди народов, сколь не менее безрассудны мнения многих священнослужителей, об этом стыдно даже вспоминать, а тем более говорить. Рассказывали, что господь оставил его, и не внимали словам священного писания, гласящим: «Блажен человек, которого вразумляет бог»². В безысходном горе скорбели все, кто находился в Фальдере и Кузалине, особенно же те, кто первыми вместе с ним пришли в эти земли и здесь состарились с ним под тягостью дня и зноя³.

Болящему оказывали услуги лекари, однако безуспешно, ибо божественное провидение уготовало ему лучшее и более близкое к его спасению лекарство. Ибо несравненно лучше «разрешиться и быть со Христом»⁴.

Два с половиной года пребывал Вицелин на одре болезни, не будучи в силах ни сидеть, ни стоять. С любовью и со вниманием ухаживали за ним братья, обеспечивая его всем необходимым для тела и нося его в церковь. Ибо он никогда не желал пропустить ни торжественных богослужений, ни причащения святых тайн, разве только недуг уж слишком ему досаждал. С такими стенаниями, с такими глубокими сердечными вздыханиями взывал он ко господу, что видевшие его едва удерживались от слез.

В то время монастырем ведал приор этого места, достопочтенный Эппо, муж, имевший великие заслуги пред Христом. Кузалиной же и церквами вагрской земли ведал Людольф, тот, говорю, который некогда в Любеке положил много труда, проповедуя христианскую веру. Заведование Кузалиной поручил ему епископ [Вицелин] до тех пор, пока сам не выздоровеет.

76

В один из дней герцог обратился к графу Адольфу, говоря: «Давно уже дошла до нас весть о том, что наш город Бардевик страдает от сильного уменьшения числа своих жителей из-за торго в Любеке, потому что все купцы туда

переселяются. Также те, кто находится в Люнебурге, жалуются, что солеварня наша погублена из-за той, которую вы устроили в Тодесло. Поэтому мы просим вас, отдайте нам половину города вашего Любека и половину солеварни, и тогда нам будет легче переносить опустение нашего города. В противном случае мы прикажем, чтобы с этих пор не было больше торгова в Любеке. Ибо мы не можем перенести, чтобы ради чужой выгоды мы должны были бы страдать от опустения наследия отцов наших».

Когда граф, считая такого рода соглашение для себя неосмотрительным, не согласился, герцог повелел, чтобы с этих пор не было больше торгова в Любеке, чтобы нельзя было покупать и продавать ничего, кроме того, что относится к пище. И приказал перенести все товары в Бардевик, желая поднять свой город. И еще в это время он велел засыпать соляные источники в Тодесло. И было это повелено, чтобы причинить обиду нашему графу и воспрепятствовать процветанию вагрской земли.

77. О ЕПИСКОПЕ ЭВЕРМОДЕ

Не следует, мне кажется, оставлять без внимания то, что когда господь расширил пределы церкви, епископом в Рацисбург был назначен Эвермод¹, священник из Магдебурга, и граф полабов, Генрих², отвел ему для поселения остров, расположенный возле замка. Кроме того, он передал герцогу 300 мансов для пожалования их в обеспечение епископства. Затем он признал за епископом право на десятины с владений, однако половину их взял себе в качестве бенефиция и стал, таким образом, вассалом епископа, исключая те 300 мансов, которые со всеми доходами и десятинами отошли к епископу. При совершении всех этих дел присутствовал Людольф, настоятель Кузалины. И сказал он графу [Генриху] в присутствии нашего графа Адольфа: «Если граф полабской земли начал оказывать милости своему епископу, то и нашему графу следует сделать не

1154

меньшей свою часть. Ибо с его стороны надо ожидать большего, как от человека образованного, понимающего в делах, угодных богу». Тогда наш граф, следуя примеру графа полабов, отдал из своего бенефиция 300 мансов, которые через герцога были переданы Альденбургскому епископству в обеспечение.

78. СМЕРТЬ ВИЦЕЛИНА

1154
дек. 12

После этого наш герцог отправился вместе с королем в Италию за императорской короной. В его отсутствие болезнь епископа Вицелина усилилась, и он закончил дни своей жизни. Скончался он во вторые иды декабря в лето от рождества Христова 1154-е, пробыв епископом 5 лет и 9 недель. Тело его было погребено в Фальдерской церкви, в присутствии епископа рацисбургского, совершившего богослужение. Память о добром отце хранилась как в Фальдере, так и в Кузалине. И попечителями было установлено, какую милостыню следует ежедневно подавать во спасение души его.

Был же в Кузалине один священник по имени Фольхард, ведавший столом. Он прибыл в Фальдеру в числе первых, вместе с Вицелином, и был весьма усердным в делах внешних. И вот он, будучи скупым сверх всякой необходимости, не стал подавать милостыню, установленную во спасение души доброго пастыря. Тогда достопочтенный епископ явился к одной женщине, жившей в округе Зигеберг, облаченный в священные одежды, и сказал ей: «Ступай к священнику Фольхарду и скажи, что он нечестно по отношению ко мне поступает, похищая у меня то, что во спасение души моей мне по благочестию братьев выделено». На что женщина спросила его: «Кто дал вам, о господин, жизнь и речь? Разве не разошлась повсюду весть, что вы в течение многих дней или лет были лишены языка, а потом умерли? Откуда же все это?» Успокаивая ее ласковым взглядом, он сказал ей на это: «Действительно так было, как ты говоришь, но теперь я получил все новое и лучшее. Объяви же

упомянутому священнику, чтобы он скорее восполнил похищенное, и еще прибавишь к этому, чтобы он девять служб по мне отслужил». Сказав это, он [Вицелин] исчез. Когда все это было объявлено священнику, он отправился в Фальдере посоветоваться о сказанном. Будучи спрошен, он признался в своей вине, как подобает мужу господню, и обещал исправиться. Что касается девяти служб, которые должны были быть отслужены по епископе, то нам и после того, как мы по-разному размышляли над ними, истина все-таки оставалась неизвестной, но конец дела легко раскрыл то, что скрыто было в словах [епископа]. Ибо этот священник прожил лишь девять недель после [смерти] епископа, и, таким образом, оказалось, что службами были предуказаны недели [его жизни].

Но долг заставляет меня вспомнить еще и о том, что святейший муж Эппо, пользовавшийся при жизни епископа за свое почтение к нему большим его расположением, неутешно оплакивал отсутствие усопшего отца. И когда уже много дней он так поступал, часто упоминаемый нами епископ явился во сне некой непорочной и простодушной девице, говоря: «Скажи брату нашему Эппо, доколе будет он плакать? Ибо мне хорошо, и я страдаю от его слез. Слезы его я ношу в одеждах моих». Сказал так и показал ей одежды ослепительной белизны, все залитые слезами.

Что мне сказать о том, весьма хорошо знакомом нам муже, чье имя скрою, ибо так было решено, поскольку он еще жив, пребывает в Фальдере и хочет остаться нераскрытым. Со смерти епископа не прошло еще и 30 дней, когда услышал однажды он во сне, как тот говорит, что ему уготован вечный покой вместе с преславным Бернардом из Клерво. И когда он ему сказал: «О, если бы вы были на покое», тот [епископ] ответил: «А я и нахожусь, благодарение богу, на покое, а вы поверили, что я умер. Я же жив, и всегда после этого жил».

Очевидно, приятным и необременительным будет для благочестивого читателя описание одного дела, которое

свершилось во славу господу и в заслугу епископу нашему и подтверждается сведениями многих людей.

В Фальдерском приходе, в деревне, называемой Горгене, жила одна почтенная женщина по имени Адельбургис, к которой епископ по причине праведного образа ее жизни был весьма расположен. Потом она лишилась зрения, и до-стопочтенный отец часто утешал ее, увещевая терпеливо переносить бич отеческой кары и не падать духом от тревоги, внушая ей со своей стороны, что глаза ее хранятся на небесах. Едва минул год после смерти епископа, как эта женщина увидела ночью во сне, что он сидит возле нее и с тревогой спрашивает о состоянии ее здоровья. «Что мне в здоровье,— сказала она ему,— если я, пребывая во мраке, и света не вижу? Где же, отче, твои утешения, когда ты говорил мне, что глаза мои хранятся на небесах? Я все влачу свою жизнь в этой беде, и старая моя слепота продолжается». «Не сомневайся в милости господу нашего»,— сказал он. И тотчас, протянув правую руку, он начертал на глазах ее святое знамение креста и благословил ее. Пробудившись утром, женщина почувствовала, что с мраком ночи с помощью божьей исчез и мрак слепоты. Тогда, вскочив с ложа, она упала на землю, издавая восклицания в порыве благодарности, и, отказавшись от услуг поводыря, направила шаги свои в церковь, являя всем знакомым и друзьям чудесное зрелище своего прозрения, а потом она собственными руками сделала покров на гробницу епископа в знак и в память о своем исцелении.

Много другого творил господь через посредство мужа этого, что заслуживает восхваления и достойно описания, но, однако, не записано в книге этой:

Да возгордится Фальдера великой епископа славой,
Доблесть в душе сохранит, прах же пусть скроет земля.

Вы же, которые восседаете на престоле церкви Любекской, чтите мужа этого, мужа, говорю я, которого в этом честном повествовании я вам представляю, в честном пото-

му, что правдивом. Вы не в силах будете совсем умолчать о нем, ибо он первый в вашем новом городе «поставил камень памятником и возлил елей на верх его»².

79. О ГЕРОЛЬДЕ, ЕПИСКОПЕ АЛЬДЕНБУРГСКОМ

После смерти епископа Вицелина братья из Фальдеры отказались, пренебрегая трудом, от подчинения Альденбургскому епископству и избрали себе в настоятели святого мужа Эппо. Выбор же епископа предоставили герцогу.

Был в это время один священник по имени Герольд¹, происхождением из Свевии, не низкого рода, капеллан герцога, в знании священного писания настолько преуспевший, что, кажется, никого не имел себе равного во всей Саксонии, обладавший великим духом в тшедушном теле, наставник школы в Брунsvике и священник этого же города, почитаемый государем за свою воздержанную жизнь. Ибо, отличаясь известной госпуду чистотой душевной, он был, помимо того, целомудрен и телом, намереваясь принять монашеский чин в месте, что называется Ридегесгузен², находившемся под началом аббата Конрада, с которым он был связан кровным родством³ и взаимной привязанностью. Таким образом, при дворе герцога он пребывал больше телом, чем духом. Когда дошел туда слух о кончине епископа Вицелина, герцогиня⁴ обратилась к священнику Герольду со следующими словами: «Если ты намереваешься служить госпуду суровостью своей жизни, возьми на себя труд полезный и выгодный, отправляйся в Слaвию и берись за дело, которому служил епископ Вицелин. Выполняя его, ты выдвинешь и себя и других. Доброе дело, совершенное для общей пользы, лучше других добрых дел». И герцогиня пригласила письмом Людольфа, настоятеля Кузалины, и отправила выбранного ею священника с ним в вагрскую землю для избрания в епископы. Выбор, сделанный герцогиней, встретил единодушное одобрение со стороны и духо-

венства и народа. Однако епископ⁹, который должен был посвятить избранника, находился тогда в отъезде. С самого начала недоброжелательный к герцогу, теперь он еще более «жалил его в пяту»⁶. Ибо в то время, пока герцог был занят походом в Италию, против него обратились епископские замки Штаден, Ворден, Гореборг и Фрибург.

В эти дни князья Восточной Саксонии и некоторые государи Баварии, готовясь образовать, как говорили, заговор, условились собраться для переговоров, и вызванный ими архиепископ встретился с ними в Богемском лесу⁷. Когда он после этого спешно возвращался к себе, люди герцога не позволили ему вернуться в его диоцез, и, таким образом устранившийся, он почти целый год прожил в Восточной Саксонии. И тогда, поднявшись, наш избранник отправился к нему в Саксонию и нашел того, кого искал, в Марциполисе, где тот уже готовился передать Альденбургское епископство другому лицу. Действительно, он решил наградить такой почестью одного священника, оказавшего ему услугу в этих краях, рассказывая ему много, хотя и попусту, о богатствах этого епископства. Когда архиепископ услышал о прибытии Герольда, он смутился духом и хотел было признать выборы недействительными, оправдываясь тем, что якобы эта церковь, еще молодая и лишенная до сих пор лиц, [имеющих право выбирать], не имела права без его согласия ни выбирать кого-либо, ни отрешать от сана. Но наши начали доказывать, что выборы действительны, так как произведены по требованию государя и с согласия духовенства, учитывая пригодность избираемого лица. Тогда архиепископ сказал: «Не время и не место разбирать здесь это дело, пусть его разберет Бременский капитул, когда я вернусь». Избранный [епископ], видя, что архиепископ настроен против него, отослал настоятеля Людольфа и всех, кто прибыл с ним, в Вагрию, сам же, подготовившись, отправился в Свевию, чтобы через посла известить герцога о своем положении. Герцог же приказал ему прибыть как можно скорее в Лангобардию, чтобы отправиться вместе в Рим. Когда,

повинуясь приказу, он покидал пределы Свевии, на него напали разбойники, отобрали у него деньги и нанесли тяжелую рану в лоб. Этим, однако, не остановленный, этот муж горячего нрава отправился все же в предпринятый путь и, прибыв в Тердону⁸, где находился королевский лагерь, был благосклонно принят герцогом и его друзьями. 1155
апр. 13

Затем король и все государи пошли на приступ Тердоны, и в течение многих дней она была ими осаждена. Взяв, наконец, город, король велел разрушить стены и сравнять его с землей. Когда войско ушло оттуда, герцог велел нашему епископу сопутствовать ему в Италию, чтобы он мог представить его папе.

Римляне послали послов в лагерь к королю, и те передали, что сенат и все жители города готовы принять его с триумфом, как только он выполнит все, что полагается императору по обычаю. Когда он спросил, что он должен выполнить, они сказали: «Королю, пришедшему в Рим, чтобы получить титул императора, надлежит прибыть по императорскому обычаю, т. е. в золотой колеснице, одетому в пурпур, ведя перед своей колесницей покоренных на войне королей и неся захваченную у народов добычу. Затем ему следует почтить город [Рим], который является столицей мира и матерью империи, и преподнести сенату то, что предписано эдиктами, а именно 15 тысяч фунтов серебра, чтобы вызвать таким способом в душах сенаторов расположение к себе, и тогда они воздадут ему триумфальные почести, и того, кто по выбору государей империи поставлен в короли, сенат возведет властью своей в императоры».

Тогда король, усмехаясь, сказал: «Обещание отрадное, но плата высокая. Слишком многого требуете, о мужи римские, от нашей опустошенной казны. Я же думаю, что вы просто ищете удобного случая против нас, назначая то, что назначать не следует. Вы поступите осторожнее, если, оставив это, примете от нас свидетельства лучше нашей дружбы, чем нашего оружия».

Но они упрямо стояли на своем, говоря, что законы го-

рода ни в коем случае не должны быть нарушены, но что следует поступить по обычаю сената. В противном случае, когда он придет, запоры города будут для него закрыты.

80. ПОСВЯЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ФРЕДЕРИКА

Услыхав это, король отправил посольство из высших и почтеннейших мужей, чтобы пригласить папу Адриана¹ в свой лагерь для участия в беседе, так как римляне во многих делах обижали папу. Когда папа прибыл в лагерь, король поспешил ему навстречу, придержал стремя, когда тот сходил с коня, и повел его под руку в палатку. Когда установилась тишина, слово от имени короля и государей произнес епископ бавембергский²: «Почтенного присутствия святейшества твоего, о епископ апостольский, мы уже давно жаждали и теперь с радостью его воспринимаем и возносим благодарность подателю всех благ, господу, который вывел нас [из наших мест] и привел сюда и удостоил святейшего твоего посещения. Мы хотим, чтобы тебе стало известно, высокочтимый отец, что вся эта церковь, ради чести государства собравшись со всех концов света, привела своего государя к твоему святейшеству, чтобы ты возвел его на вершину императорского достоинства, его, этого мужа, выдающегося по знатности своего рода, наделенного рассудительным умом, славного победами, кроме этого, имеющего власть во всем, что принадлежит господу, защитника истинной веры, приверженца мира и правды, почитателя святой церкви, и превыше всего святой Римской церкви, которую любит, как родную мать, не пренебрегающего ничем из того, что в честь господина и князя апостолов следует выполнять, как велят предания предков. Свидетельством этому служит проявленное им только что смирение. Ибо он спокойно встретил тебя, когда ты прибыл, и, приблизившись к твоим святейшим стопам, совершил то, что полагалось. Таким образом, тебе, святой отец, остается совершить по отношению к нему то, что надлежит, чтобы по

милости божьей твоим трудом было восполнено то, чего ему недостает для полноты императорского достоинства.

На что папа ответил: «Все, что ты говоришь, брат мой,—одни слова. Ты говоришь, что твой государь оказал св. Петру достойное уважение. Но св. Петр, кажется, скорее не удостоен [надлежащего] уважения, ибо, в то время как твой государь должен был придержать правое стремя, он придержал левое».

Когда все это было через толмача передано королю, тот смиренно промолвил: «Скажите ему, что это произошло не от недостатка почтительности, а от недостатка знаний. Ибо мне не очень много труда пришлось приложить на изучение того, как следует придерживать стремя. И, действительно, как я припоминаю, он первый, по отношению к которому я выказал такое смирение». Папа ответил: «Если он по незнанию не смог выполнить самого легкого, то как, полагаете вы, справится он с делом более важным?» Тогда король, немного уже раздраженный, сказал: «Я хотел бы узнать, откуда взял начало этот обычай, из расположения или по обязанности? Если из расположения, то папе нечего жаловаться, если нарушилась услужливость, ибо она не по обязанности возникает, а добровольно. Если же вы скажете, что такое уважение должно воздаваться князю апостолов по обязанности первоначального установления, то в чем тогда разница между правым и левым стремянем? Только бы было соблюдено смирение и государь склонился бы к стопам верховного первосвященника». И долго так и страстно они спорили и, наконец, расстались, не обменявшись даже лобзанием мира. Тогда те, которые, казалось, были столпами государства, боясь, что если дело не подвинется, то их труды пропадут даром, многими увещаниями склонили сердце короля к тому, чтобы он вторично пригласил папу в свой лагерь. И когда тот опять прибыл, король принял его, выполнив правильно все обряды. Когда все веселились и радовались по поводу их примирения, папа сказал: «Остается еще кое-что, что следует вы-

полнить вашему государю. Пусть он добудет для св. Петра Апулию, которой Вильгельм Сицилийский³ владеет силой. Когда он это сделает, пусть тогда приходит к нам для коронавания». Государь ответил: «Уже много времени прошло с тех пор, как мы находимся в лагерях, и нам недостает жалованья, а ты говоришь, чтобы мы тебе добыли Апулию и только после этого пришли бы на коронацию. Это — тяжело и превышает наши силы. Пусть лучше совершится коронация, чтобы нам можно было возвратиться домой, и мы тогда отдохнем немного от трудов. Когда же мы вернемся, готовые к бою, мы выполним то, что осталось сделать».

Направляемый господом, пред которым склоняются те, кто носит мир⁴, папа уступил и согласился на решение государей. И, придя к соглашению, они все сели совещаться, чтобы договориться о вступлении короля в город [Рим] и о принятии мер против нападения римлян.

В то время к папе прибыл наш герцог и просил его посвятить избранного в альденбургские епископы; папа со смирением отказался, говоря, что он охотно исполнил бы просимое, если бы мог это сделать, не причиняя обиды митрополиту⁵. Ибо епископ гамбургский предупредил папу письмом, прося его воздержаться от этого посвящения, которое было бы нарушением его [папы] достоинства.

Когда же они приблизились к Риму, король тайком послал ночью к дому св. Петра 900 панцирников вместе с легатами папы, которые принесли приказ страже и впустили солдат через заднюю дверь внутрь дома и замка. Когда наступило утро, король пришел со всем войском, и папа с многими кардиналами, выйдя вперед, принял его у подножья лестницы, и, войдя в дом св. Петра, они приступили к обряду коронации. Вооруженная стража стояла около храма и дома, охраняя короля все время, пока совершался обряд. Потом же, когда коронация была уже совершена, король вышел за стены города, а отягченная усталостью стража стала подкрепляться пищей. Пока она завтракала, латеранцы⁶, совершив вылазку, переправились через Тибр

1155
18 июня

и прежде всего вызвали суматоху в лагере герцога, расположенном под стенами. Войско с громкими криками выбежало из лагеря, чтобы помешать им. И произошла в тот день жаркая битва. Наш герцог сражался храбро во главе [своего войска]. Победенные римляне понесли большое поражение.

После этой победы возвеличилось имя герцога превыше имен всех, кто был в войске. Тогда папа, желая его почтить, послал ему дары и велел послу сказать: «Скажи ему, что завтра, если на то будет господня воля, я посвящу его избранника». И обрадовался герцог этому обещанию. Утром папа совершил торжественное богослужение и с великой славой посвятил нашего епископа.

81. О ПОВЕШЕНИИ ВЕРОНЦЕВ

Когда римляне снова вернули себе милость папы, войско императора направило свой путь домой и, покинув Италию, пришло в Лангобардию. Пройдя ее, оно направилось в Верону, где император с войском подвергся большой опасности.

Есть у веронцев такой закон, согласно которому они должны, когда император выходит из Лангобардии, наводить ему мост на кораблях на реке, которая называется Эдеса¹. Течение ее, весьма бурное, подобно течению горного потока, и никто не может перейти ее вброд.

И вот, как только войско [императора] перешло реку, мост был течением сорван. Торопясь дальше, войско приблизилось к ущелью, которое называется Ключа², где среди скал, подымающихся к самому небу, тянется дорога, до того узкая, что для двух одновременно идущих людей проход по ней едва доступен. Веронцы заняли вершину горы и, пуская оттуда стрелы, не давали никому пройти. И они потребовали у императора, чтобы он им что-нибудь дал за спасение свое и своих людей. Трудно поверить, в какое замешательство был приведен император, сжатый со всех

сторон рекой и горами. Войдя в свою палатку и сняв обувь, он стал молиться перед животворящим древом креста господня и, вдохновленный свыше, тотчас же обрел решение. Он велел позвать тех из Вероны, которые были при нем, и сказал им: «Укажите мне тайную дорогу, которая ведет на вершину горы, в противном случае я велю выколоть вам глаза». И они, испугавшись, указали ему тайный подъем на гору. И тотчас самые храбрые из войска поднялись на гору и, неожиданно напав на врагов с тыла, разбили их в битве и, захватив бывших среди них благородных, привели их к императору, который велел их повесить.

Устранив таким образом препятствие, войско продолжало свой путь.

82. СОГЛАШЕНИЕ ЕПИСКОПОВ ГАРТВИГА И ГЕРОЛЬДА

После этого наш епископ, получив разрешение от герцога, удалился в Свевию, где, с почетом принятый друзьями, пробыл несколько дней и возвратился в Саксонию. Затем, переправившись через Альбию, он прибыл в Вагрию и приступил к работе, на которую был назначен. Получив, наконец, епископство, он не нашел здесь никаких средств, которыми мог бы обеспечить себя хотя бы в течение месяца, так как церковь в Фальдере после смерти блаженной памяти епископа Вицелина, заботясь лишь о своих выгодах и покое, перешла в ведение Гамбургской церкви. А настоятель Людольф и братья монастыря в Гагересторпе считали, что вполне достаточно, если они будут оказывать гостеприимство епископу при его приездах и отъездах. И только одна церковь в Бузу усердно выплачивала средства на содержание епископа, хотя была еще бедна и не устроена. Посетив детей церкви своей и побеседовав с ними, епископ вернулся на Альбию, чтобы поговорить в Штадене с архиепископом. Когда архиепископ, обиженный его возвышением, долго его не принимал, а доступ к нему был труден, наш

епископ сказал аббату из Ридегесгузен и другим, пришедшим с ним: «Зачем находимся мы здесь, братья? Пойдем, посмотрим на лицо этого человека». И, ничего не боясь, он вошел к государю архиепископу и получил от него лобзание без единого слова приветствия. На что наш епископ сказал: «Почему вы не говорите со мной? В чем я согрешил, что недостойн стал приветствия? Если нужно, обратимся к посредникам, пусть они рассудят нас. Как вы знаете, я ходил в Марциполис, просил посвящения, но вы мне отказали. Тогда необходимость побудила меня отправиться в Рим, чтобы добиться в апостольской столице того, в чем мне было отказано вами. Справедливее было бы, если бы я гневался на вас, который принудил меня предпринять этот обременительный путь». Тогда архиепископ спросил: «Что за неотложное дело побудило вас идти в Рим, подвергать себя трудностям этого пути, вводить себя в расходы? Не то ли, что, находясь в отдаленном краю, я отложил выполнение вашей просьбы до того времени, когда вы предстанете пред лицом нашей церкви?» «Вы отложили его,— сказал наш епископ,— чтобы ослабить наше дело, и это, следует признать, вы весьма откровенно выразили в своих словах. Но слава господу, который, чтобы мы служили ему, довел нас до цели хотя и трудной, но приятной по последствиям».

Тогда архиепископ сказал: «Апостольская столица, посвящая вас, воспользовалась своей властью, против которой мы, конечно, бороться не можем, однако по праву посвящение принадлежало нам. Но она [церковь] придумала лекарство против этой обиды, уведолив нас письмом, что совершившееся ни в чем не ущемляет нашей власти в отношении вашего нам подчинения».

Епископ ответил: «Я знаю и не отрицаю, что все именно так, как вы говорите, и я ради того только и пришел, чтобы оказать вам то, что вам приличествует, и чтобы разногласия между нами были устранены и мир восстановлен. Я полагаю также справедливым, чтобы вы предусмотрели средст-

ва существования для нас, которые чувствуют себя вашими подчиненными. Ибо воителям полагается жалованье».

И, высказав все это, они установили между собой дружбу, обещая друг другу взаимную поддержку в случае необходимости.

1155
1 нояб-
ря

Уйдя оттуда, епископ наш Герольд отправился в Бремен, чтобы встретить герцога. Тот, обиженный фризами, которые называются рустры¹, прибыл в Бремен в ноябрьские календы и велел схватить всех, кто пришел на рынок, и отнять у них товары. Когда герцог спросил нашего епископа, как принял его архиепископ, тот отозвался о нем хорошо и старался смирить дух герцога в отношении архиепископа. Ибо старая вражда, которая уже давно существовала между ними, в это время обрела новый повод, чтобы усилиться, так как архиепископ оставил без внимания итальянский поход и, нарушив тем самым присягу, навлек на себя обвинение в оскорблении величества. Поэтому посол императора, придя в Бремен, занял все подворья архиепископа и все, что в них нашел, отдал в казну. Так же поступили и с Огельриком, епископом гальберштадтским. При возвращении герцога в Брунсвик наш епископ сопровождал ему и провел с ним праздник рождества Христова.

Совершив это, епископ в сопровождении брата своего, аббата из Ридегесгузен, вернулся в Вагрию и прибыл в Альденбург, чтобы отпраздновать день святого крещения в епископской столице. В то время город этот был совершенно пуст, не имел ни стен, ни жителей, [имел] только маленькую церковь, которую воздвиг блаженной памяти Вицелин. Здесь в суровый холод, среди снежных сугробов мы совершали богослужение. Среди прихожан, кроме Прибислава² и еще нескольких человек, никого из славян не было. Когда святое богослужение окончилось, Прибислав пригласил нас зайти в его дом, который находился в далеком селении. И он принял нас с большим радушием и устроил для нас роскошный пир. Стол перед нами был заставлен 20 блюдами. Здесь я на собственном опыте убедился в том, что до

тех пор знал лишь понаслышке, а именно, что в отношении гостеприимства нет другого народа, более достойного [уважения], чем славяне; принимать гостей они, как по уговору, готовы, так что нет необходимости просить у кого-нибудь гостеприимства. Ибо все, что они получают от земледелия, рыбной ловли или охоты, все это они предлагают в изобилии, и того они считают самым достойным, кто наиболее расточителен. Это стремление показать себя толкает многих из них на кражу и грабеж. Такого рода пороки считаются у них простительными и оправдываются гостеприимством. Следуя законам славянским, то, что ты ночью украдешь, завтра ты должен предложить гостям. Если же кто-нибудь, что случается весьма редко, будет замечен в том, что отказал чужеземцу в гостеприимстве, то дом его и достатки разрешается предать огню, и на это все единодушно соглашаются, считая, что кто не боится отказать гостю в хлебе, тот — бесчестный, презренный и заслуживающий общего посмешища человек.

83. ОБРАЩЕНИЕ ПРИБИСЛАВА

Пробыв у князя эту ночь и еще следующие день и ночь, мы отправились дальше по Славии в гости к одному могущественному человеку, имя которого было Тешемир, ибо он приглашал нас к себе. И случилось, что по дороге пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидали священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и с жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому

угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывалось в приюте.

Славяне питают к своим святыням такое уважение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны.

Клятву они с большой неохотой приносят, боясь навлечь на себя гнев богов, ибо клятва у славян равносильна ее нарушению.

У славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуно, имя которому Подага; у других божества населяют леса и рощи, как Прове, бог альденбургской земли,—они не имеют никаких идолов. Многих богов они вырезают с двумя, тремя и больше головами. Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они [другие боги], повинувшись ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов.

Когда мы пришли в эту рощу и в это место безбожия, епископ стал увещевать нас, чтобы мы смело приступали к уничтожению рощи. Сам же, сойдя с коня, сбил шестом лицевые украшения с ворот. И, войдя во дворик, мы разрушили всю его ограду и свалили ее в одну кучу вокруг священных деревьев, и, подкинув огонь, устроили костер из множества бревен, однако не без страха, как бы на нас не обрушилось возмущение жителей. Но господь покровительствовал нам. После этого мы направили путь к пригласившему нас в гости. Тешемир принял нас с большой роскошью. Однако напитки славян не доставляли нам ни услаждения, ни отрады, потому что мы видели цепи и разные виды мучений, которые они [славяне] причиняли хри-

стианам, выведенным из Дании. Мы увидели там также изнуренных длительным пребыванием в плену пастырей господних, которым епископ не мог помочь, ни силой, ни просьбой.

В ближайшее воскресенье весь народ этой земли собрался на рынок в Любеке, и епископ, придя сюда, обратился к народу со словами поощрения, чтобы, оставив идолов, он начал почитать единого бога, который на небесах, и приняв благодать крещения, отказался от злых дел, а именно от грабежей и убийства христиан. И когда он [епископ] закончил свою речь к народу, Прибислав сказал с согласия остальных: «Твои слова, достопочтенный епископ,— божьи слова и ведут нас к спасению нашему, но как вступим мы на этот путь, когда мы опутаны столь великим злом? Чтобы ты мог понять мучение наше, выслушай терпеливо слова мои, ибо народ, который ты здесь видишь, это — твой народ, и справедливо будет нам раскрыть пред тобой нужду нашу. И тогда ты сам посочувствуешь нам. Ибо государи наши так жестоко поступают с нами, что из-за платежей и тяжчайшей неволи смерть кажется нам лучше, чем жизнь. Вот в этом году мы, жители этого маленького уголка, уплатили тысячу марок герцогу, потом столько-то сотен марок графу, и этого еще мало, ежедневно нас надувают и обременяют вплоть до полного разграбления. Как приобщимся мы к новой вере, как будем строить церкви и примем крещение,— мы, перед которыми ежедневно возникает необходимость обращаться в бегство? Но если бы было такое место, куда мы могли бы убежать! Если мы перейдем Травну, там такое же несчастье, если пойдем на реку Пену, и там все так же. Что же остается другое, нежели, покинув землю, не уйти на море и жить там в пучинах. И разве наша вина, если мы, изгнанные с родины, возмутим море и отберем дорожные деньги у данов или купцов, которые плавают по морю? Разве это не будет вина государей, которые нас на это толкают?» На что епископ сказал: «Если князья наши до сих пор плохо обходились с вашим народом, то это не-

удивительно, ибо они полагают, что совершают не такой уж большой грех по отношению к язычникам и тем, кто живет без бога. Почему вы не прибегнете скорее к христианской религии и не подчинитесь творцу вашему, пред которым склоняются те, кто носит мир¹. Разве саксы и другие народы, которые носят имя христиан, не живут в покое, довольные своими узаконенными порядками? Только одни вы от всех терпите ограбление, так как от всех отличаетесь по религии». И сказал тогда Прибислав: «Если герцогу и тебе угодно, чтобы у нас с графом была одна и та же вера, пусть будут нам даны права саксов на владения и доходы, и мы с охотой станем христианами, построим церкви и будем платить свои десятины».

После этого наш епископ Герольд отправился к герцогу на местный сейм, который был назначен в Эртенебурге, и, будучи призваны, туда пришли также к указанному времени и славянские князья². Тогда, побуждаемый епископом, герцог обратился к славянам с речью о христианской вере. На что Никлот, князь³ бодричей, сказал: «Бог, который на небесах, пусть будет твой бог, а ты будь нашим богом, и нам этого достаточно. Ты его почитай, а мы тебя будем почитать». Герцог прервал его бранным словом.

Для обеспечения же епископства и церкви ничего больше в это время сделано не было, потому что наш герцог только что вернулся из Италии и был занят изысканием доходов. Ибо казна была истощена и пуста. Когда герцог вернулся в Брунсвик, епископ последовал за ним и прожил у него много дней. И сказал он герцогу: «Вот уже целый год я нахожусь при вашем дворе и обременяю вас, но если я отправлюсь в Вагрию, мне нечего там есть. Зачем же возложили вы на меня бремя этого звания и должности? Раньше мне было гораздо лучше, чем теперь». Побуждаемый этими словами, герцог призвал графа Адольфа и беседовал с ним насчет тех 300 мансов, которые были предназначены на обеспечение епископа. Тогда граф определил во владение епископа селения Утин и Гамалья с угодиями»

их и, кроме того, прибавил к владению, которое называется Бузу, еще две деревни — Готтесвельде и Вобицы. Довольно удобное владение, прилегающее к рынку, дал он ему также в Альденбурге. И сказал граф: «Пусть епископ идет в Вагрию и, призвав на помощь ревностных мужей, пусть велит вымерить все эти земли. Если не будет до 300 мансов хватать, я пополю, если же что сверх них останется, то это моим будет». И, прибыв на место, увидел епископ свои владения и, обследовав их с колонами⁴, нашел, что земли эти едва 100 мансов содержат. Так произошло потому, что граф велел измерить землю короткой веревкой, у нас неизвестной; а кроме того, веревкой были измерены также болота и леса. И, таким образом, у него вышло большее количество земли. Когда герцога известили об этом, он присудил дать епископу владения, отмерив их мерой, согласно с обычаем этой земли, причем болота и густой лес не должны были подлежать измерению. Много труда было положено на то, чтобы получить эти владения. Но до сегодняшнего дня ни через герцога, ни через епископа не удалось их добыть.

Те же владения, о которых я раньше упомянул⁵, епископ Герольд получил, ежедневно, — удобно это было или неудобно, — настаивая пред государями на том, что следует вновь раздуть в Вагрии искру епископского служения.

И выстроил он в Утине город и рынок и дом себе. И так как в Альденбургском епископстве не имелось никакой конгрегации духовных лиц, кроме той, которая была в Кузалине, иначе называемой Гагересторп, то с соизволения герцога он велел им переселиться в место первоначального их основания, Зигеберг, для того чтобы во время торжественных богослужений, когда епископу полагается выступать пред народом, он имел бы помощь со стороны духовенства. Настоятелю Людольфу и братьям это переселение казалось неудобным из-за шума на рынке, однако они подчинились решению старших, противиться которому было неуместно. И епископ построил там дом для них.

Уйдя отсюда, он отправился к архиепископу, которому оказывал большое повиновение, надеясь, что ему вернут монастырь в Фальдере, который, как известно, был основан его предшественником, и тот владел им. Но архиепископ, более расположенный к своей церкви, отвлек мужа нашего хитрыми уловками, обещая это сделать и вместе с тем придумывая задержки и оттягивая время.

И повелел он достопочтенному мужу, настоятелю Эппо, чтобы тот не отводил совсем руку свою от поддержки этой новой церкви, но пришел бы на помощь епископу как людьми, так и другими средствами.

Поэтому наш епископ пригласил к себе из Фальдере священника Бруно, ибо тот после смерти Вицелина ушел из Славии, и переправил его в Альденбург, чтобы он заботился о спасении этого народа, на какое дело тот без сомнения был поставлен побуждением свыше. А именно, он увидел во сне, что держит в руках сосуд со священным маслом, из крышки которого растет цветущая виноградная лоза, и она, укрепившись, выросла в сильное дерево. Это, без сомнения, привело его к решению.

И тотчас же после того, как [Герольд] прибыл в Альденбург, он приступил с великим рвением к делу господню и призвал народ славянский к благодати возрождения, вырубая рощи и уничтожая нечестивые обряды. И так как замок и город, где некогда находились церковь и епископская кафедра, были пусты, то он настоял перед графом, чтобы здесь была создана саксонская колония и, таким образом, священник мог бы иметь утешение в народе, язык и обычаи которого он знает. И эта большая помощь была новой церкви оказана, ибо была выстроена весьма красивая церковь в Альденбурге и щедро снабжена книгами и статуями и другими необходимыми вещами.

1156 И так на 90-м году после разрушения первой церкви, что произошло после убийства благочестивого князя Готшалка, вновь было восстановлено служение господу среди народа строптивного и развращенного. И епископ Герольд

освятил церковь в честь св. Иоанна крестителя, при чем присутствовали, проявляя свою преданность господу, благородный граф Адольф и его благочестивейшая супруга Мехтильда. И повелел граф народу славянскому, чтобы он приносил своих покойников для погребения во двор церкви и по праздникам сходился бы в церковь слушать слово божье.

А слово божье, согласно порученному ему посланничеству, излагал им пастырь божий Бруно, имея проповеди, составленные на славянском языке, которые произносил понятно для народа. И с этого времени славяне воздерживались приносить клятвы у деревьев, источников и камней, а застигнутых на каких-либо преступлениях приводили к своему священнику, чтобы тот испытывал их железом или лемехами⁶.

В эти дни славяне распяли на кресте одного дана. Когда Бруно известил об этом графа, тот призвал их к суду и наложил на них денежную пеню. И отменил этот вид смертной казни в своей земле.

И епископ Герольд, видя, что в Альденбурге заложена хорошая основа, уговорил графа, чтобы тот воздвиг церковь в области, которая называется Сусле. И послали сюда из дома фальдерского священника Деилава, душа которого жаждала трудов и опасностей в проповедовании евангелия. И, посланный сюда, пришел он в пещеру разбойников, к славянам, обитающим на реке Кремпина. А было здесь обычное логовище морских разбойников. И поселился этот священник среди них, служа господу «в голоде, жажде и нагоде»⁷.

Когда все это было так совершено, было признано удобным построить церковь и в Лютилинбурге и Ратеково⁸, и епископ с графом отправились туда и отметили знаками места для постройки церквей.

Таким образом, ширилось дело господне в земле ваггской, и в этом граф и епископ оказывали друг другу взаимную помощь. Около этого времени граф возвел снова замок

Плуню и построил там город и рынок. И ушли славяне, жившие в окрестных селениях, и пришли саксы и поселились здесь. Славяне же постепенно убывали в этой земле.

Но и в земле полабской благодаря настояниям епископа Эвермода и графа Генриха из Рацисбурга⁹ было воздвигнуто много церквей. Однако еще невозможно было удержать славян от грабежей, ибо они все время переплывали море и опустошали землю данов и не отступали еще от грехов отцов своих.

84. О СМЕРТИ КНУТА

Даны, всегда занятые своими внутренними войнами, не проявляли никакой способности к войнам внешним. Дело в том, что Свен, король данов¹, благодаря своим успехам в победах и волей императора утвержденный на престоле, обращался со своим народом весьма жестоко. Воздавая ему за это, господь покарал его, и последние дни его завершились несчастьем. Соперник же его, Кнут², слыша ропот народа против Свена, послал за Вальдемаром³, своим родственником и сподвижником Свена, и, призвав его, заключил с ним союз, отдав ему в жены свою сестру⁴. Заручившись его поддержкой, он возобновил свои дурные замыслы против Свена.

Итак, когда король Свен находился в Зеландии, туда неожиданно пришли с войском Кнут и Вальдемар, чтобы окончательно покорить его. Он же, покинутый всеми из-за своей жестокости и не имея сил для того, чтобы сражаться, бежал со своей женой и челядью к морю и переправился в Альденбург. Узнав об этом, а именно о том, что такой весьма могущественный муж, уздой которого управлялись все северные народы, так внезапно свергнут, граф Адольф испугался за последствия этого. И когда тот пожелал пройти через его землю, граф проявил к нему большую снисходительность, и он [Свен] отправился в Саксонию к своему тестю Конраду, маркграфу из Витин⁵, и жил там в течение почти двух лет.

В то время наш герцог Генрих прибыл на сейм в Ра- 1156
тисбону⁶ для принятия вновь Баварского герцогства. Ибо 15 сент.
император Фредерик отнял это герцогство у своего дяди
и вернул нашему герцогу, так как и во время италянского
похода и в государственных делах его верность заметил.
И было для него новое имя создано, а именно — Генрих
Лев, герцог Баварии и Саксонии. Когда дела так по его
желанию совершились и герцог возвращался с сейма, при-
ступили к нему князья саксонские, осаждая его просьбами,
чтобы он оказал помощь Свену и вернул ему его государ-
ство. И за это Свен обещал герцогу громадные деньги.
Тогда, собрав большое войско, зимой привел наш герцог
Свена обратно в Данию, и тотчас же города Шлезвиг и
Рипа открылись пред ним.

Однако дальше они не смогли уж преуспеть в своем
намерении. Дело в том, что Свен весьма часто похвалялся
перед герцогом, что когда он придет с войском, то даны
примут его добровольно. Но эти слова его не сбылись. Ибо
во всей данской земле не оказалось никого, кто бы принял
его или поспешил ему навстречу. Чувствуя, что судьба по-
вернулась против него и все его избегают, он сказал гер-
цогу: «Напрасен наш труд, лучше будет нам вернуться.
Ибо какая польза от того, что мы опустошим землю и огра-
бим невинных? Если бы мы хотели вступить в бой с непри-
ятелем, то негде это сделать, ибо они бегут от нас и уходят
в открытое море». И, взяв заложников от двух городов, они
ушли из Дании. Тогда Свен, воспользовавшись другой до-
рогой и другим советом, решил переправиться к славянам
и, найдя пристанище у графа в Любеке, затем отправился
к Никлоту, князю бодричей. Герцог же повелел славянам
в Альденбурге и во всей земле бодричей помогать Свену.
И, взяв небольшое количество кораблей, он мирно пришел
в Лаланд⁷ и нашел здесь [жителей], обрадованных его
приездом, так как они издавна были ему преданы. Отсюда
он перебрался в Феонию⁸ и присоединил ее к себе. Двига-
ясь отсюда вперед по остальным маленьким островам,

подарками и обещаниями он весьма многие из них подчинил себе, остерегаясь засад и укрываясь в укрепленных местах. Узнав об этом, Кнут и Вальдемар пришли с войском, чтобы одолеть Свена и изгнать его из страны. Он же расположился в Лаланде, готовый к сопротивлению, поддерживаемый, кроме того, еще укрепленностью этого места. При посредничестве Гелия, епископа Рипы⁹, и государей обеих сторон раздоры стихли, и государство было разделено на три части. Вальдемару досталась Ютландия, Кнуту — Зеландия, Свену — Скония, которая, как считалось, превосходила другие [части] своими мужами и оружием. Остальные, меньшие, острова были разделены между всеми, как кому было удобно. И, чтобы соглашение не нарушалось, они все принесли присягу.

После этого Кнут и Вальдемар устроили великолепный пир в Зеландии, в городе, который называется Роскильд¹⁰, и пригласили своего родственника, Свена, чтобы оказать ему честь, а также, чтобы подкрепить и успокоить его после всего того зла, которое причинили ему в дни вражды и войны. Он же, сидя на пиру и видя, что короли беспечно пируют и далеки от всякого подозрения, начал по причине врожденной коварности своей раздумывать, какое место было бы удобно для засады. На третий день пиршества, когда уж спустился ночной мрак, по знаку Свена, были принесены мечи, и [люди его] набросились на беспечных королей и неожиданно закололи Кнута. Когда убийца направил удар в голову Вальдемара, тот, быстро вскочив, сбросил светильник и, благодарение богу, ускользнул в темноте, получив одну только рану. Бежав в Ютландию, он привел в движение всю Данию. Тогда Свен объединил войска Зеландии и морских островов и переправился в Ютландию, чтобы покорить Вальдемара. А тот, выведя войско, вышел навстречу ему с большими силами, и недалеко от Виберга началась битва. И был убит в тот день Свен, и все окт. 23 мужи его тоже, а Вальдемар получил королевство Данское и стал правителем мира и сыном мира. И прекратились

внутренние войны, от которых много лет страдала Дания. И заключил Вальдемар союз с графом Адольфом и почитал его, согласно тому, как делали это бывшие до него короли.

85. О ПОСТРОЙКЕ ЛЕВЕНШТАДА

В те дни город Любек был уничтожен пожаром. И послали купцы и другие жители этого города к герцогу¹, говоря: «Уже много времени прошло с тех пор, как в силу вашего распоряжения рынок в Любеке закрылся. Мы же до сих пор оставались в городе этом, надеясь на то, что рынок будет вновь открыт по благосклонности милости вашей, да и наши дома, с большими затратами выстроенные, не давали нам уйти. Теперь же, когда дома погибли, напрасно вновь строиться в месте, где не разрешено быть рынку. Укажи же нам место, чтобы мы могли построить город там, где тебе будет угодно». Тогда герцог попросил графа Адольфа, чтобы он уступил ему гавань и остров Любек. Но тот не захотел этого сделать. Тогда герцог заложил новый город на реке Вокнице в земле Рацисбург, недалеко от Любека, и начал строить его и укреплять. И назвал он этот город по своему имени Левенштад, что означает город Льва. Но так как это место было мало удобно для гавани и для крепости и заходить в него могли только небольшие корабли, герцог вторично начал уговаривать графа Адольфа согласиться на отдачу Любекского острова и гавани, обещая ему многое, если он повинется его воле. Тогда, изменив свое решение, граф исполнил то, чего требовала необходимость, и отдал ему замок и остров. И тотчас по приказу герцога вернулись сюда с радостью купцы, покинув неудобный новый город, и начали отстраивать церкви и стены города. И отправил герцог послов в города и северные государства — Данию, Швецию, Норвегию и Русь, — предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку. И установил здесь моне-

ту и пошлину и самые почетные городские права. И преуспевал с этого времени город во всех делах своих и умножалось число его жителей.

86. ОСАДА МЕДИОЛАНА

1159 Приблизительно в эти же дни созвал могущественный император Фредерик всех саксонских князей на осаду города Медиолана¹. Надо было и нашему герцогу торжественно принять участие в этом общественном деле. Поэтому он начал улаживать раздоры внутри герцогства, разумно принимая меры предосторожности к тому, чтобы в отсутствие князей и других знатных никаких мятежей не возникло. И, разослав послов, призвал короля данского, Вальдемара, к себе на переговоры и заключил с ним союз.

Король же просил герцога помочь ему установить мир со славянами, которые непрерывно опустошали его государство, и договорился с ним об этом более чем за тысячу марок серебра. Поэтому герцог велел славянам, а именно Никлоту и другим, явиться к нему и обязал их приказом и присягой соблюдать мир как с данами, так и с саксами вплоть до его возвращения. И чтобы это соглашение осуществлялось, он повелел привести в Любек все разбойничьи корабли славянские и представить его послу. Они же по причине обычной своей безрассудной отваги, а также из-за близости итальянского похода, представили лишь небольшое количество кораблей, и притом самых старых, ловко утаив все остальные, годные для войны. Тогда граф при посредничестве старейших земли вагрской, а именно Маркрада и Горна, встретился с Никлотом и благосклонно потребовал от него, чтобы он доказал на деле свою нерушимую верность земле, что тот добросовестно и выполнил.

1159 Устроив, таким образом, дела, герцог отправился, как говорят, с тысячью панцирников в Лангобардию, имея в своей свите графа Адольфа и много знатных из Баварии

и Саксонии. И пришли они в королевское войско, которое осаждало крепость, что называется Крумне, принадлежащую Медиолану и сильно укрепленную. И почти целый год занимались они осадой этой крепости и изготовили много машин и огнеметателей. Взяв, наконец, крепость², император повернул войско на Медиолан, а герцог, получив на это разрешение, возвратился в Саксонию.

Граф же Адольф, будучи приглашен в Англию, отправился туда вместе со своим родственником Рейнольдом, епископом колонским³, исполнявшим обязанности посла при короле Англии. И как все духовенство, так и весь народ земли нашей были огорчены таким долгим отсутствием доброго покровителя. Ибо славяне из Альденбурга и Микилинбурга, предоставленные самим себе в отсутствие государей, преступили мир в стране данской, и наша земля была охвачена трепетом пред лицом короля Дании. Наш епископ Герольд, то сам лично, то через послов старался смягчить гнев короля и сохранить перемирие до прибытия герцога и князей. По возвращении же герцога и графа в месте, называемом Беренфорде, был созван провинциальный сейм всех маркоманов — как тевтонцев, так и славян⁴. Король же данский, Вальдемар, пришел прямо в Эртенебург и принес жалобу герцогу на все то зло, которое причинили ему славяне, нарушив общественный договор [между ним и герцогом]. Славяне, сознавая свою вину, побоялись явиться к герцогу. Герцог присудил их к изгнанию и велел всем своим быть готовыми к походу во время жатвы. Тогда Никлот, видя, что герцог на него разгневался, задумал первым вторгнуться в Любек и послал туда своих сыновей⁵ в засаду.

А в то время жил в Любеке некий достопочтенный священник по имени Атело. Дом его стоял по соседству с мостом, который вел через реку Вокницу на юг. И велел он выкопать широкий ров, чтобы отвести в него реку, которая была весьма полноводной. Войско славянское, торопясь захватить мост, было задержано рвом и допу-

стило ошибку, начав искать переход. Увидев это, те, кто был в доме священника, закричали громким голосом, и испуганный священник быстро выбежал навстречу. Войско уже находилось на середине моста и почти захватило ворота, но спешно ниспосланный господом священник освободил мост от цепей, и таким способом тайком подготовленная опасность была устранена. Услыхав об этом, герцог поставил туда стражу из воинов.

87. УБИЙСТВО НИКЛОТА

После этого герцог Генрих вторгся в землю славян с большим войском и опустошил ее огнем и мечом. Никлот, видя храбрость герцога, сжег все свои крепости, а именно Илово¹, Микилинбург, Зверин² и Добин, принимая меры предосторожности против грозящей осады. Одну только крепость оставил он себе, а именно Вурле, расположенную на реке Варне, возле земли хижан. Отсюда они [славяне] ежедневно выходили и устраивали слежку за войском герцога и из своих засад убивали неосторожных.

В один из дней, когда войско [герцога] стояло под Микилинбургом, отправились сыновья Никлота, Прибислав и Вартислав, чтобы причинить вред, и убили несколько человек из лагеря, вышедших за кормом [для коней]. Храбрейшие из войска преследовали их и многих из них схватили, и герцог велел их повесить. Сыновья же Никлота, оставив коней и знатнейших мужей, пришли к отцу. Он сказал им: «Я полагал, что воспитал мужей, а они трусливее, чем женщины. Так лучше я пойду сам и попробую, не смогу ли я случайно больше преуспеть». И он отправился с некоторым числом избранных людей и устроил засады в потаенных местах, неподалеку от войска. И вот вышли отроки из лагеря на поиски корма для коней и подошли близко к засадам. Затем пришли солдаты вперемешку со слугами числом около 60, все в панцирях, спрятанных под одеждой. Не заметив этого, Никлот на

самом быстром коне появился между ними, пытаясь кого-нибудь из них пронзить копьем, но копье прошло до панциря и, нанеся безопасный удар, отскочило. Он хотел вернуться к своим, но, внезапно окруженный, был убит³, и никто из его сподвижников не оказал ему помощи. Голова его была опознана и доставлена в лагерь, к немалому удивлению многих, как это такой муж, по попущенью божьему, единственный из всех своих погиб. Тогда сыновья его, услышав о смерти отца, сожгли Вурле и скрылись в лесах, посадив семьи свои на корабли.

Опустошив всю страну, герцог начал отстраивать Зверин и укреплять замок. И поставил он туда некоего благородного и воинственного мужа Гунцелина⁴ с войском. После этого он вернул милость свою сыновьям Никлота и отдал им Вурле и всю землю. А потом разделил землю бодричей и роздал во владение своим рыцарям. А в замке Куцине герцог поставил некоего Людольфа, фогта⁵ из Брунсвика. В Миликове⁶ повелел он быть Людольфу из Пайна⁷; Зверин и Илинбург поручил Гунцелину; Микилинбург отдал он Генриху, некоему благородному мужу из Скатен⁸, который приехал из Фландрии множество народа, и поселил их в Микилинбурге и во всех окрестностях его. Епископом в земле бодричей герцог поставил Берно⁹, который после смерти Эммегарда возглавлял Магнополитанскую церковь. Магнополис же — это то же самое, что Микилинбург. И пожаловал герцог в дар Микилинбургской церкви 300 мансов, как раньше сделал это для церкви Рацисбургской и Альденбургской.

Обратившись с просьбой к императору, он получил от него власть основывать, одарять пожалованиями и утверждать епископства во всей славянской земле, которую сам или его предки подчинили себе щитом своим по праву войны. Вследствие этого он призвал к себе Герольда, епископа альденбургского, Эвермода, епископа рацисбургского, и Берно, епископа микилинбургского, чтобы они приняли от него свои должности и присоединились к нему,

принося присягу в вассальстве, как обычай требует поступать по отношению к императору. Хотя они считали это распоряжение весьма тяжелым для себя, однако, уступили ради того, кто потерпел унижение ради нас, и чтобы молодая церковь не понесла ущерба. И пожаловал им герцог привилегии на владения и на поборы, и на суд. А славянам; которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан, герцог повелел, чтобы они платили поборы епископу, как их платят у полонов и поморян, то есть с плуга по 3 модия ржи и по 12 денаров местной монеты. Модий же у славян называется на их языке корец¹⁰. Славянский же плуг означает двух волов и столько же лошадей¹¹. И увеличились десятины в земле славянской, потому что стеклись сюда из своих земель тевтонцы, чтобы населить землю эту, просторную, богатую хлебом, удобную по обилию пастбищ, изобилующую рыбой и мясом и всеми благами.

88. ОБ АЛЬБЕРТЕ МЕДВЕДЕ

В то время восточную часть Славии держал маркграф Адальберт, по прозвищу Медведь, который по милости к нему божьей сильно преуспевал в увеличении владений своих. Ибо он поработил всю землю брежан, стодорян и многих других народов, обитающих на Гаволе и Альбии, и усмирил имевшихся среди них мятежников. Наконец, когда славяне мало-помалу стали убывать, он послал в Траектум и в края по Рейну, а потом к тем, кто живет у океана и страдает от суровости моря, а именно, к голландцам, зеландцам и фландрийцам, и вывел из всех этих стран весьма много народа и поселил их в славянских городах и селениях. И весьма окрепли от прихода этих поселенцев епископства Бранденбургское и Гавельбургское, так как увеличилось количество церквей и выросли сильно десятины.

Но и южный берег Альбии в это время стали населять переселенцы из Голландии, а именно, всю эту, начиная от города Сольтведеле, болотистую и равнинную страну, что называется Бальземерланд и Марсцинерланд¹. Многими городами и селениями вплоть до Богемских гор² завладели голландцы. Некогда, а именно во времена Оттонов, эти земли, как говорят, были заселены саксами, что можно видеть по древним валам, насыпанным на берегах Альбии в болотистой земле бальзамов, но впоследствии, когда славяне одержали верх над ними, саксы были перебиты, а землей их вплоть до наших дней владели славяне. Теперь же, когда бог одарил герцога нашего и других государей счастьем и победой, славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли выведенные от пределов океана народы сильные и бесчисленные и получили славянские земли, и построили города и церкви, и разбогатели сверх всякой меры.

89. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АЛЬДЕНБУРГСКОГО ЕПИСКОПСТВА

Около этого времени епископ Герольд попросил герцога перенести епископскую столицу, издревле находившуюся в Альденбурге, в Любек, ибо город этот был более населен, место было лучше укреплено и вообще во всех отношениях было удобнее. Это пришлось по душе герцогу, и они назначили день, когда должны были встретиться в Любеке, чтобы устроить дела церкви и епископства. И герцог указал место, где должен был быть заложен храм митрополита и монастырские подворья. И были установлены приходы для 12 священников, живущих по каноническому праву, и 13-й для настоятеля. И отдал епископ на содержание братьев некоторые десятины и столько от поборов, которые платила ему Славия, сколько было достаточно для устройства приходов. Граф же Адольф уступил удобные деревни под Любеком, которые герцог тот-

час же отдал в пользование братьям, и еще дал каждому из братьев по 2 марки любекской монеты от пошлин, сверх всего другого, что записано в привилегиях и хранится в Любекской церкви. И поставили сюда настоятелем Этело, о котором с похвалой упомянуто выше¹.

90. РАСКОЛ МЕЖДУ [ПАПАМИ] АЛЕКСАНДРОМ И ВИКТОРОМ

1159
1 сент.

В течение тех дней умер папа Адриан, и начался раскол в церкви господней между Александром, он же Роланд¹, и Виктором, он же Октавиан². И когда император осаждал Медиолан, Виктор прибыл к нему в лагерь, находившийся в Папии³, и был им принят. И, собравшись на сейм, приняли его и Рейнольд, епископ колонский, и Конрад, епископ могонтский⁴, и все, которых побуждали или страх перед императором, или его расположение. Александра же приняли Иерусалимская и Антиохийская церкви; кроме того, вся Франция, Англия, Испания, Дания и все государства, которые существуют повсюду на земле. Сверх того, примкнул к нему весь цистерцианский орден, в котором состоят архиепископы, весьма много епископов, свыше 700 аббатов и не поддающееся подсчету число монахов. Они ежегодно устраивают свои соборы в Цистерциуме⁵ и выносят полезные постановления. Их непоколебимое решение бесспорно придало силы Александру. Разгневанный этим, император обнародовал указ, гласивший, что все монахи цистерцианского ордена, которые имеются в его империи, или должны признать Виктора, или будут изгнаны из государства. Трудно описать, сколько [святых] отцов, какие толпы монахов, оставив места своих поселений, перешли во Францию. Многие епископы, известные своей святостью, насильем государя были согнаны со своих кафедр в Лангобардии и во всем государстве, а на их места были поставлены другие.

По прошествии пяти или больше лет осады, император занял Медиолан, выселил из него его жителей, разрушил все его высокие башни, сравнял стены города с землей и обратил его в пустыню. Тогда возвысилось сердце его, и все государства на земле устрашились славы имени его. И послал он к королю Франции, Людовику⁶, чтобы тот поспешил в Лаону⁷, которая находится в земле бургундов на реке Араре⁸, на собеседование с ним по поводу восстановления единства церкви. И король Франции согласился. Кроме этого, он отправил послов к королю Дании⁹, и к королю Богемии¹⁰, и к королю Венгрии¹¹, чтобы они прибыли в назначенный день, а также повелел торжественно явиться всем архиепископам, епископам и всем могущественным мужам государства своего и всем монахам. Как все ожидали этого блестящего сейма, на котором, как рассказывалось, должны были собраться оба папы и столько королей со всей земли. Тогда и Вальдемар с епископами Дании, архиепископ Гартвиг, епископ Герольд и граф Адольф со многими благородными мужами Саксонии отправились в назначенное для собеседования место. Герцог же, находившийся в Баварии, прибыл по другой дороге. А Людовик, король Франции, прибытия которого особенно ожидали, узнав, что император приближается с войском и с большими военными силами, поколебался выйти ему навстречу. Но, верный присяге, он все-таки прибыл в назначенное место и время, то есть в день усекновения главы Иоанна Крестителя, и находился на середине моста с 3 часов до 9, а император все еще не приходил. Приняв это за счастливое предзнаменование, король Франции омыл руки свои в реке в знак того, что он обещание выполнил, и, уйдя отсюда, прибыл еще в тот же вечер в Дивиюну¹². Ночью пришел император и, узнав, что король Франции удалился, послал самых благородных мужей к нему вновь пригласить его. Но тот никоим образом не мог этого сделать, радуясь тому, что и верность сумел соблюсти и от подозрительной руки императора уйти. Ибо

1162
26 марта1162
авг. 29

многие говорили, что император хотел его обойти и для этого наперекор соглашению пришел вооруженный. Но хитрость была обманута хитростью же. Ибо французы, будучи разумом выше, то, что считали невозможным добыть при помощи оружия или силы, добывали умом. Тогда, сильно разгневанный, император удалился с сейма, угрожая французам войной. Папа Александр с этого времени еще более укрепился. Герцог Генрих ушел в Баварию и, устроив там дела, возвратился в Саксонию.

91. О ДЕСЯТИНЕ ГОЛЬЗАТОВ

И был тогда мир по всей Славии, и крепости, которыми по праву войны герцог владел в земле бодричей, начали заселяться пришельцами, вступившими в эту страну, чтобы владеть ею. Правителем этой земли был Гунцелин, муж храбрый и друг герцога. Генрих, граф из Рацисбурга, что находится в земле полабов, вывел множество народа из Вестфалии, чтобы они заселили землю полабов, и разделил ее между ними, вымерив веревкой. И они построили церкви и заплатили десятины от плодов своих во славу дома господня. И насаждено было дело божье в земле полабов во времена Генриха¹, а во времена сына его, Бернгарда, оно весьма широко разрослось.

Мужи же гользатские, которые после изгнания славян заселили вагрскую землю, усердные в постройке церквей и ревностные в гостеприимстве, проявляли непокорность при законной, производившейся по божественному предписанию выплате десятин. Они платили по шесть маленьких мер с плуга, что, как они говорили, было им разрешено с целью облегчения, когда они еще находились в своей родной земле, ввиду военного времени и соседства язычников.

Земля же, откуда вышли гользаты, принадлежит Гамбургскому диоцезу и расположена близко от вагрской земли. Епископ Герольд, видя, что полабы и бодричи, находившиеся в середине пылающей печи, выплачивали, одна-

ко, свои установленные законом десятины, решил взыскать такие же и со своих [прихожан]. Известив о своем решении графа Адольфа, он попытался склонить на свою сторону непокорные души гользатов при помощи письма со словами увещания. И отправил церкви в Борнговеде, иначе называемой Свентинфельд, где жили старейшина земли, второе лицо после графа, Маркрад, и остальная знать гользатская, послание такого рода: «Герольд, божьей милостью епископ Любекской церкви, шлет приветствие всем прихожанам, принадлежащим к церкви в Бурнговеде, и выражает им должное расположение. Так как волей божьей мне доверено управление церковью и по божественному определению я эту обязанность выполняю у вас, то мне необходимо попытаться привести вас от хорошего к самому лучшему и постараться отвлечь вас всеми силами от того, что противоречит спасению душ ваших. Поэтому я приношу благодарность господу за то, что у вас заметны признаки многих добродетелей, а именно, что вы соблюдаете гостеприимство и совершаете и другие дела милосердия ради господина нашего, что слову божьему вы более всех преданы и в постройке церковей более всех усердны, а что до нравов, то, как это угодно господу, вы ведете целомудренную жизнь. Однако все это, вами соблюдаемое, ничего не стоит, если вы остальными предписаниями будете пренебрегать, ибо, как сказано: «Кто... согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем»². Ибо заповедано господом: десятины со всего дашь мне, и благо тебе да будет, и долголетен да будешь. И этому повиновались патриархи, а именно Авраам, Исаак и Иаков, и все, кто по вере стали сыновьями Авраама, за что славу и вечную награду обрели. Апостолы же и мужи апостольские то же самое со слов божьих поручили и под страхом проклятия передали потомству для исполнения. И так как, без сомнения, это является заповедью всемогущего бога и властью святых отцов утверждено, то на нас ложится обязанность, чтобы то, чего для вашего спасения недостает, нашими

трудами по милости божьей было у вас восполнено. Увещеваем вас и убедительно просим во имя господа, чтобы вы добровольно, как сыновья, утешили бы меня, которому поручена отеческая забота о вас, своим повиновением и дали бы церкви десятины,— как установил господь и под страхом проклятья апостольская власть утвердила,— на распространение служения господу и на попечение о бедняках, чтобы вы не отнимали у господа причитающееся ему и не обрекали таким образом свое достояние и души на вечную погибель. Прощайте».

Услышав это, мятежный народ возроптал и стал говорить, что никогда не подставит своей шеи таким унижительным требованиям, в силу которых почти весь христианский народ подвергается угнетению со стороны епископов. К этому они еще добавляли, не очень сильно отступая от истины, что почти все десятины уходят на излишества светских людей. Поэтому епископ довел все эти речи до сведения герцога. И тот повелел всем гользатам земли вагрской, что если они хотят сохранить его милость, то пусть платят епископу десятины, как это делается в землях полабской и бодрицкой, которые еще недавно только заселены и большим страхом перед войной побуждаются.

В ответ на это повеление упрямые духом гользаты сказали, что никогда не будут платить десятин, которых отцы их не платили, что предпочитают лучше поджечь собственные дома и уйти из этой земли, чем подчиниться игу такого рабства. И задумали они убить епископа с графом и со всеми пришельцами, которые платили десятины по закону, и, предав все в земле своей огню, бежать в землю данов. Но выполнению этих превратных вещей помешало возобновление договора между нашим герцогом и королем данским. Ибо было постановлено, чтобы никто из них переезжика от другого к себе не принимал. Поэтому гользаты, вынуждаемые необходимостью, в присутствии герцога заключили такое соглашение с епископом, что они увеличат десятины и будут платить по 6 модиев ржи и по

8 модиев овса с манса, тех, говорю, модиев, которые в просторечье называются hemmete³. И чтобы им не пришлось страдать из-за новых поборов при последующих епископах, они просили скрепить их договор печатями герцога и епископа. Но когда, по обычаю двора, писцы потребовали за это марку золота, неотесанный этот народ разошелся, и дело осталось в прежнем положении. Большой помехой в этом деле, которое должно было принести великие выгоды церкви, послужили как скорая кончина епископа, так и угроза ужасной военной бури.

92. ПЛЕНЕНИЕ ВАРТИСЛАВА

Сыновья Никлота, Прибислав и Вартислав, не удовлетвовавшись землей хижан и черезпенян, стремились «снизать себе землю бодричей, которую герцог отнял у них по праву войны. Узнав об их кознях, Гунцелин из Зверина, правитель бодрицкой земли, объявил об этом герцогу. И тот опять вознегодовал на них и разгневался и в зимнюю пору пришел с большим войском в славянскую землю. Они же засели в городе Вурле и укрепили замок против осады. И герцог послал вперед Гунцелина с храбрейшими мужами, чтобы они скорее начали осаду, опасаясь, как бы славяне не ускользнули случайно. Сам же он как можно скорее последовал за ними с остальным войском. И они осадили крепость, где были Вартислав, сын Никлота, и много благородных мужей и, кроме того, великое множество простого народа. Старший же по рождению, Прибислав, с некоторым числом конников скрылся в лесах, чтобы из засады убивать неосторожных. 1163

И радовался герцог, потому что славяне, укрепившись духом, выжидали его в крепости и ему представлялась возможность их покорить. И сказал он младшим в своем войске, которые, побуждаемые неразумной жадной сражений, подзадоривали врага и вступали с ним в бой: «Зачем, когда это совершенно излишне, вы приближаетесь к воро-

там города и сами создаете опасность для себя? Такого рода стычки не приносят пользы и грозят гибелью. Лучше оставайтесь в шатрах своих, где вас не могут достать стрелы неприятеля, и имейте надзор за осажденными, чтобы кто-нибудь из них не ускользнул. Нашим же делом будет без шума и жертв овладеть по милости божьей этим городом».

И тотчас же он велел доставить из лесной чащи деревья и готовить военные машины, такие, какие он видел в Кримме¹ и Медиолане. И он изготовил весьма сильно действующие машины, одну, сколоченную из досок, для того, чтобы разбивать стены, другую, более высокую, воздвигнутую наподобие башни и возвышавшуюся над замком, для того, чтобы направлять стрелы и прогонять тех, кто стоял на валах. И с того дня, когда была выстроена эта машина, никто из славян не осмеливался высунуть голову или показаться на валах.

В это время стрелой был тяжело ранен Вартислав.

В один из дней герцогу донесли, что Прибислав с множеством конников оказался неподалеку от лагеря. Тот отправил на поиски его графа Адольфа с отрядом избранных юношей, но они, весь день скитаясь по болотам и лесам, никого не обнаружили, обманутые проводником, который проявлял большее расположение к неприятелю, нежели к нашим. И тогда герцог приказал отрокам, добывающим корм² для лошадей, никуда в этот день не выходить, чтобы не попасть в засаду к неприятелю. Однако несколько гользатов, будучи народом упрямым, не обратили внимания на приказ и вышли за кормом. И Прибислав неожиданно приблизился и, напав на неосторожных, около сотни их уничтожил; остальные же убежали в лагерь. Тогда герцог, сильно этим разгневанный, усилил осаду, и уже укрепления замка заколебались, угрожая упасть и разрушиться вследствие подкопов.

Тогда Вартислав, потеряв надежду на лучшее и получив право свободного прохода, пришел в лагерь к графу Адоль-

фу, чтобы получить у него совет. Граф ответил ему: «Поздно обращаться за лекарством, когда больной безнадежен. Опасности, сейчас угрожающие, раньше должны были быть предвидены. Кто, спрашиваю, дал тебе совет, чтобы ты подвергался опасности осады? Большим безумием было вкладывать ногу в оковы, когда не было еще убежища и никак не был подготовлен побег. Теперь тебе ничего другого не остается, как сдаться. Если что и может послужить путем к спасению, так это, я вижу, только сдача». И сказал Вартислав: «Замолви за нас слово у герцога, чтобы мы были допущены к сдаче без опасности для жизни и без вредительства членов». Тогда граф отправился к герцогу и, обратившись к тем, от кого зависело решение, объяснил им все дело. И те, узнав волю государя, дали обещание, что если бы кто-нибудь из славян отдался во власть герцога, ему будут сохранены жизнь и целостность членов под тем, однако, условием, что и Прибислав сдаст оружие. Тогда, сопровождаемые светлейшим графом, вышли из крепости Вартислав и все благородные мужи славянские и пали к ногам герцога, держа каждый меч свой на голове своей. И принял их герцог и заключил в темницу. И велел тогда герцог, чтобы если кто из данов в плену в замке находился, то отпустить их на свободу. И ушло их великое множество, воздавая благодарность храбрейшему герцогу за свое освобождение. Затем он приказал охранять замок и простой народ в нем и поставил над ними некоего Любомира, старого воина, брата Никлота, чтобы он возглавил их землю и знал, что они все находятся в его подчинении.

Вартислава же, князя³ славянского, увел с собой в Брунsvик и одел на руки его оковы; остальных же рассадил по темницам, пока не выплатят последнего квадранта. Славяне были так унижены для того, чтобы узнать, что «лев, силач между зверями, не посторонится ни пред кем»⁴.

Тогда Прибислав, который был старше возрастом и обладал более острым умом, желая прийти на помощь плененному брату, начал через послов испытывать мысли

герцога и просить о мире. И когда герцог потребовал заложников, чтобы закрепить верность обещания, Прибислав сказал: «Какая надобность господину моему требовать у слуги своего заложников? Разве он не держит в темнице брата моего и всех благородных мужей славянской земли? Пусть же он и держит их вместо заложников и поступает с ними, как ему угодно, если мы нарушим верность своим обещаниям». Пока через посредников шли об этом переговоры и Прибиславу давалась надежда на лучшее, некоторое время обошлось без войн и был мир в славянской земле с марта месяца до февральских календ⁵ следующего года, и все крепости герцога, а именно Миликово, Куцин, Зверин, Илово, Микилинбург, были невредимы.

93. ОСВЯЩЕНИЕ НОВОГО МОНАСТЫРЯ

1163 В том же году после праздника пасхи Герольд, епископ
24мар- Любекской церкви, начал прихварывать и лежал на одре
та болезни до самых календ июля¹. И молил он господа, чтобы тот продлил ему жизнь до тех пор, пока не будет освящен храм в Любеке и пока положение недавно собравшегося здесь духовенства не окрепнет. Незамедлительно жизнь его была с помощью божьей на некоторое время продлена.

И тогда он отправился к герцогу, который в это время как раз прибыл в Штаден навстречу архиепископу², и стал беседовать с ним о благе Любекской церкви. Тот, обрадованный его словами, стал увещевать его, чтобы он как можно скорее возвращался в Любек и подготовил все, что необходимо для освящения. И герцог просил архиепископа отправиться с ним для совершения этого обряда. Удовлетворяя его просьбу, тот отправился в путь в вагрскую землю и по дороге освятил церковь в Фальдере, которая, как известно, была основана блаженной памяти Вицелином, епископом альденбургским, и ему принадлежала. И много добра оказал архиепископ настоятелю и братьям, жившим

там, и повелел, чтобы место это с этих пор называлось Новым монастырем. Ибо раньше оно называлось Фальдера, или Виппенторп. Настоятелем этого места был Гереман, который некогда в Любеке, во время натиска язычников, много трудов положил, проповедуя евангелие вместе с Людольфом, настоятелем Зигеберга, и альденбургским пресвитером Бруно. В управлении Новым монастырем этот Гереман стал преемником достопочтенного мужа Эппо, выдающаяся святость которого, достойная того, чтобы все всегда с благочестием о ней вспоминали, уже давно, еще в майские календы³, достигла счастливого конца.

Совершив, как я раньше сказал, освящение Нового монастыря, архиепископ отправился в Зигеберг и там пользовался гостеприимством графа Адольфа. Когда же он прибыл в Любек, герцог и епископ приняли его с великой славой и приступили к освящению. И каждый, а именно герцог Генрих, епископ Герольд и граф Адольф, пожаловал что-либо по добровольному побуждению своего сердца и предоставил владения и поборы и десятины на содержание духовенства. Архиепископа увещевали, чтобы он отдал Новый монастырь любекскому епископу, однако он не согласился. Выполнив все надлежащим образом, архиепископ возвратился к себе. Герцог же, приведя в порядок дела в в Саксонии, отправился в Баварию, чтобы укротить мятежников и совершить правосудие над потерпевшими обиду.

94. СМЕРТЬ ЕПИСКОПА ГЕРОЛЬДА

Между тем достопочтенный епископ Герольд, чувствуя, что болезнь, отпустившая его на время, вновь усилилась, решил посетить все церкви своего диоцеза, не требуя ни у кого поддержки, чтобы никому не быть в тягость. Питая отеческую заботу о своих детях, он ревностно наставлял их к их спасению, исправляя заблуждающихся и улаживая несогласия, оказывая милость утешения, если где-нибудь это было необходимо. И именем божьим запретил он рынок.

в Плуне, который каждое воскресенье посещался славянами и саксами, потому что христианский народ, оставив почитание церкви и торжественную обедню, все свое усердие отдавал торговле. Вопреки утверждению многих, своей стойкостью он разрушил этот приют язычества, предписав под страхом проклятья, чтобы никто с этих пор не поднимал его из развалин. И с этих пор народы собирались в церквях, чтобы слушать слово божье и присутствовать при совершении святых таинств. Объехав весь свой диоцез, епископ прибыл, наконец, в Лютилинбург, чтобы утешить живущих там, и, совершив богослуженье и как будто закончив свое дело, начал внезапно терять силы телесные и, перенесенный в Бузу, много дней пролежал на ложе. Однако до самой своей кончины он никогда не пропускал торжественных служб. Признаюсь, я не помню, чтобы мне приходилось видеть мужа, более искушенного в божественной службе, более усердного в пении псалмов и утреннем бдении, более ласкового к духовенству, которого никому ни одним словом не позволял он обидеть. Это он некогда заставил сурово наказать ударами одного светского человека, оклеветавшего священника, давая другим пример, чтобы не учились сквернословить.

Услышав о болезни доброго пастыря, пришли к нему достопочтенные мужи, Одо, декан Любекской церкви, и Людольф, настоятель Зигебергской, с братией обеих монастырей. Когда они, приблизившись к постели больного, пожелали ему продления жизни, он ответил: «Зачем желаете мне, братья, того, что бесполезно? Сколько бы я ни прожил, смерть все равно придет. Пусть уж сейчас произойдет все, что когда-нибудь должно все равно случиться. Лучше смириться с тем, чего избежать никому нельзя». О, что за свобода духа, не страшась смерти!

Среди беседы он прочел нам псалом: «Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом господень»¹. Спрошенный нами, какие он испытывает боли, он громко сказал, что никаких мучений и болей он не чувствует, но его тяго-

тит только упадок сил. Когда друзья увидели, что приближается конец, они выполнили над ним обряд святого миропомазания, и, приобщенный святым таин, на рассвете, вместе с ночным мраком, он сбросил с себя непрочное бремя телесной оболочки.

Тело его было перенесено духовенством и горожанами в Любек и предано погребению посреди храма, который он сам заложил. И пустовала кафедра Любекская вплоть до февральских календ², потому что герцог отсутствовал и ждали его решения.

КНИГА ВТОРАЯ

«СЛАВЯНСКОЙ ХРОНИКИ»
ГЕЛЬМОЛЬДА,
ПРЕСВИТЕРА В БУЗУ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРОДОЛЖЕНИЮ ТРУДА МОЕГО

Среди хронистов, излагающих историю, редко находят-ся такие, которые при описании деяний человеческих соблюдают полную их достоверность. Разумеется, неодинаковые знания, присущие людям и большей частью берущие начало из неточного источника, тотчас же могут быть распознаны по самому построению повествования. Между тем как вырастающая, подобно избытку влаги, в сердце человеческого необоснованная любовь или ненависть, скинув стезю истины, отклоняют движение повествования направо или налево. Ибо многие, стараясь снискать расположение к себе каких-либо людей, прикрываются притворным покровом дружбы и ради честолюбия или какой-нибудь выгоды говорят приятное людям, приписывая достоинства недостойным, воздавая хвалу тем, кому не должно ее воздавать, благославляя тех, кого благословлять не следует. В противоположность этому другие, подстрекаемые ненавистью, не жалеют порицаний, ищут удобного случая, чтобы оклеветать, а тех, кого не в состоянии [поразить] рукой, еще суровее языком преследуют. Поистине, существуют такие люди, которые почитают свет тьмой и ночь называют днем¹.

Но никогда не было недостатка в таких писателях, которые из страха перед потерей состояния и телесными мучениями боялись предавать гласности нечестивые поступки государей.

Более простительно замалчивать истину по причине малодушия и требований времени, чем выдумывать ложь в надежде на суетные выгоды. При изображении деяний человеческих, так же как при вырезывании тончайших фигур, всегда необходимо, чтобы отношение смотрящего было беспристрастно и ни расположением, ни ненавистью, ни страхом не могло быть отклонено с пути истины.

И так как большая опытность и большая хитрость требуются, чтобы среди препятствий, создаваемых такими подводными камнями, можно было бы рулем речи без потрясений управлять, то тем более [теперь], когда я скорее с неожиданной смелостью, чем с безрассудством, уже вывел корабль описания в открытое море, следует мне молить о божественном милосердии, чтобы оно помогало мне и направляло попутные ветры и чтобы я удостоился довести корабль мой до берега надлежащего конца. В противном случае по причине становящихся все более трудными обстоятельств и развращения нравов у государей мне легко сбиться с толку из страха пред людьми. Большой поддержкой и утешением для опирающихся на истину является то, что истина, хотя иногда и вызывает ненависть у людей бессовестных, сама по себе, однако, остается неизменной и не может быть опровергнута. Так же, как если свет бывает ненавистен для больных глаз, то, как известно, в этом виноват не свет, а болезнь глаз. Так и каждый человек, рассматривая в зеркале лицо свое, которое дано ему от рождения, если увидит в нем что-нибудь безобразное или искаженное, то не зеркалу, а самому себе это припишет.

Последующее небольшое сочинение, подобно предыдущему, я посвящаю милости вашей, о достопочтенные отцы и братья, желая, чтобы живущие почет, будущие же пользу для себя из знакомства с историей извлекли, и я надеюсь,

что и для меня какая-нибудь выгода произойдет от молитв великих мужей, которые случайно прочтут это сочинение и не откажут мне в просьбе поддержать меня своими молитвами.

1

Устроив свои дела в Баварии, Генрих Лев, славный своим двойным герцогством¹, возвратился в Саксонию и, созвав духовенство Любека, поставил над ним в епископы Конрада, аббата из Ридегесгузен², родного брата епископа Герольда. Это не понравилось архиепископу Гартвигу и шло наперекор желаниям всех в Любеке, однако воля герцога, противоречить которой было страшно, восторжествовала. И Конрад получил посвящение из рук архиепископа Гартвига в городе Штадене. Он был человеком сведущим в науках, в красноречии, отличался учтивым обращением, щедростью и обладал, кроме того, многими внешними данными, какими достойной особе приличествует быть украшенной. Но красивую наружность этого мужа портил некий неизлечимый, как сказал бы я, лишай,—непостоянство духа и уступчивость в речах, неспособность стоять твердо на одном и том же. Противоречивый, не слушающий ничьих советов, ненадежный в обещаниях, уважающий чужеземцев и презирающий своих, он вначале с большой суровостью обращался с духовенством, которое застал в молодой церкви, начиная от самых главных лиц, которые пребывали в церкви в Любеке, и кончая последними, которые жили в деревне. Он объявил своими все владения священников, рассматривая их не как братьев своих, но как слуг. Если он собирался кого-нибудь из братьев наказать, то не прибегал к установленному законом вызову, не считался ни с тем, подходят ли для этого место и время, ни с решением капитула, а действовал, как ему было угодно, и тех, кого ему хотелось притеснить, он или отстранял от службы, или отлучал от церкви. Увещаваемый герцогом,

он не отступил ни в чем, но отдалился от него и вступил в соглашение с архиепископом, чтобы соединенными усилиями можно было легче преодолевать всякое сопротивление.

Около этих дней, когда Конрад только что был выдвигнут на высшую ступень священнослужения и пока еще находился у архиепископа в городе Гореборге, что на берегах Альбии, в феврале месяце, то есть в 14-е календы марта, разразилась страшная буря с ветром, сверканием молний, раскатами грома, от чего много домов в разных местах загорелось или было разрушено. Кроме того, началось такое наводнение, о каком не слышали с древних времен и которое залило всю приморскую землю Фризии, Гателен, и все болотистые земли по Альбии, Вирре³ и всем рекам, которые впадают в океан, и утонуло много тысяч людей, а животных столько, что их и не счесть. Сколько богачей, сколько знатных сидело еще в тот вечер, утопая в наслаждениях, не испытывая страха перед несчастьем, но вот пришла неожиданная беда и унесла их в морскую пучину.

1164
16 февр.

2

В тот же день, когда такие бедствия обрушились на приморские страны по берегу океана, в славянском городе Микилинбурге произошло великое кровопролитие. Ибо Вартислав, младший сын Никлота, содержащийся в оковах в Брунсвике, приказал, как рассказывают, через послов своему брату Прибиславу, говоря: «Вот меня держат заключенным в оковы вечные, а ты поступаешь так нерадиво! Старайся же неусыпно, приложи все силы, поступай, как подобает мужчине, и если не можешь миром, то посредством оружия вырви меня. Разве ты не помнишь, как отец наш, Никлот, когда его держали в темнице в Люнебурге, не мог выкупить себя ни просьбами, ни деньгами? После того же, как побуждаемые доблестью, мы взяли за ору-

жие, подожгли и разрушили города, разве он не был освобожден?». Выслушав это, Прибислав собрал тайком войско и неожиданно пришел в Микилинбург. Генрих же из Скотен, правитель замка, тогда случайно отсутствовал, и народ, находившийся в замке, не имел начальника. Приблизившись, Прибислав сказал мужам, бывшим в крепости: «Великое насилие, о мужи, причинено как мне, так и моему народу, ибо мы изгнаны из земли, где родились, и лишены наследства отцов наших. Вы увеличили эту обиду, ибо вторглись в пределы нашей страны и овладели городами и деревнями, которые должны принадлежать нам по праву наследования. И вот, мы предлагаем вам на выбор жизнь или смерть. Если вы откроете нам крепость и вернете принадлежащую нам землю, мы выведем вас мирно с женами и детьми вашими и всем имуществом. Если кто-нибудь из славян что-либо отберет у вас из того, что вам принадлежит, я возвращу вдвойне. Если вы не захотите уйти и, напротив, будете этот пород упорно защищать, клянусь вам, что если будет к нам милостив господь и победа будет [нам] благоприятствовать, я всех вас перебью острием меча. В ответ на эти слова фламинги¹ начали посылать стрелы и наносить раны. Войско же славянское, более сильное и людьми и оружием, в жаркой битве вторглось в крепость и перебило всех мужчин, в ней находившихся. Ни одного человека не оставили славяне из этих пришельцев; жен же их и детей увели в плен, а замок сожгли. После этого они вернулись в замок Йлово, чтобы разрушить и его.

Тогда Гунцелин, вассал герцога и правитель земли бодрицкой, узнав от лазутчиков, что славяне выступили, пришел с небольшим отрядом в Йлово, чтобы оказать городу помощь. Опустошив Микилинбург, Прибислав с самыми храбрыми мужами пошел впереди войска своего, желая скорее начать осаду, чтобы кто-нибудь случайно не ускользнул. Услышав об этом, Гунцелин сказал своим: «Выйдем скорее и сразимся с ним раньше, чем придет остальное войско. Ибо

они утомлены битвой и кровопролитием, которое сегодня совершили». И ответили ему верные его: «Неосторожно было бы нам выйти, ибо тотчас же, как мы выйдем, славяне, которые находятся внутри города этого и, кажется, стоят на нашей стороне, закроют за нами городские ворота и нас не впустят. А город окажется в руках славян». И не понравились слова такие Гунцелину и мужам его. И, созвав всех тевтонцев, какие были в городе, он сказал им в присутствии находящихся в городе славян, перехода которых на сторону неприятеля опасались: «Дошло до меня, что славяне, которые вместе с нами находятся внутри города, присягнули Прибиславу, что выдадут нас и город. Так слушайте же, о мужи-соотечественники, обреченные на смерть и уничтожение. Как только вы увидите вероломство, бросайтесь к воротам, подкиньте огонь под стены города и сожгите этих изменников с женами и детьми. Пусть умирают вместе с нами, пусть никто из них не останется в живых, чтобы не похвалялись нашей гибелью». Услышав это, ужаснулись славяне в душах своих и не осмеливались приступить к тому, что в душе замыслили. С наступлением вечера все славянское войско подошло к замку Илово, и сказал Прибислав славянам, которые там находились: «Всем вам известно, какие бедствия и гнет лежат на нашем народе из-за насильственной власти герцога, злоупотребляя которой он причинил нам много мучений и отобрал у нас наследственное владение отцов наших и поселил во всех землях пришельцев, то есть фламिंगов и голландцев, саксов и вестфальцев и другие разные народы. От этой обиды страдал мой отец до самой смерти, а брат мой из-за этого содержится в заключении в вечных оковах, и никого, кроме меня одного, не осталось, кто бы думал о благе нашего народа или хотел бы поднять его из развалин. Вернитесь же к благоразумию, о мужи, оставшиеся от славянского народа, обретите вновь смелость и передайте мне этот город и мужей, которые несправедливо заняли его, чтобы я им отомстил, как отомстил тем, которые вторглись в Микилинбург».

И он начал увещевать их выполнить обещание. Но те, охваченные страхом, отказались. Тогда славяне отошли далеко от замка, потому что наступила ночь и надо было раскинуть лагерь. Они заметили, что Гунцелин и бывшие с ним — мужи храбрые и воинственные и что без большого кровопролития овладеть замком было бы нельзя, и поэтому на рассвете они сняли осаду и вернулись на свои места. Гунцелин же, как «исторгнутая из огня головня»², покинул Илово, поставив в нем стражу от славян, и отправился в Зверин. И обрадовались жители города неожиданному его прибытию, ибо накануне распространился слух, что он сам, а равно и мужи его убиты.

3. О ЕПИСКОПЕ БЕРНО

На пятый день после того как был разрушен Микилинбург, достопочтенный епископ Берно вышел с несколькими священниками из Зверина, чтобы предать земле убитых, имея на себе священническое облачение, в котором обычно совершаются таинства. И, воздвигнув алтарь среди убитых, он с печалью и трепетом принес за них спасительную жертву господу богу. Когда он уже совершал таинство, славяне выскочили из засады, чтобы убить епископа и бывших с ним. Но спешно ниспосланный господом, подошел с войском некий Рейхард из Сальтвиделе. Услыхав, что Гунцелин осажден в Илово, он вышел на помощь ему и, совершая свой путь, случайно зашел в Микилинбург как раз тогда, когда для епископа и его людей настал смертный час. Устрашенные его прибытием, славяне бежали, и спасенный епископ закончил дело благочестия и, похоронив около 70 убитых, после этого возвратился в Зверин.

В скором времени Прибислав, собрав опять войско из славян, пришел к Миликову и Куцину и сказал жителям города: «Я знаю, что вы храбрые и благородные мужи и угождаете власти великого герцога, господина вашего. Я хочу склонить вас к полезному делу. Сдайте мне этот

замок, который некогда принадлежал моему отцу и по праву наследства моим должен быть, и я велю, чтобы вас провели до берегов Альбии. Если кто-нибудь из них что-нибудь из того, что вам принадлежит, насильственным образом себе присвоит, я велю вдвойне вам возместить. Если вы сочтете это наилучшее условие для себя непригодным, мне придется опять испытывать свое счастье и вступить в борьбу с вами. Помните о том, что случилось с жителями Микилинбурга, которые презрели условия мира и побудили меня к бою себе же самим во вред». Тогда воины, сторожившие крепость, видя, что не место здесь для битвы, ибо неприятель был числом больше, а помощников в защите немного, добились свободного прохода за пределы Славии, а Прибислав получил замок.

4. ПОВЕШЕНИЕ ВАРТИСЛАВА

Когда герцог Генрих Лев услышал о том, как поколебались дела в Славии, он омрачился духом и отправил сильное войско в Зверин для охраны его. И велел он графу Адольфу и лучшим мужам Гользатии отправиться в Илово и оборонять замок. После этого он собрал большое войско и призвал родственника своего, маркграфа восточных славянских земель Адальберта¹ и всех храбрейших мужей Саксонии на помощь, отплатить славянам за все то зло, которое они причинили. Он привлек и Вальдемара, короля данского, с его морским войском, чтобы он тревожил их и с суши и с моря. Граф Адольф поспешил со всем народом нордальбингов, чтобы встретиться с герцогом у Миликово. Герцог перешел здесь Альбию, напал на славянские земли и приказал Вартислава, князя славянского, казнить через повешение возле города Миликово потому, что погубил его брат его, Прибислав, нарушив обещание мира, установленного договором². И повелел герцог графу Адольфу через посла, говоря: «Подымись с гользатами и штурмарами и со всем народом, который с тобой пришел, и ступайте впереди герцога к месту, что называется Вирухне³. То же сделает

Гунцелин, правитель земли бодрицкой, и Рейнольд, граф дитмаршей, и Христиан, граф Альденбурга, что находится в Амерланде, земле фризов⁴. Все они пойдут впереди вместе с тобой с тем числом вооруженных людей, которое у них имеется». И тогда выступил граф Адольф и другие благородные мужи, которые были с ним вместе выделены по приказу герцога, и пришли они в место, что называется Вирухне и отстоит от города Димина на расстоянии около 2 миль, и здесь раскинули лагерь. Герцог и другие государи задержались в месте, которое называется Миликово, чтобы через несколько дней последовать за ними с остальным войском, с лошадьми, несущими запасы пищи, которой хватило бы вполне войску. Все же войско славян засело в городе Димин. Были там и князья их, Казимир и Богуслав⁵, князья поморян, а с ними и Прибислав, виновник восстания. И отправили они посла к графу, желая быть допущенными через него к условиям мира, и обещали 3 тысячи марок, а послав вторично послов, обещали уже 2 тысячи. И не понравилось такое заявление графу Адольфу и сказал он своим: «Как это вам кажется, о мудрые мужи? Вчера они обещали 3 тысячи марок, теперь предлагают 2. Такое заявление не мира ищет, а навлекает войну». И послали славяне ночью лазутчиков в лагерь разведать состояние войска. Альденбургские же славяне были с графом Адольфом, но вели себя коварно, потому что все, что происходило в войске, передавали через лазутчиков неприятелю. И сказали графу Адольфу Маркрад, старейшина земли гользатской, и остальные, которые поняли эти тайные дела: «Из самых достоверных слухов мы узнали, что враги наши готовятся к войне. Наши же весьма вяло действуют и ни в ночных стражах, ни в дневной охране не проявляют должного внимания. Внуши осторожность народу, потому что герцог возлагает на тебя надежды». Но граф и другие благородные мужи не придали этому значения и сказали: «Да будут мир и спокойствие, померкла уже доблесть славян». И ослабела охрана в войске. Между тем из-за того, что герцог задержался, у войска истощились запасы пищи

И были назначены отроки, которые должны были пойти в войско герцога и принести припасы. Когда на рассвете они вышли, вдруг показались поднимающиеся на холм клинья славян, состоявшие из бесчисленного количества как конных, так и пеших. Увидав их, отроки повернули назад и своими громкими криками подняли спавшее войско. Иначе бы все во сне смерть приняли. Тогда славные и доблестные мужи, Адольф и Рейнольд, выйдя с небольшим числом гользатов и дитмаршей, которые, проснувшись от сна, раньше прибежали, застigli неприятеля при спуске с холма и, опрокинув первый отряд славян, они гнали их до самой глубины болота. Но поспешивший вслед за ними второй отряд славян обрушился на них, как гора. И тогда были убиты граф Адольф и граф Рейнольд и все храбрейшие мужи.

И захватили славяне лагерь саксов и расхитили добычу в нем. Гунцелин и Христиан и с ними более 300 воинов, соединившись воедино, стояли в стороне от битвы, не зная, что делать. Ибо им страшно было вступить в бой с таким огромным неприятельским войском, когда все их соратники были или перебиты, или обращены в бегство.

1164
6 июля

И случилось, что отряд славян подошел к одному шатру, где находилось много оруженосцев и лошадей. Когда славяне сильно насели на них, стараясь их одолеть, оруженосцы стали звать своих господ, которые толпой стояли неподалеку: «Что вы стоите, о храбрейшие воины, почему не придете на помощь слугам своим? Ведь вы поступаете постыдно». Те, побужденные криками их, напали на неприятеля и, сражаясь как бы в слепой ярости, освободили своих слуг. Потом, быстро влетев в лагерь, трудно сказать, сколько ударов нанесли и какое избиение людей устроили, пока не рассеяли эти победоносные отряды славян и не получили обратно лагерь, который раньше потеряли. И в довершение головокружением господь смешал умы славян, и они пали от руки лучших воинов. И, услышав об этом, саксы, прятаявшиеся в убежищах, вышли из них и, вновь обретя смелость, кинулись храбро на врагов

и перебили их в жарком бою. И покрылось поле это горами мертвецов.

И пришел поспешно герцог, желая оказать поддержку своим, и увидел поражение, нанесенное народу его, и [узнал], что мертв граф Адольф и все храбрейшие мужи, и залился обильными слезами. Но горе его облегчила полная победа и громадные жертвы среди славян, счетом до 2500 человек. И велел тогда герцог тело убитого графа Адольфа, порезав на куски и высушив, набальзамирывать, чтобы его можно было повсюду провезти и предать погребению в родовом склепе. И исполнилось пророчество, которое он высказал накануне своей гибели, особенно часто повторяя стих: ты огнем «искусил меня, и ничего не нашел»⁶.

Избежавшие меча славяне пришли в Димин и, предав огню этот сильнейший замок, отправились в глубь области поморян, уходя от герцога. На следующий день пришел в Димин герцог со всем войском и нашел замок сожженным и поставил здесь часть войска, чтобы оно разрушило вал и сравнило с землей и оказывало помощь раненым, о которых надо было проявить заботу. Сам же он с остальным войском отправился навстречу королю Вальдемару. И, объединив свои силы, они оба пошли, чтобы опустошить все пространство земли поморян, и пришли в место, что называется Столпе⁷. Здесь некогда Казимир и Богуслав заложили аббатство в память отца своего Вартислава, который тут был убит и погребен⁸. Он первый из поморских князей обратился в веру под руководством святейшего Оттона, епископа бавембергского, и сам основал епископство в Узнаме⁹ и распространил христианскую веру в земле поморян. И вот сюда-то пришло войско герцога, и никого здесь не нашлось, кто оказал бы ему сопротивление. Ибо славяне, все время идя вперед, убегали от лица герцога, не имея смелости где-нибудь остановиться из страха перед ним.

5. О ПОГРЕБЕНИИ ГРАФА АДЛЬФА

И пришел в дни те посол в землю славянскую и сказал герцогу: «В Брунsvик прибыл с большой свитой посол от короля греческого¹ для беседы с тобой». Чтобы выслушать его, герцогу пришлось уйти из славянской земли, оставив войско и успешный поход. В противном случае, благодаря одержанной победе и благоприятному движению фортуны, он уничтожил бы всю силу славян до предела и поступил бы с землей поморян так же, как поступил с землей бодричей. Ибо вся земля бодричей и соседние области, принадлежавшие Бодрицкому государству, из-за непрерывных войн, особенно же войны последней, по милости господ, всегда укрепляющего десницу благочестивого герцога, были целиком обращены в пустыню. И если еще оставались какие-нибудь последние обломки от народа славянского, то вследствие недостатка в хлебе и запустения полей они были настолько изнурены от голода, что вынуждены были толпами уходить к поморянам или в Данию, а те безжалостно продавали их полонам, сорабам и богемцам.

После того как герцог, уйдя из славянской земли, распустил войско по домам, каждое восояси, тело графа Адольфа было перенесено в Минден и здесь с благочестием погребено.

Графством же управляла вдова его, Мехтильда, с юным сыном. И изменился вид земли этой, потому что справедливость и мир в церквах после смерти доброго покровителя, казалось, стали совсем непрочными. Ибо при жизни его духовенство не страдало ни от какой грубости, ни от каких оскорблений. Ему присущи были такие вера, доброта, рассудительность и такой разум, что, казалось, он был преисполнен всех добродетелей. Он был единственным из воинов господних, но при этом не последним, который оказался весьма полезным, по мере сил своих искореняя заблуждения идолопоклонства и насаждая новый рассадник веры, который должен был принести плоды, служащие спасению.

Наконец, завершив благой путь жизни своей, он достиг пальмовой ветви,—нося хоругви в замке господнем², твердо стоял за свое отечество и соблюдал верность государям до самой смерти. Когда его уговаривали, чтобы он для сохранения жизни подумал о бегстве, он с гневом отказывался, руками сражался, а голосом молился богу и, любя мужество, смерть принял радостно. Побужденные его рвением, знаменитые мужи и лучшие вассалы доброго герцога, Гунцелин и Бернгард, из которых один правил Зверином, другой Рацисбургом, сами тоже творили добрые дела, по мере сил своих сражаясь во имя господне, чтобы вознести честь дома господня среди народа неверного и языческого.

6. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИМИНА

Винovníк мятежа Прибислав, изгнанный из отцовских владений, находился у князей поморских, Казимира и Богуслава, и все они начали вновь отстраивать Димин. Выходя часто оттуда, Прибислав из засады тревожил Зверин и Рацисбург, уводя в плен множество людей и скота. Заметив его вылазки, Гунцелин и Бернгард стали и сами нападать из засад и, часто сталкиваясь с ним в битвах, всегда оказывались более сильными. Это продолжалось до тех пор, пока Прибислав, потеряв много храбрых мужей и коней, не смог уже ничего больше предпринимать. И сказали ему Казмир и Богуслав: «Если тебе нравится жить с нами и пользоваться убежищем у нас, то берегись оскорблять очи мужей герцога, иначе мы изгоним тебя из нашей страны. Ибо раньше ты и так уже подвел нас и мы потерпели сильное поражение и потеряли лучших мужей и лучшие свои крепости. Ты еще недоволен и хочешь снова навлечь на нас гнев государя?» И так удержан был Прибислав от своих безрассудных намерений. И смирились мужи славянские и из страха пред герцогом не смели и языком пошевелить.

И заключил герцог мир с Вальдемаром, королем данским, и они собрались на Эгдоре или в Любеке, чтобы побеседовать о благе обеих земель. И дал король герцогу

много денег, потому что тот избавил страну его от опустошения славянами. И начали заселяться все морские острова, принадлежавшие Данскому королевству, потому что морские разбойники исчезли, а корабли их были уничтожены. И заключили король с герцогом договор, что если они подчинят себе какие-либо народы на суше или на море, то дани с них будут по-братски делить между собой.

И превзошел герцог своим могуществом всех, кто до него был, и стал он государем над государями земли. И поправил он выи мятежников и разрушил их крепости. И истребил отступников, и водворил мир во всей стране, и построил сильные крепости, и стал господином огромных владений, ибо к владениям, перешедшим к нему по наследству после великих предков его, императора Лотаря и супруги его Рикенцы, и многих герцогов Баварии и Саксонии прибавились еще владения многих иных государей, как Геремана из Винцебурга¹, Зигфрида из Гамбурга², Оттона из Асле³ и других, имена которых исчезли из памяти. Что мне сказать о великом могуществе архиепископа Гартвига, который происходил из древнего рода Удонов⁴? Он [Генрих Лев] получил и этот знаменитый замок Штаден со всеми угодьями и с графствами по обоим берегам [Альбии] и графство Дитмаршское еще при жизни епископа, одно по праву наследства, другое в бенефиций; он распространил свою власть и на Фризию и отправил против нее войско, и они дали ему в выкуп за себя все, что он от них требовал.

7. ЗАВИСТЬ ГОСУДАРЕЙ К СЛАВЕ ГЕРЦОГА

Но так как слава порождает зависть и так как ничего прочного нет в делах человеческих, то такая слава этого мужа вызвала зависть со стороны всех государей Саксонии. Ибо он, обладающий бесчисленными богатствами, славный своими победами и высоко вознесенный в славе своей по причине двойной власти и над Баварией и над Саксонией, всем в Саксонии, как государям, так и благородным мужам, казался несносным. Но страх перед

императором удержал руку государей, и они не привели в исполнение принятых ими намерений. Когда же император подготовил четвертый поход в Италию¹, и благодаря этому настало удобное время, тотчас же прежнее тайное соглашение превратилось в явное и образовался сильный союз всех против одного. Главными среди них были Вихман, архиепископ магдебургский², и Гереман, епископ хильдесгеймский. Кроме них, были следующие государи: Людовик, ландграф Тюрингии, Адальберт, маркграф из Сольтведеле с сыном, Оттон, маркграф из Камбурга³ с братьями, Адальберт, пфальцграф из Зомересбурга. Им оказывали поддержку следующие благородные мужи: Оттон из Асле, Ведекинд из Дазенберга, Христиан из Альденбурга, что в Амерланде. Кроме них, козни против герцога строил могущественный Рейнольд, архиепископ колонский и канцлер империи. И хотя лично он и отсутствовал, находясь в Италии, но весь был поглощен мыслями о победе над герцогом. Тогда государи, находившиеся в Восточной Саксонии с князем тюрингским Людовиком, осадили замок герцога, что назывался Альдеслеф, и заготовили против него много машин. Потом Христиан, граф амерландский, собрав отряд фризов, занял Бремен и все его окрестности и вызвал большое движение в западной области. И герцог, видя, что со всех сторон поднимаются войны, начал укреплять города и замки и ставить военную стражу в удобных местах.

В то время графством Гользатским, Штурмарским и Вагрским управляла вдова графа Адольфа со своим еще очень юным сыном. И так как начинались военные движения, то герцог поставил над мальчиком опекуна, который начальствовал бы над войском. Это был граф Генрих, родом из Тюрингии, дядя мальчика по матери, не терпевший мирного времени и весь преданный войне. Посоветовавшись с верными себе людьми, герцог вернул свою милость Прибиславу, князю славянскому, который, как выше сказано, после многих сражений был изгнан из страны, и возвратил ему владения его отца, то есть землю бодрицкую, кроме Зверина и его окрестностей⁴. И принес Прибислав

герцогу и друзьям его присягу в верности и обязался, что не будет с этих пор никакими военными бурями ее нарушать, что будет повиноваться ему и соблюдать приказы друзей его без всякой обиды⁵.

8. РАЗОРЕНИЕ БРЕМЕНЦЕВ

Тогда герцог собрал огромное войско и вступил в Восточную Саксонию, чтобы сражаться с врагами своими на их земле. И увидели они, что он пришел с большими силами, и побоялись выйти навстречу ему. И он нанес большое поражение вражеской стране и опустошил ее пожарами и грабежами, и прошел всю эту землю вплоть до самых стен Магдебурга. Оттуда он повернул войско в западные области, чтобы подавить мятеж графа Христиана, и, неожиданно подойдя к Бремену, взял его. Тогда граф Христиан бежал в далекие болота Фризии. И вторгся герцог в Бремен и разграбил его. Жители его бежали в болота, потому что согрешили они перед герцогом, присягнув Христиану. И герцог осудил их на изгнание, пока они не приобрели себе при вмешательстве архиепископа мир за тысячу и больше марок серебра. Граф же Христиан через несколько дней умер, и тогда прекратились несчастья, вызванные его мятежом.

И вот когда повсюду шли внутренние войны, архиепископ Гартвиг решил, что у себя он избегнет шума начинающейся войны, и сидел в Гамбурге уединенно и спокойно, усиленно занимаясь постройкой монастырей и другими делами своей церкви. Тогда архиепископ колонский и другие государи обратились к нему с письмом, где просили его, чтобы он вновь [вспомнил и] принял близко к сердцу все притеснения, которыми угнетал его герцог, ибо сейчас настало время, когда при помощи князей он мог бы восстановить положение, достойное его звания, вернуть город Штаден и отнятое графство, если князья помогут. Архиепископ Гартвиг, наученный долгим опытом, что герцог всегда счастлив в сражениях, что верность князей ненадежна, что он не раз был обманут

подобными обещаниями, начал колебаться духом. Горячее желание восстановить свое положение побуждало его [к действиям], но хорошо известное ему непостоянство князей отвращало его. Пока между ними наружно царил дружба, мир звучал в их словах. Однако архиепископ начал укреплять свои замки Фриборг и Гореборг и собрал там запасы оружия и пищи, которых могло бы хватить на месяцы и годы.

9. ИЗГНАНИЕ ЕПИСКОПА КОНРАДА

В эти дни у архиепископа находился Конрад, епископ Любекской церкви, и множеством своих советов старался повлиять на него. И донесено было герцогу, что он [епископ] думает не о мире, а о свержении герцога, и что он внушает архиепископу, чтобы тот перешел на сторону князей и расторг дружбу, которую заключил с герцогом. Герцог, желая узнать об этом деле точнее, позвал епископа на собеседование в Эртенебург. Но тот, стараясь отклонить гнев владыки, удалился во Фризию, якобы выполняя посольство архиепископа. Как только он вернулся, герцог вызвал его во второй раз. В сопровождении архиепископа и Берно [епископа] микилинбургского он явился к герцогу в Штаден, чтобы выслушать слово его. И спросил его герцог о том, что донесено было ему, а именно, как это он худыми словами умалял честь его и давал советы против него ему во зло. Епископ утверждал, что ничего об этом не знает. Когда много слов сказано было и с одной и с другой стороны, герцог, желая пошатнувшуюся дружбу поправить и больше расположить к себе епископа, уже давно ему любезного, начал дружески требовать с него дань, как со своего вассала, что ему, как выше показано, было предоставлено императорским пожалованием в тех именно славянских областях, которыми он завладел по праву войны, щитом и мечом. На это требование отважный муж отвечал, что доходы его церкви весьма скромны и что, принимая это во внимание, он никогда не позволит связать свою свободу или подчинить ее чьей-либо

власти. В ответ герцог заявил, разумеется, что епископ должен или оставить свой пост, или повиноваться его требованию. И когда епископ оставался твердым в своем решении, герцог повелел закрыть ему доступ в его диоцез и отнять у него все епископские доходы.

После того как герцог удалился, архиепископ сказал епископу Конраду: «Я полагаю, что из-за вассалов герцога, среди которых мы находимся, вам оставаться у нас небезопасно. Отчего бы вам не помочь нашей чести и своему спасению, и не перебраться к магдебургскому архиепископу¹ и князьям, чтобы таким образом отвести руку врагов ваших. Я же через несколько дней последую за вами и тоже буду жить на чужбине среди чужеземцев». И он поступил по совету архиепископа и переехал к магдебургскому архиепископу и прожил у него почти два года. Выехав оттуда во Францию, он побывал на Цистерцианском соборе и вновь сблизился с папой Александром при посредничестве епископа папийского, который держал сторону Александра, и, лишенный за это своей кафедры, жил в Клерво². И тот велел епископу, когда ему представится возможность, чтобы он или сам пошел к папе Александру или направил посла. Совершив это, он вернулся в Магдебург и нашел здесь Гартвига, архиепископа гамбургского, ибо и тот со своего места удалился, и они оба оставались у архиепископа магдебургского в течение многих дней.

Однако войны архиепископа Гартвига, стоявшие в замках Гореборг и Фриборг, стали совершать частые вылазки и производить пожары и грабежи во владениях герцога. Поэтому герцог, переправив туда войско, занял Фриборг, разрушил его укрепления, сравнял его с землей и велел отнять у епископа все его доходы, не оставив из них даже самых незначительных. Только те, кто находился в замке Гореборг, продолжали держаться до самого возвращения архиепископа, потому что место было хорошо защищено болотистыми топями. Во всей же Саксонии бушевали свирепые мятежи, ибо все князья начали борьбу против герцога. И захватыва-

ли в плен воинов и калечили их, разоряли крепости и дома, сжигали города. И примкнула к князьям Гослярия. И тогда герцог повелел охранять дороги, чтобы никто не мог ввозить в Гослярию продукты, и скоро они начали испытывать голод.

10. ИНТРОНИЗАЦИЯ ПАПЫ КАЛИКСТА

В те дни император Фредерик находился в Италии. И успокоились мятежи лангобардов из страха пред доблестью его, и он разбил многие населенные города и крепости и разграбил Лангобардию больше, чем короли, которые были до него в течение многих дней, и повернул, чтобы идти на Рим, прогнать Александра и поставить Каликста, ибо Пасхалий, прожив короткое время, умер¹.

1167 Император осаждал Геную², которая была на стороне Александра, и послал Рейнольда колонского, Христиана монтгонтского³ и часть войска вперед в Рим. И пришли они в Тускуланум⁴, который находится неподалеку от Рима. Узнав об их приходе, римляне вышли с бесчисленным войском; чтобы сражаться за Александра. Вышел и Рейнольд с тевтонским войском, и стали биться немногие против бесчисленных, и победили римлян, и перебили около 12 тысяч, и преследовали бегущих до самых ворот города. И «земля растлилась»⁵ из-за [обилия] трупов, и остались женщины римские вдовами на многие годы, потому что не хватало мужчин среди жителей города.

В тот же день, когда это происходило в Риме, император, сражаясь с генуэзцами и одержав победу, овладел городом. 1167 И, взяв войско с собой, он отправился в Рим и нашел там посланных им вперед Рейнольда и войско, ликующих по причине своего спасения и поражения римлян. И он двинул войско, чтобы овладеть Римом, и взял приступом дом св. Петра, так как там тогда стояла стража у римлян, и велел подложить огонь под ворота и дымом отогнал римлян. И занял храм и наполнил его убитыми. И возвел Каликста на престол и отпраздновал там день св. Петра в оковах⁶.

И наложил руку свою на латеранцев, чтобы уничтожить их, и дали они ему все, что он от них потребовал, лишь бы сохранить жизнь и город. Император требовал, чтобы они захватили Александра, но они не смогли этого сделать, потому что ночью он спасся бегством. И взял император сыновей у благородных мужей в качестве заложников, чтобы с этих пор все повиновались Каликсту с нерушимой верностью.

1 августа

За этими счастливыми успехами императора последовало неожиданное бедствие. Ибо вдруг такой мор напал на Рим, что через несколько дней почти все умерли. Ибо, как рассказывают, в месяце августе в этих краях поднялись несущие болезнь облака. От этой болезни умерли Рейнольд, епископ колонский, Гереман, [епископ] верденский⁷, которые были первыми в совете; кроме того, благородный юноша, сын короля Конрада, который женился на единственной дочери герцога нашего Генриха⁸. Сверх этого, в то время погибло много епископов, князей и благородных мужей. Император с оставшимся войском вернулся в Лангобардию. Придя сюда, он услышал о волнениях, происходивших в Саксонии, и отправил посольство, поручив ему перемириями приостановить поднимавшийся мятеж, пока пройдет какое-то время и он освободится от итальянского похода.

В то время Генрих, герцог Баварии и Саксонии, послал послов в Англию, и они привезли дочь короля английского с серебром и золотом и большими богатствами, и герцог взял ее в жены⁹. Ибо он под предлогом родства разошелся со своей первой женой, Клементией. У него была от нее дочь, которую он отдал в жены сыну короля Конрада. Тот тоже прожил недолго, как сказано выше, застигнутый преждевременной смертью в итальянском походе.

11. ПРИМИРЕНИЕ КНЯЗЕЙ И ГЕРЦОГА

По прошествии недолгого времени лангобарды, видя, что рушились столпы государства и исчезла мощь войска, единодушно вступили в заговор против императора и задумали

его убить¹. Он же, предчувствуя их коварство, тайком ушёл из Лангобардии и, вернувшись в тевтонскую землю, созвал сейм в Бавемберге² и, собрав всех государей саксонских, обвинил их в нарушении мира, говоря, что мятеж в Саксонии дал лангобардам основание отложиться. Таким образом, после многочисленных оттяжек те разногласия, которые существовали между герцогом и государями, благодаря большому благоразумию и рассудительности его, были обращены им к заключению мира и прекратились, согласно желанию герцога, и он избавился от нападков со стороны князей без всякого для себя ущерба.

1168
окт. 11

И опять был призван архиепископ гамбургский в столицу свою, но, пораженный болезнью, через несколько дней скончался, и с его смертью угас старый спор по поводу графства Штаденского, и герцог владел им дальше без всякой помехи. Конрад, епископ любекский, при вмешательстве императора, получил право вернуться в свой диоцез на том именно условии, что, предав забвению прежнее упорство, предоставит герцогу то, что ему следует по праву. Возвратившись по милости герцога опять к себе, он стал совсем другим человеком. Ибо то, что ему пришлось самому перенести, научило его сочувствовать своим братьям и в дальнейшем быть более благосклонным при выполнении долга человеколюбия. Он защищал духовенство от притеснений князей и знатных, особенно же от насилий Генриха, графа Тюрингии, который, не боясь ни бога, ни людей, старался добиться владений, принадлежавших духовенству.

Когда все военные волнения превратились, по милости божьей, в ясное спокойствие мира, Ведекинд из Дазенберга отклонил мир, о котором договорились князья. С юности своей в злых делах проворный, он постоянно обращал свой военный опыт на грабежи. Но он не имел возможности причинить столько зла, сколько бы ему хотелось, сурово сдерживаемый уздой герцога. Если иногда его схватывали и заключали в темницу, он клялся, что с этих пор будет воздерживаться от грабежей и, послушный герцогу, будет честно

ему повиноваться. Но когда разразилась война, он, забыв о своих обещаниях, свирепствовал против герцога больше всех.

Итак, когда все остальные были склонны к миру, этого беспримерно дикого зверя герцог обложил осадой в замке Дазенберг. Но так как высота этой горы всю мощь осады и машин делала тщетной, то герцог послал позвать искусных мужей из-под Раммельсберга³, которые приступили к трудному и неслыханному делу. Они прокопали подошву горы Дазенберг и, осмотрев внутренность горы, нашли там источник, откуда жители крепости черпали воду. Когда они его засыпали, жителям крепости стало не хватать воды, и, побужденный необходимостью, Ведекинд сдался и отдал свой замок во власть герцога; остальные же, будучи отпущены, разошлись каждый в землю свою.

12. О СВЯТОВИТЕ, ИДОЛЕ РУЯН

В то время Вальдемар, король Дании, собрал большое войско и много кораблей, чтобы идти в землю руйн и подчинить ее себе. Ему помогали Казимир и Богуслав, князья поморян, и Прибислав, князь бодричей, потому что герцог приказал славянам оказывать королю Дании поддержку, когда бы он ни простер руку свою для покорения чужеземных народов. И преуспело дело короля Дании, и могучей рукой занял он землю руйн, и они дали ему в выкуп за себя столько, сколько король назначил.

И велел король вытащить этот древний идол Святовита, который почитается всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь. И разрушил король святилище его со всеми предметами почитания и разграбил его богатую казну. И повелел, чтобы они отступили от заблуждений своих, в которых рождены были, и приобщились к почитанию истинного бога. И отпустил средства на постройку церквей¹.

И было воздвигнуто 12 церквей в земле руянской и поставлены священники, которые имели бы попечение над народом во всех делах, принадлежащих богу. И были там епископы Абсалон из Роскильда² и Берно из Микилинбурга. Они со всем расположением помогали королю закладывать почитание дома господа нашего «среди строптивного и развращенного рода»³.

Князем же у руян был в это время благородный муж Яромир, который, услышав о почитании истинного бога и о католической религии, с охотой принял крещение, приказывая всем своим также обновиться с ним через святое крещение⁴. Став христианином, он был столь же стойким в вере, сколь твердым в проповеди, так что [в нем] можно было видеть второго, призванного Христом, Павла. Выполняя дело апостола, он привлек этот дикий и со звериной яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким.

Ибо из всех народов славянских, которые делятся на области и княжества, один только народ руян упорнее других в мраке неверия вплоть до наших дней остался, будучи для всех недоступным по той причине, что окружен морем. Старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвейе, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и zaloжили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После того же как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаем слугой божьим, раны начали почитать, как бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший

в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят.

Среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей-христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особенное наслаждение богам⁵.

Случилось несколько лет тому назад, что великое множество торговцев собралось сюда на рыбную ловлю. Ибо в ноябре, когда ветры дуют сильнее, здесь добывается большое количество сельди, и тогда купцам разрешается свободный доступ, если раньше они уплатят богу этой земли полагающееся ему.

И был там тогда случайно некий Готшалк, священник господень, приглашенный из Бардевика, чтобы при таком множестве народа совершить богослужение. Но это недолго составляло тайну для жреца язычников. И, призвав короля и народ, он объявил, что боги сильно разгневаны и их нельзя ничем иным успокоить, как только кровью того священника, который решился совершать среди них жертвоприношения по чужеземному обряду. Тогда, охваченный ужасом, языческий народ созвал множество торговцев и потребовал выдать священника, чтобы принести его своему богу в качестве умиловительной жертвы. Когда христиане воспротивились, им предложено было в дар 100 марок. Но когда ничего не удалось добиться, то они начали угрожать силой и объявлением войны на следующий день. Тогда торговцы, нагрузив корабли уловом, этой же ночью вышли в путь и, доверив паруса попутному ветру, избавили как себя, так и своего священника от опасности.

Хотя ненависть к христианству и жар заблуждений были у ран сильнее, чем у других славян, однако они

обладали и многими природными добрыми качествами. Ибо им свойственно в полной мере гостеприимство, и родителям они оказывают должное почтение. Среди них нигде не найти ни одного нуждающегося или нищего потому, что тотчас же, как только кто-нибудь из них ослабеет из-за болезни или одряхлеет от возраста, его вверяют заботам кого-либо из наследников, чтобы тот со всей человечностью его поддерживал. Ибо гостеприимство и попечение о родителях занимают у славян первое место среди добродетелей. Что касается прочего, то земля руянская богата плодами, рыбой и дикими зверями. Главный город этой земли называется Аркона⁶.

13. ПРЕВРАЩЕНИЕ ТЕЛА И КРОВИ

В лето от рождества Христова 1168-е был заложен новый рассадник веры в земле руянской, выстроены церкви и украшены присутствием священников. Раны платили дань королю данскому. И взял он у благородных мужей сыновей в заложники и увел их с собой в землю свою. Происходило же это в то время, когда саксы вели свои внутренние войны. После того, как господь возвратил им мир, герцог тотчас же отправил послов к королю данскому, требуя вернуть заложников и половину даней, которые раны платили, потому что было постановлено и присягой скреплено, что если бы король Дании какие-нибудь народы захотел покорить, то герцог оказывает ему помощь и, деля с ним труды, делит также и добычу. И когда король отказал и послы вернулись, не выполнив дела, герцог, побуждаемый гневом, призвал князей славянских и повелел, чтобы они отомстили данам. Будучи призваны, они сказали: «Мы готовы»,— и с радостью повиновались ему, который послал их. И открылись запоры и ворота, которыми раньше было закрыто море, и оно прорвалось, стремясь, затопляя и угрожая разорением многим данским островам и приморским областям. И разбойники опять отстроили свои кораб-

ли и заняли богатые острова в земле данской. И после длительного голода славяне [опять] насытились богатствами данов, растолстели, говорю я, разжирили, вширь раздались! От вернувшихся я слышал, что в Микилинбурге в рыночные дни насчитывалось пленных данов до 700 душ и все были выставлены на продажу, лишь бы только хватило покупателей¹.

Несчастье столь большого разорения было открыто некими предсказаниями. Ибо когда один священник в земле данской, называемой Альфзе², стоя перед святым алтарем, поднял чашу, собираясь вынуть частицу, вдруг ему явилось в чаше видение тела и крови. Когда он, наконец, пришел в себя от страха, то, не смея принять столь необычайное видение, он отправился к епископу и здесь представил чашу на обозрение собравшемуся духовенству. И когда многие стали говорить, что это сделано господом для укрепления веры в народе, епископ, обладая более высоким разумом, возразил на это, что страшные бедствия угрожают церкви и что прольется много крови христианской. Ибо, когда проливается кровь мучеников, каждый раз Христа снова распинают на кресте. Его пророческие предсказания сбылись: Ибо едва прошло 14 дней, как славянское войско, неожиданно напав, заняло всю эту землю, разрушило церкви и забрало в плен много народа, а всех сопротивлявшихся перебило острием меча.

Долго бездействовал король данов, не обращая внимания на разорение своего народа. Ибо короли данские, ленивые и распущенные, всегда нетрезвые среди постоянных пиршеств, едва ли когда-нибудь ощущают удары поражений, обрушивающихся на страну. Наконец, как будто разбуженный от сна, король данский собрал войско и опустошил небольшую часть земли черезпенян. Сын же короля, от наложницы рожденный, по имени Христофор³, с тысячью, как говорят, панцирников пришел в Альденбург, который по-дански называется Бранденхуз, и они поразили его приморскую часть. Церковь же, в которой ревностно

служил священник Бруно, не повредили, и также совсем не тронули владений пастыря⁴. Когда же даны возвращались, славяне пошли за ними следом и свой ущерб возместили мезтью, в девять раз большей.

Ибо Дания в большей части своей состоит из островов, которые окружены со всех сторон омывающим их морем, так что данам нелегко обезопасить себя от нападений морских разбойников, потому что здесь имеется много мысов, весьма удобных для устройства славянами себе убежищ. Выходя отсюда тайком, они нападают из своих засад на неосторожных, ибо славяне весьма искусны в устройстве тайных нападений. Поэтому вплоть до недавнего времени этот разбойничий обычай был так у них распространен, что, совершенно пренебрегая выгодами земледелия, они свои всегда готовые к бою руки направляли на морские вылазки, единственную свою надежду, и все свои богатства полагая в кораблях. Но они не затрудняют себя постройкой домов, предпочитая сплести себе хижину из прутьев, побуждаемые к этому только необходимостью защитить себя от бурь и дождей. И когда бы ни раздался клич военной тревоги, они прячут в ямы все свое, уже раньше очищенное от мякины, зерно и золото, и серебро, и всякие драгоценности. Женщин же и детей укрывают в крепостях или по крайней мере в лесах, так что неприятелю ничего не остается на разграбление,— одни только шалаши, потерю которых они самым легким для себя полагают. Нападения данов они ни во что не ставят, напротив, даже считают удовольствием для себя вступать с ними в рукопашный бой. Они питают страх лишь перед герцогом, который подавил силу славянскую с большим успехом, чем все герцоги, до него бывшие, большим даже, чем упомянутый Оттон⁵, и надел узду на челюсти их и куда захочет, туда их и поворачивает. Прикажет он быть миру, и они повинуются; объявит войну, и они говорят: «Мы готовы».

14. ПРИМИРЕНИЕ КОРОЛЯ ДАНСКОГО С ГЕРЦОГОМ

Король данский, увидев бедствия своего народа, понял, наконец, как хорошо жить в мире, и отправил послов к могущественному герцогу, прося его назначить ему место на реке Эгдоре для дружественного собеседования. И герцог прибыл на условленное место в день рождества св. Иоанна Крестителя. И король данский вышел ему навстречу и выразил свою готовность выполнить любое желание герцога. И признал за герцогом половину даней и заложников, которых дали ему раны, и равную долю казны из их святилища. И всему другому, что герцог счел нужным потребовать, король со смирением повиновался.

1171
24 июня

И опять возобновилась между ними дружба, и славянам было запрещено нападать в дальнейшем на данов. И опечалились лица славян из-за этого соглашения государей. И отправил герцог послов своих с послами короля в землю ран, и стали ему раны платить дань. И обратился король Дании к герцогу с просьбой, чтобы он дочь свою, вдову Фредерика, благородного князя роденбургского, отдал в жены сыну его, который был уже предназначен в короли. При вмешательстве великих государей герцог согласился и отправил дочь свою в Данское королевство¹, и настала великая радость у всех северных народов, ибо в одно и то же время и веселье и мир настали. И леденящее дыхание северного ветра превратилось в нежное дуновение южного, и прекратилось беспокойство со стороны моря, и затихли бури и непогоды. И воцарилось спокойствие на дороге, по которой переходят из Дании в славянскую землю, и ходили по ней женщины и дети, потому что все препятствия были устранены и не стало на дороге разбойников. Вся же земля славянская, начиная от Эгдоры, которая служит границей Дании и тянется на большом протяжении между Балтийским морем и Альбией до Зверина, некогда страшная засадами и почти пустынная, теперь, благодаря господу, вся обращена как бы в единую саксонскую коло-

нию. И воздвигаются здесь города и селения, и увеличивается количество церквей, и [растет] число служителей божьих. Прибислав же, оставив долголетние упорные восстания, понимая, что ему «трудно... идти против рожна»², успокоился, довольный размерами выделенной ему части³, отстраивал города Микилинбург, Илово и Росток⁴ и селил в их пределах славянские народы. И так как разбои славян беспокоили тевтонцев, которые жили в Зверине и его пределах, то правитель замка, Гунцелин, муж сильный и вассал герцога, приказал своим, чтобы если они обнаружат каких-нибудь славян, пробирающихся по глухим местам, и намерения тех не будут ясны, то чтобы, взяв их в плен, немедленно предавали их казни через повешение. И таким путем славяне были удержаны от грабежей и разбоев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Бузу (Vizu, Vozoe, Vuzoe, Vozove). Основываясь на трех последних написаниях, некоторые историки считали, что славянское название этого поселка, лежавшего на Плуньском озере, было Божово (см. И. Первольф. Германизация балтийских славян. СПб., 1876, стр. 122; W. Bogusławski. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII w., t. III. Poznań, 1892, str. 324). Потом — деревня Боссау (ФРГ).

² Имеется в виду разрушение Альденбургского епископства в результате восстания славян в 1066 г. Альденбург — немецкое название древнего города племени вагров Старгарда. Теперь — Ольденбург (ФРГ).

³ Герольд — священник, затем епископ альденбургский (1154—1163). По его инициативе епископская кафедра была в 1163 г. перенесена из Альденбурга в Любек (см. I, 89).

1

¹ Западный океан — одно из названий, применявшихся в раннесредневековых хрониках для обозначения Северного моря.

² Пояс по-латыни — balteus.

³ Под скифами Гельмольд, как и Адам Бременский, подразумевает восточных славян и народы Скандинавии.

⁴ В этом случае и далее при цитировании или пересказе Гельмольдом текста хроники Адама Бременского дается ссылка на изд. «Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Ed. 3. Hannoverae et Lipsiae, 1917. (Далее: Адам). Здесь — Адам, IV, 10.

⁵ Даны (dani) — датчане.

⁶ Свеоны (sueones, suedí) — шведы.

⁷ Этим термином Гельмольд, подобно Адаму, обычно называет норвежцев, изредка, как здесь, употребляя его по отношению ко всем скандинавским народам в целом (I, 3, 7).

⁸ Адам, II, 19.

⁹ Полоны (polani, poloni) — поляки.

¹⁰ Прусы (pruzi) — одно из литовских племен, истребленное в результате немецкой агрессии. Название его сохранилось в наименовании страны (Пруссия), некогда им заселенной.

¹¹ «из которых... богемцев» — перефразировка из Адама, II, 21, прим. 14. Богемцы (boemi) — чехи.

¹² Моравы (moravi) — одно из чешских племен. Каринтийцы (karinthe) — Гельмольд имеет в виду словинцев-хорутан, которые в VIII в. подпали под власть франков. Соробы (sorabi, surabi) — сербы-лужичане, обитавшие между р. Салой (приток Лабы) и Бобром (приток Одера).

¹³ Славянния (Sclavania, Sclavia) — так Гельмольд вслед за Адамом называет всю страну, населенную прибалтийскими славянами, реже — какую-нибудь часть ее.

¹⁴ Адам, II, 21. Но у него речь идет о поляках, а не об уграх (венграх).

¹⁵ Датское «Острогард» означает: «Восточная страна».

¹⁶ Адам, IV, прим. 120.

¹⁷ Адам, II, 22. Хуэ (Chue), у Адама Chive — Киев.

¹⁸ Русское море (Ruscenum mare) — трудно сказать, что подразумевал Гельмольд под этим названием. Учитывая его замечание, что оно представляет собой самый короткий путь в Грецию, можно допустить, что имеется в виду Ладожское озеро, по которому шел путь «из варяг в греки», но более вероятно, что Гельмольд называл так Балтийское море, подобно арабам, которые именовали его «морем русов и славян» (Бируни, XI в.).

¹⁹ Адальберт-Войцех (ок. 957—997) — с 982 г. пражский епископ. Вынужденный покинуть родину, в 996 г. появился в Польше. Погиб в земле прусов, к которым был направлен польским королем Болеславом I Храбрым с целью христианизации их.

²⁰ Адам, IV, 18.

²¹ Об этом вторжении венгров (мадьяр), имевшем место в 912—915 гг., Гельмольд, со слов Адама, рассказывает и далее (I, 8 и прим.).

²² Свевия — Швабия, одна из областей современной Гельмольду Германской империи.

²³ Британский океан — Северное море.

²⁴ Пражское епископство было основано в 975 г.; Оломоуцкое — в 1063 г.

²⁵ Адам, IV, 13.

²⁶ В Польше были в это время Гнезненское архиепископство и семь епископств: Познанское, Краковское, Вроцлавское, Колобжегское, Плоцкое, Крушвицкое (Куявское) и Любушское.

²⁷ У Гельмольда — ducēs, что означает «герцоги». Гельмольд упо-

требляет именно этот титул, применявшийся у него на родине по отношению к правителям отдельных частей Германии, как наиболее подходящий, очевидно, в его представлении для князей современной ему Польши периода феодальной раздробленности.

2

¹ Виниты, винулы (*winiŋi, winuli*) — разновидности термина «венды», употреблявшегося в раннесредневековых германских источниках для обозначения прибалтийских и полабских славян, на земли которых вели наступление немецкие феодалы; восходит к термину «венеды», под которым выступают раннеславянские племена у древних авторов.

² «к обширнейшей... называются» — перефразировка из Адама, II, 21.

³ Поморяне (*romerani*) жили по берегу Балтийского моря между низовьями Одры и Вислы. О расселении поморян и других прибалтийско-славянских племен см. Z. Sułowski. *Najstarsza granica zachodnia Polski.* — «Przegląd Zachodni». Poznań, 1952, N 3—4, str. 343—383.

⁴ «первыми... до Одры» — перефразировка из Адама, II, прим. 14.

⁵ Адам, II, 22. «в земле моравов» (*in saltu Marahogum*) — в ранних средневековых источниках моравы, моравыце выступают под названием *marahi, maraha, merhani* (см. Н. С. Державин. *Славяне в древности.* [М., 1946], стр. 43).

⁶ Альбия — Эльба (Лаба).

⁷ Адам, II, 22. У него сначала речь идет об Одре, потом об Альбии. Вильцы (*wilzi*) — см. о них I, 2, прим. 20.

⁸ Юмнета (*Jumnetā*) — искаженная форма датского названия *Юмпе*, приводимого Адамом для обозначения славянского города Волина, находившегося в юго-восточной части одноименного острова в устье Одры.

⁹ Адам, II, 22.

¹⁰ «Рассказывают... до основания» — перефразировка из Адама, II, прим. 56. Адам указывает имя короля: Магнус. Речь идет о разрушении им Волина в 1093 г. (см. F. Dahlmann. *Geschichte von Dänemark.* Hamburg, 1840, B. I, S. 86—88, 121—122).

¹¹ Адам, II, 22.

¹² Герулы, или гаволяне (*heruli, heveldi*). Герулы — название германского племени, встречающегося в источниках VI в. Цитируя Адама, Гельмольд добавляет это название от себя. Термин «гаволяне» как соответствие латинскому *heveldi* введен впервые в литературу П. Шафариком (из P. Šafařík. *Slovanské starožitnosti.* Praha, 1837, str. 833). Вторым названием этого племени было «стодоряне». Термин «стодоряне»,

как принято считать в литературе, являлся не только названием отдельного племени, но и общим названием для всей группы племен, живших на Гаволе (Гавель) и ее притоках Доше, Шпреве, Орде и др.

¹³ Дошане, любушане, стодоряне (*doxani, leubuzi, stoderani*) — славянские племена, их названия введены Шафариком (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833). Как по-славянски называлось племя вилинов (*wilini*), определить трудно. Гильфердинг не решился предложить славянское соответствие (см. А. Гильфердинг. История балтийских славян. СПб., 1874, стр. 4, прим. 9); польский историк Богуславский считал, что под термином вилины следует иметь в виду волянны, жителей о-ва Волина (см. W. Bogusławski. Dzieje, t. II. Poznań, 1889, str. 43).

¹⁴ Адам, II, 21.

¹⁵ Доленчане (*tholenzi*) — Шафарик (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833) передал этот термин славянским «доленцы», названием, которое утвердилось и в польской литературе (см. W. Bogusławski. Указ. соч., т. II, str. 43; K. Wachowski. Słowiańszczyzna zachodnia, t. I. Warszawa, 1903, str. 95). Принятый в нашей литературе в соответствии латинскому термин «доленчане» введен Гильфердингом (Указ. соч., стр. 3). Жили они к югу от р. Пены, впадающей в Одру у самого ее устья, между ней и Доленским озером.

¹⁶ Ратары (*gedarii*) — название славянского племени введено в литературу Шафариком (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833). Жили они к югу от р. Пены, южнее доленчан, между Доленским озером и верховьями Гаволы и Доши.

¹⁷ Адам, II, 21. Описание Ретры и святилища Редегаста дает Титмар («*Thietmari Chronicon*», кн. VI, гл. 17).

¹⁸ Черезпеняне, хижане (*oigciranī, kucini*) — эти термины введены Шафариком (Указ. соч., стр. 833); один только Гильфердинг принял второй, предложенный Шафариком, вариант для хижан — «кышане», изменив его на «кичане» (см. Указ. соч., стр. 2). Черезпеняне жили за р. Пеней, к северу от нее до Балтийского моря, хижане — к западу от них.

¹⁹ Димин находится на р. Пене у впадения в нее Доленницы. Теперь — Деммин.

²⁰ Вильцы, лютичи (*wilzi, liutici*) — еще до Адама Бременского и Гельмольда оба эти термина употреблялись в источниках как общее название группы четырех племен: ратарей, доленчан, черезпенян и хижан. Кроме этих двух, в средневековых источниках встречается и третье название — «велеты». Обо всех этих терминах см. у Шафарика (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 871—890). Все три термина одинаково вошли в научный обиход. В нашей литературе отдается предпочтение названию

«лютичи» (ср., например, Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943).

²¹ Глиняне — следуя Адаму, Гельмольд употребляет здесь термин *linguones*. Дальше, в главе 37, он называет это племя *лины*, или *линоги* (*lini, linoges*, стр. 102). Славянское название «глиняне» было введено П. Шафариком (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833, 904 и др.). Жили они близ Лабы, имея соседями на севере варнов, на западе — полабов, на востоке — лютичей. Польский историк Богуславский считал *lini* и *linguones, linoges* двумя разными племенами, из которых одно проживало по левому, другое — по правому берегу Лабы (W. Bogusławski. Указ. соч., т. II, стр. 38).

²² Варны (*wagnawi*) — жили на р. Варне, впадающей в Балтийское море. Толкование этого латинского термина как «варны» было введено А. Павнским («Полабские славяне». СПб., 1871, стр. 20) и А. Гильфердингом (Указ. соч., стр. 2).

²³ Бодричи (*obotriti*) — племя, жившее по побережью Балтийского моря от р. Травны до р. Варны. Термин введен Шафариком (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833). У Адама — *obodriti*. В литературе привелись оба термина. Бодричами называют этих славян Павинский, Гильфердинг, Первольф; термин «ободриты» утвердился в польской литературе; у нас предпочитал его Н. П. Грацианский. Гильфердинг употреблял для них еще название «рароги», основываясь на хронике Адама, приводящего термин *geregi* (II, 21; III, 20). Одновременно этот термин служил общим названием для группы племен, куда входили собственно ободриты-бодричи, вагры, глиняне, варны, полабы и др.

²⁴ Миклилинбург (*Mikilinburg, Mikelenburg*) — существует предположение, что славянское название этого города было Мехлин (см. J. Nalera. Pierwotne brzmienie nazw Meklemburga i Ratzeburga. — «Przegląd Zachodni», 1953, № 9—10). До недавнего времени возле деревни Мекленбург (ГДР) сохранялись развалины крепостного вала.

²⁵ Полабы (*polabi*) — Шафарик называет их полабцами (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833).

²⁶ Адам, II, 21. Рацисбург (*Racisburg, Racesburg*) — возможно, что славянское название города было Ратибор или Рацёнж, как полагает J. Nalera (Указ. соч.). Теперь — Ратцебург (ФРГ).

²⁷ Травна — р. Траве, впадает у Любека в Балтийское море.

²⁸ «Оттуда... вагров» — перефразировка из Адама, II, прим. 12. Вагры (*wagiri*) жили на крайнем северо-западе страны прибалтийских славян, от р. Травны до истоков р. Эгдоры и на о-ве Фембре.

²⁹ Адам, II, 21.

³⁰ Вемере — о-в Фембре (Фемарн), находится напротив Альденбурга (Старгарда).

³¹ Адам, IV, 18. Раны, или руяны (rani, ruani rupi) — населяли остров Рану (Руяну) в Балтийском море. Теперь — Рюген.

³² Вслед за Адамом Гельмольд употребляет термин «гех». Учитывая осторожное и обоснованное обращение хрониста с подобного рода терминами, мы перевели его не как «князь» или «царь», как это иногда делается при переводе отрывков «Хроники», посвященных ранам, а как «король», т. е. так, как переводится этот термин в случаях, когда он относится к германским государям.

³³ Адам, IV, 18.

3

¹ Карл Великий, король франков, потом римский император (768—814).

² Саксы, тюринги, франки — германские племена.

³ Пипин Короткий, король франков (741—768).

⁴ Адам, I, 8.

⁵ Там же.

⁶ То есть в землю франков.

⁷ Адам, I, 14.

⁸ Цитаты из Адама, I, 11. Заимствуя из разных глав Адама данные о войне франков с саксами, Гельмольд некритично объединяет факты, разные по хронологии. Война с саксами началась в 772 г., тянулась 32 года и окончилась в 804 г., т. е. действительно на 37-м году правления Карла, а восстание Видукинда, начавшееся в 782 г., было подавлено еще в 785 г.

⁹ Адам, I, 12.

¹⁰ Там же, I, 10.

¹¹ «будут... питания» — перефразировка из Адама, I, 12.

¹² Адам, I, 10.

¹³ Там же, I, 11. В правление Карла в Саксонии были основаны епископства в Мюнстере (776), Падерборне (777), Миндене (780), Оснабрюкке (780), Вердене (786), Бремене (787), Хильдесгейме (806) и Гальберштадте (до 814 г.). См. W. Giesebrecht. Geschichte d. deutschen Kaiserzeit. 2te Aufl. Braunschweig, 1860, B. I, S. 117; A. Schumann. Geschichte d. niedersächsischen Volks. Göttingen, 1839, S. 341—346.

¹⁴ Фризы — одно из германских племен.

¹⁵ К этому времени верховную власть франков признали лютичи и некоторые сербо-лужицкие племена (гломачи, мильчане).

¹⁶ Нордальбинги — племена саксов, жившие к северу от Лабы.

¹⁷ Проект Карла о создании в Гамбурге архиепископства как штаба христианизации соседних славянских племен относится к 810 г.

¹⁸ Адам, I, 14.

¹⁹ Король датский Готфрид (803—810).

²⁰ Адам, I, 14. Гемминг правил в 810—812 гг.; заключил мир с Карлом в 810 г. Эгдора — р. Эйдер, впадает в Северное море.

²¹ Константин Великий, византийский император (324—337).

²² То есть в Византии.

²³ Имеется в виду Ирина, византийская императрица (797—802).

²⁴ Карл был коронован папой Львом III в Риме в 800 г.

4

¹ Людовик Благочестивый (814—840).

² Анскарий, архиепископ гамбургский (831—865).

³ Проект Карла Великого об организации архиепископства в Гамбурге был осуществлен Людовиком в 831 г.

⁴ Папа Сергий II (844—847).

⁵ Цитаты из Адама, I, 22. Разделы империи между сыновьями Людовика происходили несколько раз еще при жизни отца. Окончательный раздел был оформлен Верденским договором в 843 г. Вслед за Адамом Гельмольд допускает ошибку: в 843 г. империя была разделена уже не на четыре, а на три части; младший сын Людовика, Пипин, умер в 838 г., и его часть, Аквитания, была передана Карлу.

5

¹ Адам, I, 21. Датчане действительно опустошили Фризию в 836—837 гг. Об этом см. F. Dahlmann. Указ. соч., т. 1, стр. 42. О нападении на Колонию (Кельн) в других источниках сведений нет. Разрушение Гамбурга относится к 845 г.

² Людовик II Немецкий (839—876).

³ Епископ бременский Людерих умер в 847 или 848 г.

⁴ Это объединение церквей состоялось в 848 или 849 г.

⁵ Иоанн, 10, 16.

⁶ Имеется в виду Гаральд I (826—852).

⁷ Рипа — в то время один из важнейших городов Дании, расположенный на побережье Северного моря, напротив Шлезвига. Теперь — Рибе.

⁸ Бирка — теперь г. Бьёркё.

⁹ Вероятно, у Эрика Дитяти, умершего несколькими годами позже Анскарня, т. е. после 865 г.

6

¹ «тех именно... Димина» — в этой фразе названия племен и географические названия взяты из Адама, II, 21.

² Адам, II, 21.

³ Правильнее Римберт, архиепископ гамбургский (865—888). См. А. Н а и с к. Kirchengeschichte Deutschlands. 8.te Aufl. Berlin — Leipzig, 1954, В. III, S. 654.

⁴ Унни — архиепископ гамбургский (919—936).

⁵ Корвейский монастырь был основан в 622 г. в Амьене. В 822 г., при Людовике Благочестивом (а не Людовике II, т. е. Немецком, как ошибочно указывает Гельмольд), монахи — выходцы из этого монастыря — открыли Новую Корвею, обитель на территории Саксонии, на р. Везер. Сюда были якобы перенесены из Франции мощи св. Вита. Об основании Новой Корвеи рассказывает Титмар (кн. VII, гл. 13).

⁶ Гельмольд смешивает здесь культ христианского св. Вита и языческого божества Святовита, которому поклонялись не только раны, но и другие прибалтийские славяне. Культ Святовита возник, разумеется, задолго до появления в Саксонии Ново-Корвейского монастыря с мощами св. Вита.

7

¹ Империи Карла Великого.

² Людовика Благочестивого.

³ У Гельмольда — *regulus*. Так он называет иногда славянских князей (и тогда этот термин переводится как «князь»). Здесь хронист применил термин «*regulus*» к сыновьям Людовика, который носил титул короля (*rex*'а); владельцы же отдельных частей его империи были в глазах Гельмольда *reguli*, — короли, так сказать, низшего ранга.

⁴ Лигер — р. Луара. Секвана — р. Сена.

⁵ Адам, I, 28. Фульдские анналы, из которых Адам, а через него и Гельмольд заимствовали рассказ об этих событиях, датируют их 845 г. Однако об осаде Парижа в них ничего не сообщается.

Под Карлом имеется в виду Карл Лысый, сын Людовика Благочестивого, король французский (843—877).

⁶ Адам, I, 28. Опустошение Лотарингии датируется 850 г.

⁷ Адам, I, 38.

Сусы (*susi*) — одно из сербо-лужицких племен, живших у впадения Салы в Лабу. Шафарик называл их суслями и сусельцами (P. Š a f a ř í k. Указ. соч., стр. 833, 913). Последний термин утвердился в литературе.

⁸ Бруно — герцог саксонский (866—880).

⁹ Теодорик — епископ минденский, погиб в 880 г.; Марквард — епископ хильдесгеймский (874—880).

¹⁰ Траектум — г. Маастрихт (Нидерланды).

¹¹ Тревер — г. Трир.

¹² Аквисграна — г. Ааахен (ФРГ).

¹³ Могонтия — г. Майнц (ФРГ).

¹⁴ Адам, I, 38.

¹⁵ Моза — р. Маас, приток Рейна.

¹⁶ Адам, I, 38.

¹⁷ Адам, I, 40. Карлу III Толстому, сыну Людовика Немецкого, пришлось продолжать начавшуюся еще до его вступления на престол в 880 г. войну с Данией. Бесславный исход войны послужил причиной низложения Карла в 887 г. на сейме в Требуре (ФРГ).

Арнульф (887—899) — сын Карломана. Закончил войну с датчанами в 891 г., разбив их в битве под Лувеном (Бельгия).

¹⁸ Адам, I, 47.

¹⁹ Адельгарий — архиепископ гамбургский (889—909).

²⁰ Гогер был архиепископом в 909—915 (917) гг., Рейнвард, по-видимому, в 917—918 гг.

²¹ Адам, I, 52. Людовик Дитя — последний представитель династии Каролингов, он правил в 900—911 гг.

²² «Низложенный... франков» — перефразировка из Адама, I, 52. Цитируя Адама, Гельмольд в его запись «anno Domini Hogeri Secundo Ludvicus Ruer depositus» (т. е. «на втором году правления архиепископа Гогера Людовик Дитя умер») внес от себя «gegno», чем придал совершенно другой смысл сказанному у Адама. В переводе сохранен текст Гельмольда.

Конрад (911—918) — представитель Франконской династии на германском престоле.

8

¹ Имеется в виду нашествие в 912—915 гг.

² Адам, I, 55.

³ «Тогда... до наших дней» — перефразировка из Адама, I, 53

⁴ То есть живущих по ту сторону Лабы, к югу от нее, в то время как нордальбинги жили к северу.

⁵ Игра слов. Имя правившего в это время датского короля было Горм, что соответствовало немецкому слову Worm (Wurm) и означало «червь». Речь идет о короле Горме II Старом (899—936).

⁶ Генрих I Птицелов, первый представитель Саксонской династии на германском престоле (919—936). Положил начало наступлению немецких феодалов на славян. Решительное поражение уграм было нанесено Генрихом I в битве 15 марта 933 г. Об этом см. W. Gieseberg'st. Указ. соч., т. I, стр. 230—233.

⁷ Имеется в виду битва под Ленчиным в земле глинян 4 сентября 929 г. Гельмольд повторяет ошибочное утверждение Адама об участии в этой битве чехов и сербов. Участвовали в ней и понесли поражение лютичи. Битва подробно описана Видукиндом («Widukindi Rerum Gestarum Saxonicarum libri tres», I, 36). Поход против чехов Генрих I совер-

шил в этом же году и принудил их платить ему дань. Согласно Видукинду (I, 35), сербы, точнее, одно только их племя, гломачи, подверглись нападению еще в 928 г., в результате которого Генрих завладел их городом Ганой. В том же году Генрих, по рассказу Видукинда, напал на гаволян и взял их город Бреннабург. Обо всех этих событиях см. W. Giesebrecht. Указ. соч., т. I, стр. 228—229; А. Павинский. Указ. соч., стр. 69—70; Н. Грацианский. Указ. соч., стр. 10; K. Tu-
mieniecki. Dzieje Niemiec do początku ery nowożytnej. Poznań, 1948, str. 178.

⁸ Гейдебо (Heidebo, Heidibo) — датское название Шлезвига. Генрих I совершил два похода против датчан: первый в 931 г., второй в 934 г., закончившийся установлением новой границы.

⁹ Правитель марки, военно-пограничного района. Такие марки, создававшиеся со времен Карла Великого на границах империи, служили плацдармами для подчинения соседних славянских племен.

¹⁰ «[Тогда и] даны... саксами» — вольная передача текста из Адама, I, 55—57.

¹¹ Потом король Гаральд II Синезубый (936—986).

¹² «Тогда святейший... ненависть» — перефразировка текста из Адама, I, 58—59.

¹³ Адам, I, 59.

¹⁴ Очевидно, Римберт, которого архиепископ Ансарий (см. гл. 4, прим. 2) поставил в 859 г. епископом в Швеции. См. об этом F. Dañl-
та p. Указ. соч., т. I, стр. 48. См. о нем еще гл. 6, прим. 3.

¹⁵ Адам, I, 60. Готами Гельмольд вслед за Адамом называет скандинавские народы. Если здесь речь идет о шведах, то ниже (см. стр. 50) — о норвежцах. У Адама имеется опущенный Гельмольдом текст: «Sueones et Gothi vel si ita melius dicuntur, Nortmanni» — «свеоны и готы, или, лучше сказать, нортманны» (Адам, I, 61). А нортманнами Адам называет чаще всего норвежцев.

¹⁶ Сембы (sembi) — имеется в виду племя, населявшее одну из прусских земель, Самбию (на территории нынешней Калининградской обл.). См. о них В. Т. Пашуто. Помезания. М., 1955, стр. 12, 21.

¹⁷ «Его омывает... Христова» — вольная передача текста из Адама, I, 60—62.

¹⁸ Адельдаг — архиепископ гамбургский (936—988).

9

¹ Оттон I Великий (936—973), с 962 г. германский император.

² Братья Оттона, Танкмар (побочный сын Генриха I) и Генрих, предъявили каждый свои претензии на престол. Первый был убит в 938 г., со вторым Оттон примирился в 941 г.

³ Гаральд II Синезубый.

⁴ «Король же... находилась» — перефразировка из Адама, II, 3.

⁵ «Король Оттон... у Шлезвига» — перефразировка текста из Адама,

II, 3.

⁶ Очевидно, имеется в виду Каттегат.

⁷ Война Оттона I с Данией завершилась, видимо, около 948 г.

⁸ Адам, II, 3. Жену датского короля Гаральда II звали Гунгильда. Свен Оттон — будущий король датский, Свен I Развилестобородый (986—987).

⁹ Адам, II, 3. В 948 г. были организованы 3 епископства: в Шлезвиге, Рипе и Орхусе.

¹⁰ Адам, II, 4.

¹¹ Там же.

¹² «доблестный король... славян» — перефразировка из Адама, II, 5.

¹³ Речь идет о восстании лужицких сербов, бодричей и гаволян. Поводом к нему послужила вероломная расправа маркграфа Геро со славянской знатью. Восстание было подавлено в 939 г. Подробно о нем пишет Видукинд (II, 21). См. А. Павинский. Указ. соч., стр. 75—77; Н. Грацианский. Указ. соч., стр. 11—12.

¹⁴ Адам, II, 5.

10

¹ Адам, II, 8.

² Адам, II, 8. Герман Биллунг — саксонский герцог (961—973). Он сам и все его преемники, представители его династии, были жестокими и беспощадными угнетателями славян.

³ Термин «манс» в средневековых памятниках обычно обозначал земельный надел крестьянина, или участок земли, находящийся в личном владении феодала (барская запашка). Иногда им обозначалась мера земли.

⁴ Гельмольд, следуя Адаму, допускает здесь неточности. Придя в 961 г. в Италию, Оттон был коронован в 962 г. папой Иоанном XII Октавианом (956—964). После ухода императора из Рима папа резко изменил свою политику по отношению к нему. В 963 г. Оттон вернулся, созвал собор, о котором сообщают Адам и Гельмольд, добился низложения Иоанна XII и папой поставил вместо него протуса (начальника папской канцелярии) Льва (Лев VIII, 963—964). См. об этом W. Giesebrecht. Указ. соч., т. I, стр. 454—468, К. Тушиепієскі. Указ. соч., стр. 192—199. Передвигая дату коронации Оттона с 962 на 963 г., Адам и Гельмольд утверждают, что коронация имела место на 28-м году правления Оттона (на самом деле на 27-м) и что со времени коронации Карла Великого в 800 г. прошло 153 года (Адам ошибся на 10 лет: надо было сказать 163 года, Гельмольд повторил его ошибку).

⁵ Издатель Адама, Шмейдлер, считает, что Оттон II, сын императора, не был в тот раз в Риме; впервые он побывал там в 967 г. во время третьего похода Оттона I в Италию (см. Адам, стр. 68, прим. 5).

⁶ Сыновей Беренгара II, захватившего итальянский престол в 950 г. На помощь в борьбе с ним призвала Оттона I вдовствующая королева Италии, Аделаида. Уже в первый поход в Италию Оттона в 951 г. ему удалось частично подавить движение Беренгара и захватить верховную власть над Италией, что было скреплено женитьбой Оттона на Аделаиде. Успехи Оттона, последовавшая затем его коронация дали Беренгару союзника в лице папы Иоанна XII. Только после низложения папы Оттону удалось окончательно расправиться с Беренгаром (963) и ликвидировать остатки движения, продолжавшегося еще некоторое время под руководством его сыновей. О борьбе итальянских феодалов за престол и участии в ней Оттона I см. J. F. D a m b e r g e r. *Synchronistische Geschichte der Kirche und der Welt im Mittelalter*, В. IV. Regensburg, 1852, S. 803—825, 886—948; К. Тумієнієскі. Указ. соч., стр. 190—191, 194—199.

⁷ Адам, II, 9—10.

11

¹ Магдебург был основан задолго до Оттона I (известен с 805 г.). Здесь речь может идти только об основании в Магдебурге в 968 г. архиепископства как штаба христианизации соседних славянских народов и подчинения их тем самым империи.

² Адальберт — архиепископ магдебургский в 968—981 гг.

³ Адам, II, 15. Адам делает ошибку, а Гельмольд повторяет ее: не на 35-м году правления Оттона, а на 33-м, так как Оттон вступил на престол в 936 г.

⁴ Епископства в Мерзебурге, Цейсе и Мейссене (земля лужицких сербов) были основаны в 968 г. Епископства в Бранденбурге (в земле гаволян) и в Гавельберге (в земле стодорян) основаны: первое в 948 г., второе в 946 г. Сала — приток Лабы. Славянское название Бранденбурга было Бранибор, или Бренна (см. J. N a l e r a. *Wrenna, pierwotna nazwa Wrandenburgu*, «Przegląd Zachodni». Poznań, 1952, N 7—8), Гавельбурга — Гаволин. Сейчас оба города находятся в ГДР.

⁵ Адам, II, 16. По мнению Шмейдлера, епископство в Альденбурге (в земле вагров) основано, по-видимому, в 948 г. (см. Адам, стр. 72, прим. 1), но возможно и раньше, в 946 г., как считает К. Тыменецкий (К. Тумієнієскі. Указ. соч., стр. 188).

¹ Марк как епископ альденбургский, и притом первый (см. стр. 55) отмечается лишь Гельмольдом. Адам указывает на него только как на епископа в Дании (II, 26), что между прочим, известно и Гельмольду. Шмейдлер высказал предположение, что до подчинения Магдебургу Альденбургское епископство было подведомственно архиепископству Майнцскому и что в это-то именно время Марк и был епископом альденбургским и посвящен был Майнцем (см. Адам, стр. 72, прим. 2, а также наст. изд., стр. 17).

² Теперь — Шлей, узкая бухта Балтийского моря, подобная реке, как ее иногда и называют (см. А. Павинский. Указ. соч., стр. 1; W. Boguslawski. Указ. соч., т. II, стр. 2, 15).

³ Священной Римской империи германской нации, как стала именоваться Германская империя после коронации Оттона I.

⁴ Лютилинбург — г. Лютьенбург в земле Шлезвиг-Гольштейнской (ФРГ).

⁵ Эквард (Эгвард), согласно Адаму (II, 16), был первым епископом альденбургским после подчинения епископства Магдебургу. Поставлен в 968 г., умер в 973 г. См. Н. Вреслау. Zur Chronologie und Geschichte der ältesten Bischöfe von Brandenburg, Havelberg und Aldenburg.— «Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte». В. I. Leipzig, 1888, S. 402, 407.

⁶ У Гельмольда — *regulus*. Так иногда он называет славянских князей, в большинстве случаев употребляя обычное «*prinsepъ*». Не считая удачным перевод слова «*regulus*» словом «королёк», как, вероятно, следовало бы, мы передаем его словом «князь», оговаривая это в каждом отдельном случае.

⁷ Единственное описание славянского плуга как участка земли, имеющееся в средневековых источниках. См. также I, 14 и 87.

⁸ Второе послание к коринфянам 5, 17.

¹ Оттон II (973—983).

² Король Франции Лотарь (954—986) и его брат Карл, претендент на престол после смерти Лотаря, соперник Гуго Капета, избранного в 987 г. Борьба Оттона II с ним из-за Лотарингии относится к 976—980 гг.

³ В 976 г. сарацины (арабы) вторглись в Южную Италию, принадлежавшую Византии. Оттон II вмешался в войну, стремясь присвоить Южную Италию себе. Потерпел поражение 13 июля 982 г.

⁴ Оттон III (983—1002).

⁵ Адам, II, 24. Бенно — Бернгард I, герцог саксонский (973—1011).

⁶ Правильнее: Вего — епископ альденбургский (973 — ок. 983). См. Н. Вреслау. Указ. соч., стр. 402, 407.

⁷ Еще Шафарик высказал предположение, что настоящее имя этого князя было Мстивой, а Биллугом он был назван при крещении, в честь герцога саксонского Биллунга. (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 856). Мнение это нашло поддержку у Гильфердинга (Указ. соч., стр. 388) и других (ср., например, W. Bogusławski. Указ. соч., т. II, стр. 325). Очевидно, это одно и то же лицо с князем бодричей, упоминаемым у Видукинда (III, 68) под 966 г., как считали Богуславский (Указ. соч., т. II, стр. 323) и Ваховский (K. Wachowski. Указ. соч., стр. 140). Видукинд называет его *subregulus*, а Адам Бременский и Гельмольд — *regulus*. Можно думать, что ко времени, о котором рассказывает хроника Гельмольда, Мстивой занял положение более высокое, чем рядовой *grünser*; быть может, он возглавлял бодрицкий союз. О Биллуге, его браке, его дочери Годике и т. д. см. любопытные, но спорные соображения: J. Magquart. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903, S. 318—321.

⁸ Мечислав, Мстислав — см. о нем I, 16, прим. 15.

14

¹ Выражение Гельмольда — «в городах, имеющихся в земле бодричей, деревни» — обратило на себя внимание еще Гильфердинга. Для него оно являлось свидетельством дробления этой земли на жупы с городами как их центрами (Указ. соч., стр. 105). Под жупами же он понимал союзы деревень и отождествлял жупу с русской вервью (там же, стр. 100). Надо думать, Гильфердинг был до известной степени прав. Очевидно, в это время бодричи жили сельскими территориальными общинами, в состав которых входили города (грады, гроды) — укрепленные пункты с прилегающими к ним деревнями.

² Колоны — феодально зависимые крестьяне.

³ В подлиннике: «*villa publica*».

⁴ Потом Гниссау. Богуславский предполагал, что в названии деревни Гельмольд пропустил начальное «г» и что по-настоящему оно звучало Гнезенна (W. Bogusławski. Указ. соч., т. III, стр. 324).

⁵ Ойльберг — далее Гельмольд называет эту гору Альберг (I, 49). О Зигеберге см. далее (I, 53).

⁶ Эзико стал епископом около 983 г., умер до 988 г. См. Н. Вреслау. Указ. соч., стр. 402—403, 407.

⁷ «Эквард... веры» — перефразировка из Адама, II, 26.

⁸ Адам, II, 26.

⁹ Адам Бременский (год рождения неизвестен — умер около 1085 г.), автор труда «Деяния гамбургских архиепископов» (*Gesta Hamtamburgensis ecclesiae pontificum*), из которого ряд глав заимствовал Гельмольд.

¹⁰ Адам, II, 26.

15

¹ Адам, II, прим. 24. В этом отрывке много неточностей. Болеслав I Храбрый (992—1025) действительно в 1002 г. обложил данью лужичан и мильчан, точнее, овладел их землями, но не в союзе с Оттоном III, а уже после смерти последнего. По Будишинскому миру, заключенному с Генрихом II в 1008 г., Лужицы и Мильско вошли в состав Польского государства. Ни Руси, ни, вероятно, прусских земель польский король данью не обложил. Против первой Болеслав совершил два похода, в 1013 и в 1018 гг., единственным последствием их для Польши явился захват Червенских городов. В землю прусов Болеславом была направлена миссия с епископом Адальбертом (I, прим. 19) во главе для проповеди там христианства. Однако миссия эта, преследовавшая, конечно, и политические цели, успеха не имела.

² Адам, II, 26—27. Мечислав, или Мстислав, — сын Мстивоя Биллуга, упоминаемый выше. Након, — возможно, князь Након, встречающийся у Видукинда (III, 50) в рассказе о войне лютичей с саксами в 955 г. (см. А. Г и л ь ф е р д и н г. Указ. соч., стр. 370; К. W a s h o w s k i. Указ. соч., стр. 139), или Након, князь славян, живущих на крайнем западе, известный Ибрагиму ибн Якубу («*Relacja Ibrahima ibn Jakuba*». W y d. T. K o w a l s k i. Кракów, 1946, str. 48). Об этом писал А. Куник и В. Розен («Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», ч. I, прил. к т. 32 «Записок АН», № 2, СПб., 1878). Зедерих не встречается ни в одном источнике. Маркварт выдвинул в свое время малопримлемую гипотезу о скандинавском происхождении и имени и самого князя (J. M a g q u a r t. Указ. соч., стр. 322—329). Судя по словам Гельмольда, как и Адама, у которого он заимствовал это сообщение, все три указанных князя правили в одно время. Поскольку этот отрывок датирован 968—988 гг., очевидно, и правление указанных князей относится к этому периоду.

³ Свен I (986—987).

⁴ «нарушилось... слабого силами» — перефразировка отрывка из Адама, II, 27.

⁵ «установил... пользуются» — перефразировка из Адама, II, 28.

⁶ «Подстрекаемые теми... сына» — перефразировка отрывка из Адама, II, 27.

⁷ «В этом столкновении... Юмнета» — развернутый пересказ оттуда же.

⁸ Адам, II, 28.

⁹ Там же.

¹⁰ Северное море.

¹¹ Гателен — Гадельн, территория между Везером и Лабой (ФРГ).

¹² Имеется в виду р. Лаба. Стадия — теперь г. Штаде в устье Лабы (ФРГ).

¹³ Этот совместный поход датчан и шведов (об участии шведов говорит Адам, II, 31) и битва в Стадии имели место в 994 г.

¹⁴ Виррага — р. Везер. Лестмона — теперь г. Лазум (ФРГ). Глинде-смор — болотистая равнина возле г. Люнебурга.

¹⁵ «опустошили всю... славу» — пересказ из Адама, II, 31—32.

16

¹ Адам, II, 42. Оттон III умер в 1002 г.

² Генрих II Святой (1002—1024). Он основал Бамбергское епископство в 1007 г.

³ Бернард II, герцог саксонский (1011—1059).

⁴ Восстание саксонских феодалов против императора началось в 1018 г. и продолжалось до начала 1020 г.

⁵ «ибо с того самого времени... к язычеству» — пересказ отрывка из Адама, II, 48

⁶ Адам, II, прим. 28.

⁷ Там же, 42.

⁸ «Мстивой просил... собаке» — пересказ из Адама, II, прим. 27.

⁹ Цитаты из Адама, II, 42, 43.

¹⁰ Там же, 43. У Адама этот рассказ ведется от имени датского короля.

¹¹ Там же, 44. Внутри этого текста приведена цитата из Послания к римлянам, 9, 18.

¹² Либенций Старый — архиепископ гамбургский (988—1013).

¹³ Адам, II, 45.

¹⁴ Там же, прим. 31.

¹⁵ Там же, прим. 30. Эта глава, как видно из настоящих примечаний, представляет собой компиляцию из нескольких глав Адама. Передельвая оригинал, соединяя отрывки из разных глав, хронист в общем сохраняет содержание Адама, внося лишь одно изменение от себя: небольшое примечание Адама, в котором тот в весьма сжатой форме передает версию о предполагавшемся браке славянского князя с племянницей саксонского герцога, Гельмольд развертывает в целый рассказ, причем претендентом на руку этой племянницы делает не сына Мстивоя, как у Адама, а самого Мстивоя.

В литературе существует вполне обоснованное предположение, что Адам, а вслед за ним и Гельмольд, объединили события, относящиеся к разным временам: всеобщее восстание прибалтийских славян в 983 г., т. е. при императоре Оттоне II и герцоге саксонском Бернарде I, и восстание в 1018 г. при императоре Генрихе II и герцоге Бернарде II. Такого мнения придерживались Богуславский (W. Bogusławski. Указ. соч., т. III, стр. 325—327), Маркварт (J. Marquart. Указ. соч., стр. 312—315), Ваховский (A. Wachowski. Указ. соч., стр. 141), Шмейдлер (Адам, стр. 102, прим. 3) и Гильфердинг (Указ. соч., стр. 388—393, 412—414). Путаница, внесенная хронистами, затруднила раскрытие упоминаемых имен.

До сих пор нет единого мнения о князе Мстивое. Все сходится только на том, что под одним именем скрываются два разных князя. Один, вождь восстания 983 г., это — Мстивой Биллуг (I, 13, прим. 7). Так считали Гильфердинг (Указ. соч., стр. 388) и Маркварт, причем последний отождествлял этого первого Мстивоя с тем Mistui, Mistuwoi, который упоминается у Титмара в кн. III, гл. 17 и 18, где речь идет о восстании 983 г., и в кн. IV, гл. 2, повествующей о появлении бодрицкого князя в числе других при дворе герцога в 984 г. (См. J. Marquart. Указ. соч., стр. 314—315). Мнение Маркварта поддержал Шмейдлер (см. Адам, стр. 102, прим. 4). Богуславский же полагал, что этот Мстивой был сыном Мстивоя Биллуга, братом Мечислава (W. Bogusławski. Указ. соч., т. III, стр. 325). Что касается второго князя, выступающего под именем Мстивоя у Адама и Гельмольда, то Богуславский отождествлял его с Мстиславом (Mistizlavus), встречающимся у Титмара в кн. VIII, гл. 4, описывающей выступление лютичей против этого князя, отказавшего им в поддержке во время похода Оттона II в союзе с ними на Польшу (см. W. Bogusławski. Указ. соч., т. III, стр. 441). Такое же мнение высказал и Маркварт (J. Marquart. Указ. соч., стр. 315—316 и 329), дополнив его предположением, что этот Мстивой, или Мстислав, одно и то же лицо, что и Мечислав (Missizla), сын Мстивоя Биллуга (см. I, 13, прим. 8 и I, 15, прим. 2). Гильфердинг считал этого второго князя не сыном Биллуга, а его внуком, сыном Мечислава (Указ. соч., стр. 412).

Неясно, кто скрывается под именем князя Мечидрага (Mizzidrag). Одни связывали его имя с восстанием 983 г. и видели в нем или Мечислава, сына Мстивоя Биллуга (W. Bogusławski. Указ. соч., т. III, стр. 325) или современного Биллугу князя вагров (J. Marquart. Указ. соч., стр. 314—315). Другие считали его участником восстания 1018 г. князем вагров, современником внука Биллуга (А. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 412).

Нет единого мнения в литературе и относительно упоминаемого неоднократно в главе маркграфа Теодориха. Одни считают, что на про-

тяжении всей главы речь идет о Теодорихе, маркграфе Северной (затем Старой) марки, преемнике Герона, в 983 г. отстраненном от должности. Так думали Павинский (Указ. соч., стр. 104), Гильфердинг (Указ. соч., стр. 392). Другие полагают, что в начале главы действительно упоминается этот маркграф Теодорих, умерший, по свидетельству Кведлинбургских анналов, в 985 г., а в конце главы — другой маркграф неизвестной марки, быть может, сын первого. Так думал Шмейдлер (см. Адам, стр. 102, прим. 10—11, стр. 104, прим. 1).

17

¹ Фольквард — епископ альденбургский (после 988 — ок. 992). См. Н. В g e s l a u. Указ. соч., стр. 403—404, 407. Регинберт стал епископом около 992 г., умер в 1013 или 1014 г. См. там же, стр. 404, 407.

² «Когда в Альденбурге... в Бремен» — пересказ из Адама, II, 46.

³ Либентий Старый.

⁴ Унван — архиепископ гамбургский (1013—1029).

⁵ Адам, II, 47.

⁶ См. I, 16, прим. 4. Развалины замка Скальцисбурга (Шальксбург, в ФРГ) существовали еще до недавнего времени.

⁷ Адам, II, 48—49. Бенно был поставлен в альденбургские епископы в 1014 г., умер он в 1023 г.

18

¹ Деричево, Морице, Куцин (Derithsewe, Morize, Suzin) — города Дассау, Мурица, Кюццин (ГДР).

² Вербен — город, находящийся в ГДР. Сейм состоялся в 1005 г.

³ Бернвард — епископ хильдесгеймский (993—1022). Хильдесгейм — город в ФРГ.

⁴ Мейнгер был поставлен епископом в Альденбурге в период между 1029 и 1032 гг., когда архиепископство Гамбургское занимал Либентий II, посвятивший его в епископы, по свидетельству Адама (II, 64). Умер до 1035 г. См. Н. В g e s l a u. Указ. соч., стр. 406, 407.

⁵ Абелин был поставлен епископом в период между 1035 и 1045 г., когда Гамбургским архиепископством ведал Алебранд. Умер в 1049 г. См. Н. В g e s l a u. Указ. соч., стр. 406—407.

19

¹ Адам, II, 66.

² Конрад II (1024—1039), император.

³ Гельмольд опустил здесь сказанное у Адама об Удо — «сын Мстивоя», — но далее (I, 20), говоря о Готшалке, сыне Удо, вспоминает деда его, Мстивоя. Сыном какого Мстивоя был Удо, трудно сказать. Вахов-

ский считал, что Удо был сыном Мстивоя Биллуга (A. Wachowski. Указ. соч., стр. 142), Шмейдлер (Адам, стр. 126, прим. 1) имеет в виду того Мстивоя, который под именем Мстислава известен Титмару (VIII, 4). Два первых князя были, очевидно, подобно Удо, племенными князьями бодрицкого объединения.

⁴ Готшалк — потом глава созданного им Бодрицкого государства (1031—1066). См. о нем Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 17—20; В. Д. Королюк. Государство Готшалка (в кн. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 336—355). Люнебург (Luneburg, Lunenburg) — город в ФРГ.

⁵ «Князьями... к народу винитов» — пересказ отрывка из Адама, II, 66.

⁶ Описанные события происходили в период 1029—1032 гг. Эзего (Eseho) — крепость Ессефельд на р. Стыри (Штер), впадающей в Лабу у самого ее устья. Теперь — Итцегоэ в ФРГ. Крепость Бокельдебург, или Бекельнбург, находилась в земле дитмаршей (см. «Helmoldi Chronica Slavorum». Hannoverae, 1868, S. 45, App. 2).

⁷ Кнут II Великий, король Дании, Норвегии и Англии (1018—1035).

⁸ «Через несколько дней... у него» — измененный отрывок из Адама, II, 66.

⁹ Готшалк женился на Зигрид, дочери племянника Кнута II, короля Свена Эстритсона (1047—1076).

20

¹ После 1044 г., как полагает Н. П. Грацианский (Указ. соч., стр. 18). О событиях, происходивших в бодрицкой земле во время отсутствия Готшалка, см. Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 17—18. В. Д. Королюк. Указ. соч., стр. 344.

² «И во все края... [христианства]» — вольная передача отрывка из Адама, III, 21.

³ Адам, III, 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 19.

⁶ Леонтия, или Ленчин (см. I, 22).

⁷ Магнополь (Magnopolis) — латинское название Микилинбурга. См. I, 2, прим. 24.

⁸ Адам, III, 20.

21

¹ Кнут III — датский король (1035—1042).

² Война между племенами, входившими в объединение лютичей, происходила в 1057 г. и закончилась отпадением черепенян и хижан от союза.

⁸ «В те дни... не вспомнили» — пересказ из Адама, III, 22. Гельмольд внес изменения: по Адаму, ратары и доленчане содержали войска своих союзников в течение 7 недель, у Гельмольда — 6, по Адаму, мир был куплен за 15 тысяч талантов, у Гельмольда таланты заменены марками.

22

¹ Альденбургское епископство распалось на епископства Микилинбургское, Рацесбургское и Альденбургское.

² Адальберт, архиепископ гамбургский (1043—1072).

³ Генрих III (1039—1056).

⁴ Папа Лев IX (1049—1054).

⁵ «Из них... Микилинбург» — перефразировка из Адама, III, 21. Это был епископом альденбургским в 1049—1082 гг., Иоанн — микилинбургским в 1052—1066 гг.

⁶ Адам, III, прим. 80.

⁷ Походы Генриха III против славян относятся к 1045, 1055 и 1056 гг. См. Н. П. Г р а ц я н с к и й. Указ. соч., стр. 19—20.

⁸ Генрих IV (1056—1106).

⁹ О борьбе феодалов в начале правления Генриха IV см. К. Т у ш е н ь с к и й. Указ. соч., стр. 334, 342.

¹⁰ «Немного времени... Гереман» — перефразировка из Адама, III, 43. Ордульф был герцогом саксонским в 1059—1072 гг. О брате его, графе Геремане (Германе) см. Адам, III, 43—45.

¹¹ Князь Готшалк был убит в 1066 г. Со смерти герцога саксонского, Бернарда II, прошло не 5, как указывает Гельмольд, а 7 лет.

¹² Бытие, 15, 16.

¹³ Псалтирь, 101, 14.

¹⁴ Перефразировка из Первого послания к коринфянам, 11, 19.

¹⁵ Маккавей — библейский персонаж. По преданию, Маттафия, по прозвищу Маккавей, восстал против господства чужеземных захватчиков его родины, Иудеи. После его смерти пятеро сыновей Маккавея продолжали борьбу.

¹⁶ 7 июня.

¹⁷ 15 июля. «И вот муж...июля» — пересказ из Адама, III, 50.

¹⁸ Адам, III, прим. 79.

23

¹ Адам, III, 51. Четвертые иды ноября — 10 ноября.

¹ Генрих — впоследствии глава бодрицкого государства.

² Бутуй (Butue). Богуславский (W. Boguslawski. Указ. соч., т. II, стр. 510), Ваховский (A. Wachowski. Указ. соч., стр. 145) переводили это имя как Будивой; Грацианский читал его Буту (Указ. соч., стр. 21).

³ Адам, III, 51.

⁴ Там же, III, прим. 81.

⁵ Там же, III, 51. Цитата внутри текста из Псалтири (78, 1). О восстании славян в 1066 г., роли в нем Блюссо, о причинах гибели Готшалка см. В. Д. Королук. Указ. соч., стр. 351—355.

⁶ Не на 8-м, а на 11-м году. Генрих IV правил в 1056—1106 гг.

¹ Крут (Cruto) — князь, происходивший из племени ран и правивший Бодрицким государством в 1066—1093 гг. См. о нем Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 20—22. Шафарик (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 860), а вслед за ним Богуславский (W. Boguslawski. Указ. соч., т. II, стр. 511) читали это имя как Крук; Ваховский (A. Wachowski. Указ. соч., стр. 145) — как Крут, Грацианский (Указ. соч., стр. 20) — как Крутой. Очевидно, правильнее всего Крут; как краткая форма общеславянского прилагательного, более употребительная в эти древние времена.

² Барды — одно из германских племен.

³ Магнус, герцог саксонский (1071—1106). Матерью его была Вульфилда, дочь Свена II Эстритсона.

⁴ Плуня (Castrum Plunense, Plüne), в дальнейшем назывался Плёен (Plöön), расположен на озере того же названия (ФРГ).

⁵ Свала — приток р. Стыри (Штер), впадающей в Лабу.

¹ Основываясь на сведениях, почерпнутых из Люнебургского некролога, Лаппенберг датой смерти Бутуя считает 8 августа 1071 г. (см. «Helmoldi Chronica», S. 57, Anm. 2). Шмейдлер полагает, что Бутуй погиб самое раннее 8 августа 1074 г., может быть, даже 1075 г. (Адам, стр. 194, прим. 3).

² Исаяя, 9, 12.

³ Гарц — горный хребет в ФРГ.

¹ Послание к филиппийцам, 2, 15.

² Второзаконие I, 19.

³ Генриха IV.

⁴ Наставником Генриха IV в юности был архиепископ Адальберт.

⁵ Оттон Нордгеймский, герцог баварский до 1070 г.

⁶ Вельф I, герцог баварский в 1070—1077 гг.

⁷ Гарцберг — г. Гарцбург (ФРГ). Здесь находился дворец Генриха IV.

⁸ Вицело, или Вернер (1063—1078).

⁹ Букко — Бурхард (1059—1088), родственник Вицело (Вернера).

¹⁰ Магнус — герцог саксонский (1071—1106).

¹¹ Удо — очевидно, маркграф Северной марки. Умер в 1082 г.

¹² Родульф — правильное Рудольф, герцог швабский, родственник Генриха IV.

¹³ Унстрот — правильное Унструт, приток р. Салы. Восстание саксонских и тюрингских феодалов против Генриха IV имело место в 1073—1075 гг.; решающее сражение на указанной реке произошло 9 июня 1075 г.

¹ Папа Григорий VII (1073—1085).

² Николаиты — одна из ранних христианских сект в Сирии и Малой Азии, якобы проповедовавшая общность жен.

³ В действительности события происходили несколько иначе. С вступлением на папский престол Григория VII между папами и германскими императорами началась длительная борьба за инвеституру, точнее, за право инвеституры, т. е. назначения и утверждения духовных лиц в сане. Григорий VII добивался исключительного признания этого права за папским престолом и высшим духовенством. На этой почве возник острый конфликт между ним и Генрихом IV. В ответ на распоряжение папы, запрещавшее императору и вообще светским лицам назначать епископов, Генрих IV созвал собор в Вормсе в 1076 г., на котором папа был низложен. То же было сделано в этом же году на соборе епископов Италии в Павии (об этих соборах см. А. Н а и с к. Указ. соч., т. III, стр. 799). Тогда Григорий VII отлучил императора от церкви. Создававшая угроза детронизации заставила Генриха IV искать примирения с папой. В январе 1077 г. он пришел в Каноссу, замок в Северной Италии, где находился в это время папа, и якобы в течение трех дней в одежде кающегося грешника простоял перед воротами замка, пока папа не снял отлучения.

⁴ Имеются в виду императоры германские, носившие в качестве императорской регалии украшенный крестом шар (якобы земной шар).

⁵ В подлиннике: «*Petra dedit Roman Petro, tibi papa согонат*». *Petra* (лат.) — «скала», «камень». Трудно переводимая игра слов.

⁶ Действительно, несмотря на примирение Генриха IV с папой часть светских и духовных феодалов при поддержке папы избрала в 1077 г. антикоролем Германии Рудольфа Швабского.

29

¹ Эта глава, как и главы 30, 33, 45, 58, 76 (кн. I), 1 и 2 (кн. II), не имеет названия.

² Епископ Вернер II (1065—1077).

³ Лангобардия — Ломбардия.

⁴ Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, в дальнейшем один из вождей первого крестового похода (1096). Умер в 1100 г.

⁵ Марциполис — Мерзебург.

⁶ Рудольф умер в 1080 г..

30

¹ Виберт — антипапа Климент III (1080—1100) был утвержден на соборе в Бриксене (Тироль) в 1080 г., когда одновременно, очевидно, был низложен Григорий VII; интронизирован только в 1084 г. после того, как Генриху IV удалось овладеть Римом. См. А. Н а и с к. Указ. соч., т. III, стр. 883. С 1080 г. начался раскол в Римской церкви.

² Коронация Генриха IV состоялась в Риме 31 марта 1084 г.

³ Перефразировка из Исаяи, 8, 14.

⁴ Аббат Дезидерий был назначен Григорием VII себе в преемники. Став папой, он принял имя Виктора III (1085—1088). После него был папа Урбан II (1088—1099), затем — Пасхалий II (1099—1118).

⁵ Герман, граф Люксембургский, был избран саксонскими феодалами в короли в 1081 г., умер в 1088 г. Происхождение его прозвища установить не удалось.

31

¹ Генриха IV.

² Петр — один из проповедников крестового похода, пустынный Петр Амьенский (происходивший из г. Амьена во Франции, а не из Испании, как пишет Гельмольд), или Петр Еремит (1053—1115). Результатом его проповеди явился предшествовавший походу феодалов «поход бедноты», поход крестьян Северной и Средней Франции, а также Западной Германии. Дата на полях — неверная: надо 1096 г.].

³ Первый крестовый поход начался в 1096 г. Готфрид Бульонский был одним из его вождей; вместе с братом он возглавлял феодалов Лотарингии.

⁴ Никея — город в Малой Азии, теперь — Изник. Был осажден крестоносцами в 1097 г., но взять его им не удалось. Антиохия — тогда город в Сирии, теперь город Антахья в южной Турции, был взят в 1098 г.

⁵ В 1099 г. здесь крестоносцами было образовано Иерусалимское королевство, охватывающее Палестину и южную Сирию. Во главе его стал Готфрид Бульонский.

32

¹ Иоанн, 10, 16.

² Сын Генриха IV, будущий Генрих V, был коронован королем Германии при жизни отца в 1093 или 1094 г. в Аахене.

³ Епископом в Могонтии (Майнце) был в это время Рутард (1088—1109) в Колонии (Кельне) — Фредерик (1100—1131), в Вормсе — Адальберт (1070—1107).

⁴ Гельмольд называет Генриха IV здесь и иногда дальше королем («гех»). Сейм постановил отнять у Генриха корону, и он стал в глазах Гельмольда уже не императором, а лишь королем.

⁵ Ингельсгейм — резиденция Генриха IV, теперь Нидерингельсгейм на Рейне (ФРГ).

⁶ Описка. Надо: 1106 — год низложения Генриха IV.

⁷ Генрих V (1106—1125).

33

¹ Линтбург, — по-видимому, теперь провинция Лимбург в Нидерландах.

² Очевидно, Генрих I, граф лимбургский (1081—1119).

³ Леодиум — Льеж (Бельгия).

⁴ Маз — р. Маас, приток Рейна.

⁵ Даниил, 13, 52—53.

⁶ Вторая книга царств, 16, 11.

⁷ Гебхард II, епископ спирский (1105—1110).

⁸ Иов, 19, 21.

⁹ Первое послание к коринфянам, 11, 32.

¹⁰ Давид — библейский царь, убивший, по преданию, своего сына.

¹¹ То есть Генрих V.

34

¹ Генрих вернулся, видимо, около 1093 г.

² Генрих правил в годы 1093—1127. О нем см. Н. П. Г р а ц и а н с к и й. Указ. соч., стр. 22—24.

³ Генрих приходился Магнусу, герцогу саксонскому, двоюродным

братом. Матери их были сестрами, дочерьми датского короля Свена II Эстритсона.

⁴ Смилово — недалеко от Рацисбурга.

⁵ Старый Любек (славянское название его было, возможно, Любича) лежал у впадения Швартау в р. Травну, у самого ее устья.

35

¹ Людер — герцог саксонский (1106—1125), потом, император под именем Лотарь.

² Граф Отто фон Балленштедт. Умер в 1123 г.

³ Адальберт (Альберт, Альбрехт) Медведь (1100—1170) с 1134 г. — маркграф Северной (Бранденбургской) марки, один из главных организаторов агрессии немецких феодалов против славян.

⁴ Катулл — Генрих VII Черный, герцог баварский (1120—1126).

⁵ Не Генриха Льва, а отца его, Генриха Гордого, герцога баварского (1126—1138).

⁶ Готфрид — граф голштинский.

36

¹ Адольф I, граф голштинский (1110—1127).

² 1 сентября.

³ Это нападение ран на Любек произошло в 1110 г.

⁴ Гельмольд употребляет здесь термин король («тех») и далее называет Генриха то королем, то князем («princeps»).

37

¹ Брижане (brizani) жили по соседству с глинянами, по Нижней Лаббе, возле устья р. Гаволы. Входили в группу стодорян. Термин введен в литературу Шафариком (P. Šafařík. Указ. соч., стр. 833). Так же называли их Гильфердинг, Богуславский и др. У Грацианского — брижане (Указ. соч., стр. 3, 23).

² Н. П. Грацианский (Указ. соч., стр. 23) называет Мстивою (Mistu) Мистуй.

³ Лины, или линоги, — глиняне. См. I, 2, прим. 21.

⁴ Об этом походе Генриха см. Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 23.

38

¹ Вторая книга царств, 17, 11.

² Гельмольд спутал здесь два разных города, Волегощ и Волин. Это о последнем сложилось предание, что он якобы основан Юлием Цезарем.

рем, повод к чему дало название Юлин, под которым он выступает в некоторых источниках. Первый же в этих источниках именуется Голлогост. См. «Helmoldi Chronica», S. 79, Anm. 3; «Helmoldi Cronica», S. 74, Anm. 5; K. Tymieniecki. Podgradzia w północno-zachodniej Słowiańszczyźnie i pierwsze lokacje miast na prawie niemieckim.— «Slavia Occidentalis», t. II. Poznań, 1922, str. 72—73.

³ Герцога саксонского.

⁴ Богуславский (W. Bogusławski. Dzieje, t. 3, str. 552), а в последнее время и Грацианский (Указ. соч., стр. 23) относили эти походы Генриха к 1113 и 1114 гг. Едва ли это верно. В конце главы Гельмольд говорит, что «Генрих, прожив после этого еще не очень долгое время, смертью своей положил конец войне». Генрих умер в 1127 г. Едва ли бы Гельмольд мог определить промежуток в 13 лет как «не очень долгое время». Видимо, Генрих ходил на ран в 1123 и 1124 гг

39

¹ Генрих IV.

² Генрих V.

³ Генрих V совершил этот поход в начале 1111 г.

⁴ Коронация Генриха V состоялась в апреле 1111 г. Начавшаяся еще при Генрихе IV борьба между папством и императорами за инвеституру продолжалась при Генрихе V. Испуганный требованием императора (чтобы церковь в случае передачи права инвеституры в ее руки отказалась от земельных владений), папа Пасхалий пошел на уступки и выдал Генриху привилегию, признававшую за императором право ставить епископов.

40

¹ Собор состоялся в 1112 г. в Латеране (резиденция пап в Риме).

² В подлиннике: «*non privilegium, sed pravilegium*».

³ Альберт — канцлер Генриха V с 1106 г., архиепископ майнцский в 1111—1137 гг.

⁴ Имеются в виду многократные выступления саксонских феодалов против Генриха IV.

⁵ Рейнгер — правильнее Рейнгард (1106—1123).

⁶ Вельфесхольт — Вельфесгольц, лес неподалеку от Гербштедта, (ФРГ).

⁷ Гогер фон Мансфельд. Убит в 1115 г.

⁸ Брак Генриха V с Матильдой, дочерью английского короля Генриха I, состоялся в 1114 г.

⁹ Бурдин — антипапа Григорий VIII с 1118 г. Свергнут в 1121 г., умер в 1122 г.

¹⁰ Геласий II был избран в папы в 1118 г. После назначения Генрихом V антипапы Григория VIII бежал в Бургундию, где в 1119 г. скончался.

¹¹ Эггегард — Эккехард (ум. ок. 1125 г.), аббат монастыря возле Бамберга, автор всемирной хроники, охватывающей события 1106—1125 гг.

¹² Оттон, епископ бавембергский (бамбергский) в 1102—1139 гг. Был два раза, в 1124 и 1128 гг., у поморян с проповедью христианства.

¹³ Болеслав III Кривоустый (1102—1138).

¹⁴ Варцислав I — князь поморский (1124—1136).

41

¹ Император Лотарь (1125—1137).

² Конрад — герцог франконский, из рода Гогенштауфенов. После восшествия Лотаря на престол объявил себя в 1127 г. королем, рассчитывая на поддержку Италии. В 1134 г. признал себя вассалом Лотаря. Впоследствии император.

³ Лотарь был коронован папой Иннокентием II (1130—1143) в 1133 г.

⁴ Гельмольд применяет здесь единственный раз по отношению к Генриху титул «*regulus*». Ср. выше гл. 36, прим. 4.

⁵ Вицелин (род. в 1086 г.) — священник, епископ альденбургский к 1149—1154 гг.

⁶ Послание к филиппийцам, 2, 15.

42

¹ Минден, на р. Везер (ФРГ).

² Теперь — Хамельн (ФРГ), на р. Везер.

³ На территории теперешней ФРГ.

⁴ Стаций Публий Палиний — поэт Римской империи (ум. ок. 95 г.). Его поэмы «Фиваида» и «Ахиллеида» пользовались большой популярностью и в эпоху средних веков.

⁵ Екклесиаст, 12, 11.

⁶ Теперь — Падерборн (ФРГ).

⁷ Часть церковной службы, когда одно лицо в хоре поет или читает стих из священного писания, а другие ему отвечают.

43

¹ Местонахождение Феуле не установлено. Лаппенберг считал, что под этим названием следует иметь в виду Фуелен, или Фулен, в графстве Сквенбург («*Heimoldi Chronica*», S. 91, Anm. 1).

44

¹ Фредерик — архиепископ гамбургский (1104—1123).

45

¹ Адальберт (Адельберо) — архиепископ гамбургский (1123—1148).

² Ученик Ансельма Кентерберийского, богослова и философа, Ансельм (1050—1117) и брат его Радольф основали в г. Лане (Франция) богословскую школу, пользовавшуюся широкой известностью.

³ Низший духовный сан.

⁴ Езекия — иудейский царь (Исайя, 38, 3).

⁵ Лаппенберг сообщает, что имя священника Тетмара встречается в 1139—1142 гг. в бременских грамотах («Helmoldi Chronica», S. 92, App. 2).

46

¹ Нотберт, архиепископ магдебургский (1126—1134).

² Современный Верден (ФРГ).

³ Генрих умер в 1127 г.

⁴ См. I, 48.

47

¹ Милеторп — теперь Мельдорф (ФРГ).

² С 1163 г. Фальдера по основанному в ней монастырю (см. I, 93) стала называться Неймюнстер. Находится в ФРГ.

³ Маркрад — старейшина вагрской земли.

⁴ Послание к филиппийцам, 2, 15; Второзаконие, I, 19.

⁵ Бытие, 15, 16; Псалтирь, 101, 14.

48

¹ Кнут был убит в 1127 г. Святополк княжил до 1129 г.

² Гильфердинг (Указ. соч., стр. 139) говорит, что развалины этого укрепления находились возле г. Швана на р. Варнове.

³ Богуславский считает, что это был город Хижин (W. Boguslawski. Указ. соч., т. III, стр. 553).

⁴ Дазо — представитель голштинской знати. В грамоте саксонского герцога Генриха Льва от 1149 г. Лаппенберг обнаружил среди «первых» Гользатин некоего Фергота, сына Дазо («Helmoldi Chronica», S. 100, App. 1).

⁵ Звинике (Zwīnīke) был убит около 1129 г. графом Зигфридом Эртенебургским. Павинский читал это имя как Звенько (Указ. соч.,

стр. 150); Богуславский считал его сокращением от имени Свято-слав (W. Boguslawski. Указ. соч., т. III, стр. 553); Грацианский переводил как Званко (Указ. соч., стр. 24). Эртенебург — г. Артленбург на правом берегу Лабы.

49

¹ Кнут Лавард, сын Эрика III Доброго (1095—1103), бодричский король в 1129—1137 гг.

² Николай (Нильс) — король датский (1104—1131), умер в 1134 г

³ Магнус — впоследствии король Швеции (1129—1131).

⁴ Тогда еще герцогу саксонскому Людеру.

⁵ Мать Генриха происходила из датского королевского дома (см. гл. 19, прим. 9), поэтому Кнут считал себя вправе предъявлять претензии на Бодричское королевство.

⁶ Поскольку Гельмольд называет Прибислава племянником короля бодричей, Генриха, постольку его можно считать сыном Бутуя, брата Генриха. Так полагал и Богуславский (W. Boguslawski. Указ. соч., III, стр. 553).

⁷ Относительно даты смерти Адольфа I, графа голштинского, существуют разные мнения. По одной версии, он умер в 1127 г., по другой — в 1131 г. (как отмечено и на полях «Хроники»), по третьей — в 1133 г. Упоминание наряду с этой смертью о походе Лотаря в Чехию (см. ниже) побуждает остановиться на первой дате.

⁸ Имеется в виду поход Лотаря в 1126 г., закончившийся его поражением при Хлумце.

⁹ Адольф II, граф голштинский (1128—1164). Год начала его правления так же неизвестен, как год смерти его отца. Одни считают, что он начал править в 1128 г., другие — в 1133 г. Очевидно, первая дата правильнее.

50

¹ Маргарита, жена короля датского Нильса, вдова короля норвежского Магнуса II (1093—1103).

² Ингеборг, дочь князя новгородского Мстислава Владимировича, внучка Владимира Мономаха.

51

¹ Эрик IV Эмун (1134—1137), король датский.

² Действительно, король Эрик одно время носил прозвище Гаревфорд, т. е. Заячья нога (см. F. Dahlman. Указ. соч., т. I, стр. 233).

³ Скония — Скона, область в южной части Скандинавского полуострова. В средние века принадлежала Дании, теперь принадлежит Швеции.

⁴ Потом король датский, Свен III (1147—1157).

⁵ Затем король датский, Вальдемар I Великий (1157—1182).

⁶ Впоследствии король Дании, Кнут V, соправитель Свена III (1147—1157).

52

¹ Прибислав стал князем вагров в 1125 г.; год смерти неизвестен.

² Никлот, князь бодричей (1125—1160).

³ Ср. I, 6 и II, 12.

53

¹ Теперь — Бардовик (ФРГ).

² Адольфа I, графа голштинского.

³ Крепость Зигеберг (Segeberch, Sigeberch) была воздвигнута на горе Альберг. Современный г. Зегеберг (ФРГ).

54

¹ Генрих Вельф X Гордый, муж Гертруды, дочери Лотаря, герцог баварский (1126—1138), с 1137 г. и герцог саксонский.

² Рожер II, король сицилийский (1130—1154), объединил в своих руках, кроме Сицилии, еще Апулию и Калабрию. Лотарь был призван в 1136 г. на помощь папой. После смерти Лотаря Рожер вновь завладел Апулией.

³ Лотарь был похоронен в монастыре св. Людгера возле г. Гельмштета (ФРГ).

⁴ Маркграф Адальберт — см. I, 35, прим. 3.

⁵ Конрад III, император (1138—1152).

⁶ См. I, 35, прим. 3—5.

55

¹ Павинский считал имя Раце сокращением от Ратибор (Указ. соч., стр. 152), так же Грацианский (Указ. соч., стр. 25).

² Описанные выше события происходили, видимо, в 1138 г.

³ Эрик IV Эмун был убит в 1137 г.

56

¹ Следует — Генрихом Гордым (отцом Генриха Льва).

² Генрих фон Бадевиде, тогда граф голштинский

³ Адольф I, граф голштинский, отец Адольфа II.

⁴ Следует — Генрих Гордый.

⁵ Теперь — Крейтцбург (ГДР).

⁶ Генрих Лев (Вельф XI), герцог саксонский (1142—1178), как и Альбрехт Медведь, один из активнейших организаторов и участников агрессии немецких феодалов против славян. За отказ в поддержке во время похода в Италию лишен императором Фридрихом Барбароссой владений и изгнан из Германии. Умер в 1195 г.

⁷ Гертруда, вдова Генриха Гордого, в 1142 г. вышла замуж за маркграфа австрийского Генриха II Язомиргота (с 1143 г.— герцог баварский, в 1156—1177 гг.— герцог австрийский).

57

¹ Свентинфельд, или Бурнговеде,— теперь Борнгефт (ФРГ).

² Гильфердинг считал, что так называлось озеро, расположенное к западу от Плунского озера (Указ. соч., стр. 54, прим. 158). Но Гельмольд ниже (I, 63) называет Агримесов рекой. Шмейдлер считает его холмом (горой) к востоку от Бурнговеде («Helmoldi, Cronica», S. 11).

³ Даргунский округ — на западе вагрской земли (ГДР).

⁴ Утинский округ — центральный район Вагрии (ФРГ).

⁵ Сусле — земля, населенная племенем сусельцев (ФРГ).

⁶ Буку,— очевидно, славянское название поселка было Буково, или Буковец.

⁷ Вокница — Вакениц, приток Травны.

⁸ Новый Любек был заложен в 1143 г.

58

¹ Кузалина, или Гагерсторп, находилась на берегу р. Травны, в округе Зеgeberга. Согласно Лаппенбергу, потом она стала называться Гегерсдорф. («Helmoldi Chronica», S. 117, Anm. 1). Теперь находится на территории ФРГ.

59

¹ Папа Евгений III (1145—1153).

² Бернард Клервоский (1091—1153). С 1115 г.— аббат основанного им монастыря в Клерво.

³ Франкеворд — Франкфурт-на-Майне (ФРГ).

⁴ Имеется в виду второй крестовый поход (1147—1149).

⁵ Герцог швабский Фредерик, племянник короля Конрада III, впоследствии германский король и император Фридрих I Барбаросса.

⁶ Очевидно, имеется в виду участвовавший в походе герцог Генрих Лев.

⁷ Людовик VII, король французский (1137—1180).

60

¹ Мануил I Комнин, император Византии (1143—1180).

61

¹ Современный Оporto в Португалии.

² Св. Яков — Яго ди Компостелла.

³ Альфонс I (1112—1185).

⁴ Лацебона — Лиссабон. Был в 1147 г. отвоеван крестоносцами у арабов, владевших им с VIII в.

62

¹ См. I, 45, прим. 1.

² Генрих Лев.

³ Конрад — герцог фон Церинген. Умер в 1152 г.

⁴ Сальтвиделе — Зальцведель.

⁵ Витин — Веттин, на р. Сале (ГДР).

⁶ О местоположении крепости Дубин см. А. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 139 и 180, прим. 559; Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 36; его же. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 92, прим. 6.

63

¹ В подлиннике: «civitas»,— т. е. торгово-ремесленное предместье, посад крепости Любек.

² Об этом нападении Никлота на Любек см. в статье Н. П. Грацианского «Крестовый поход...», стр. 72—93.

³ Утин — теперь Эутин (ФРГ).

64

¹ Сыновья Сарви (Саруи), Иоав и Авесса — библейские персонажи. Вторая книга царств, 14, 1 и 16, 9.

² См. I, 22, прим. 15.

65

¹ О крестовом походе на славян см. Н. П. Грацианский. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3.

¹ Жители пограничных военных областей — марок (см. I, 8, прим. 9).

² В Библии рассказывается о подобных подвигах пророков Илии (Третья книга царств, гл. 17) и Елисея (Четвертая книга царств, гл. 4).

¹ См. I, 51, прим. 4—6.

² Эрик V Ягненок (1137—1147).

³ Графа голштинского, Адольфа II.

⁴ К герцогу саксонскому, Генриху Льву.

⁵ Поход Свена против графа голштинского Адольфа относится, видимо, к 1150—1151 гг.

⁶ Травемюнд — предместье Любека.

⁷ Графы были должностными лицами, представителями судебно-административной власти на местах.

⁸ Псалтирь, 76, 11.

⁹ Гартвиг, архиепископ гамбургский (1148—1168), происходил из рода Штаден, состоял в родстве с датским королевским домом, так как сестра его была замужем за Эриком V Ягненком.

¹ См. I, 62, прим. 2.

¹ Об этом же рассказано в кн. I, гл. 11—13, 22.

² То есть папе и императору.

³ Вицелин был посвящен в 1148 г.

⁴ Очевидно, это произошло тоже в 1148 г. В какие точно годы выполнял Эммегард обязанности микилинбургского епископа, сведений нет.

⁵ Борьба за инвеституру закончилась в 1122 г. при императоре Генрихе V компромиссным Вормским конкордатом, согласно которому право назначения епископов принадлежало церкви и императору вместе. Это выразилось в том, что представитель церкви вручал назначенному епископу перстень, представитель светской власти — посох.

⁶ Генрих фон Веттин.

¹ Генрих Язомиргот. См. I, 56, прим. 7.

² У архиепископа гамбургского, Гартвига.

³ Теперь — г. Выборг в Дании. Эта битва произошла в 1151 г.

⁴ Теперь — Шеллан, один из датских островов.

71

¹ Вероятно, речь идет о святилище Яровита, находившемся в земле черзепнян, в г. Волегоще.

72

¹ Брунсвик — теперь г. Брауншвейг (ФРГ).

² Теперь — Госляр (ФРГ).

³ Генинге — теперь г. Гейнинген (ФРГ).

⁴ Конрад умер в 1152 г.

⁵ Генрих Язомиргот.

⁶ Фридрих I Барбаросса (1152—1170), первый представитель династии Гогенштауфенов. Вступление его на престол хронистом датируется неверно (1151), а на полях отмечена правильная дата.

⁷ Мать Фридриха Барбароссы, Юдит, была сестрой Генриха Гордого н, таким образом, теткой Генриха Льва.

73

¹ В Мерзебурге.

² Гартвиг, архиепископ гамбургский.

³ Плач Иеремии 3, 27.

⁴ Неточная цитата из Песни песней Соломона, 8, 6—7.

74

¹ Неизвестно, что давало Гельмольду основание говорить о Любекской республике. Может быть, тот факт, что в 1170 г. Любек получил городское право. Вольным имперским городом он стал лишь в 1226 г.

75

¹ Перефразировка из Исаян, 35, 3.

² Иов, 5, 17.

³ Перефразировка из Матфея, 20, 12.

⁴ Послание к филиппийцам, 1, 23.

77

¹ Эвермод, епископ рацисбургский (1154—1178).

² Генрих фон Бадевид.

78

¹ С королем Фридрихом I Барбароссой.

² Бытие, 28, 18.

79

¹ Герольд, священник, затем епископ альденбургский (1154—1163).

² Ридегесгузен (Ridegeshusen, Reddegeshuse, Reddegeshusen) — теперь деревня Риддагсхаузен возле г. Брауншвейга (ФРГ).

³ Аббат Конрад, епископ любекский (1163—1172) был братом Герольда.

⁴ Герцогиня Клементия, жена Генриха Льва.

⁵ Точнее: архиепископ гамбургский, Гартвиг.

⁶ Бытие, 3, 15.

⁷ Богемский лес — покрытая лесом горная цепь на границе между Чехией и Баварией.

⁸ Тердона — теперь Тортон (в Италии). Осаждена была Фридрихом Барбароссой в 1155 г

80

¹ Папа Адриан (1154—1159).

² Эберхард II, епископ бавембергский (бамбергский) в 1146—1172 гг.

³ Вильгельм I Злой, король сицилийский (1154—1166), сын Рожера II (см. I, 54, прим. 2).

⁴ См. I, 28, прим. 4.

⁵ То есть архиепископу гамбургскому, Гартвигу.

⁶ Латеранцы — от «Латеран» (резиденция папы в Риме).

81

¹ Эдеса — теперь р. Эч, на которой стоит г. Верона.

² Клоза — ущелье возле Вероны.

82

¹ Рустры — одно из фризских племен.

² Прибислав — князь вагров (см. I, 49, 52).

83

¹ См. I, 28, прим. 4.

² Гельмольд употребляет здесь термин «regulī».

- ³ В подлиннике: «regulus».
- ⁴ Колоны — феодальнозависимые крестьяне.
- ⁵ Утин и Гамаля.
- ⁶ Это — так называемый божий суд. Лемех — одна из железных частей плуга.
- ⁷ Второзаконие, 28, 48.
- ⁸ Ратеково — теперь Ратекау, недалеко от Любека.
- ⁹ Иначе: Генриха фон Бадевид.

84

- ¹ См. I, 51, прим. 4.
- ² См. гл. 51, прим. 6.
- ³ См. гл. 51, прим. 5.
- ⁴ Софию.
- ⁵ Жена Свена, Аделаида, была дочерью Конрада, графа фон Веттин, маркграфа Мишны и Лужиц.
- ⁶ Ратисбона — г. Регенсбург (ФРГ).
- ⁷ Лаланд — Лоллан, один из датских островов.
- ⁸ Феония — Фюнен, датский остров.
- ⁹ Дальман, рассказывая о событиях, изложенных в этой главе (F. Dahlmann. Указ. соч., т. I, стр. 267—276), не упоминает о епископе Гелии.
- ¹⁰ Роскильд — теперь Роскиле, на о-ве Шеллан (Дания).

85

- ¹ Герцогу саксонскому, Генриху Льву.

86

- ¹ Медиолан — Милан.
- ² Крумне (Кремона) было взято Фридрихом Барбароссой в 1160 г.
- ³ Рейнольд, канцлер Фридриха Барбароссы, архиепископ кельнский (1159—1167).
- ⁴ Сейм был созван в Беренфорде, близ Артленбурга, в 1160 г.
- ⁵ Сыновья Никлота — Прибислав и Варτισлав (см. I, 87, 92).

87

- ¹ Илово находилось на восточном берегу Зверинского озера (ГДР). Немецкое название крепости было, видимо, Илинбург (см. далее в этой же главе).
- ² Зверин — теперь Шверин (ГДР).

³ Никлот был убит в 1160 г.

⁴ Гунцелин фон Гаген, с 1160 г. граф шверинский — один из самых активных сподвижников Генриха Льва по угнетению славян. Умер в 1185 г.

⁵ Фогт — правитель замка. Лаппенберг сообщает, что лицо это упоминается в грамотах Генриха Льва («Helmoldi Chronica», S. 177, Anm. 1).

⁶ Миликово (Milicou, Malachou, Malachow) — теперь Малхов (ГДР). Славянское название крепости было, видимо, Малахово.

⁷ Имя Людольфа из Пайна (Пейна), должностного лица при Генрихе Льве, по свидетельству Лаппенберга, встречается в им выданных грамотах («Helmoldi Chronica», S. 177, Anm. 1).

⁸ Лаппенберг предполагает, что это граф фон Шота, упоминаемый в двух грамотах от 1163 г. («Helmoldi Chronica», S. 177, Anm. 1).

⁹ Годы, когда Берно занимал кафедру в Микилинбурге, не удалось точно установить, видимо, это было в 1161—1162 гг.

¹⁰ Корец (curitze) — мера сыпучих тел. Единственное славянское слово, занесенное Гельмольдом в свою хронику, не считая топонимики и имен собственных.

¹¹ См. описание славянского плуга в кн. I, гл. 12 и 14.

88

¹ Первольф (Указ. соч., стр. 35) и Богуславский (W. Boguslawski. Указ. соч., т. II, стр. 148) под немецким названием Бальземерланд видели славянское — Белая земля. Марсцинерланд представлял собой западную часть Бальзамерланда, лежал на Лабе между городами Вербен и Арнебург. Так считают Гильфердинг (Указ. соч., стр. 342) и Богуславский (Указ. соч., т. II, стр. 148—149). Они выводят это название из старонемецкого Marsch (современное Moor), болото.

² Очевидно, Богемский лес.

89

¹ Раньше (I, 86) имя Этело (Ethelo) Гельмольд писал — Атело (Athelo).

90

¹ Папа Александр III (1159—1181), раньше кардинал Роланд Бандонелли.

² Антипапа Виктор IV (1159—1161), раньше кардинал Октавий.

³ В Папии, т. е. в Павии.

⁴ Конрад, архиепископ майнцкий (1160—1177), потом зальцбургский, с 1183 г. оячь майнцкий. Умер в 1200 г.

⁵ Цистерциум — современное Ситó (Франция). Там был основан в 1098 г. цистерцианский орден.

⁶ Людовик VII (1137—1180).

⁷ Лаона — теперь Лан (Франция).

⁸ Арар — теперь р. Эна, приток Уазы, впадающей в Сену.

⁹ Вальдемару I Великому.

¹⁰ Владиславу II (1140—1173).

¹¹ Стефану II (1161—1173).

¹² Дивиона — Дижон (Франция).

91

¹ Генрих фон Бадевиде умер в 1164 г.

² Иаков, 2, 10.

³ *Нemmete* — мера веса (нем. ниже-саксонское *Himpten*).

92

¹ Кримме — Кремона.

² В подлиннике: «*rabulatores*» — фуражиры.

³ Гельмольд употребляет здесь термин «*regulus*».

⁴ Притчи Соломоновы, 30, 30.

⁵ До 1 февраля 1164 г. Как показывает сам Гельмольд, в середине февраля этого года началось восстание бодричей против немецких феодалов-угнетателей (см. II, 1).

93

¹ До 1 июля.

² Архиепископу гамбургскому, Гартвигу.

³ 1 мая.

94

¹ Псалтирь, 121.

² До 1 февраля.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Перефразировка из Исаян, 5, 20.

1

¹ Генрих Лев владел одновременно и герцогством Саксонским и герцогством Баварским.

² См. I, 79, прим. 3.

³ Вирра — р. Везер.

2

¹ Фламинги — фламандцы.

² Захария, 3, 2.

4

¹ Адальберта — Альбрехта Медведя.

² Вартислав, сын Никлота, казнен в 1164 г.

³ Вирухне — деревня на берегу Пены, нем. Ферхен (см. «Helmoldi Chronica», S. 199, Апп. 1).

⁴ Район, расположенный к западу от р. Везер.

⁵ Сыновья поморского князя Вартислава I (1124—1136). Старший, Богуслав, княжил с 1156 г. в западной части Поморья; младший, Казимир (1156—1180) — в восточной.

⁶ Псалтирь, 16, 3.

⁷ Столпе — теперь Слупск (Польская Народная Республика).

⁸ Вартислав I был убит в 1136 г.

⁹ Узнам — Узедом, крепость на острове того же названия.

5

¹ Императора Византии Мануила I Комнина (1143—1180).

² В подлиннике: «in castris Domini».

6

¹ Гереман — Герман фон Винцебург; был убит в 1152 г.

² Зигфрид фон Гамбург умер в 1144 г. Его владения куплены Германом фон Винцебург, а после убийства последнего перешли к Генриху Льву (см. «Helmoldi Chronica», S. 204, Апп. 4).

³ Граф Оттон фон Асле, или Аслебург. В 1170 г. еще упоминается (см. «Helmoldi Chronica», S. 204, Апп. 5).

⁴ Удоны — графы фон Штаден.

7

¹ Поход в Италию состоялся в 1166 г.

² Вихман, архиепископ магдебургский (1152—1192).

³ Лаппенберг полагал, что Оттон из Камбурга был маркграфом Мишны («Helmoldi Chronica», S. 205, Апп. 4).

⁴ Зверин (теперь — Шверин) остался за Гунцелином.

⁵ Этот договор между саксонским герцогом и Прибиславом был заключен в 1166 г.

9

¹ Магдебургскому архиепископу Вихману.

² Лаппенберг полагает, что это мог быть Сирус, епископ или, по мнению других, викарий павийский (1160—1166), державший сторону папы Александра («Helmoldi Chronica», S. 209, Апп. 3).

10

¹ По мнению Лаппенберга («Helmoldi Chronica», S. 210, Апп. 1, 3), Гельмольд ошибся, говоря в этой главе об интронизации папы Каликста. На самом деле в 1167 г., к которому относятся все события, описываемые в этой главе, император Фридрих Барбаросса вводит в Рим избранного его сторонниками еще в 1161 г. Пасхалия III и ставит его в папы. Каликст же избирается в 1168 г. после смерти Пасхалия.

² Император осаждал не Геную, а Анкону (см. «Helmoldi Chronica», S. 210, Апп. 4).

³ Христиан, епископ майнцский (1160—1183).

⁴ Тускуланум — Тускулум.

⁵ Бытие, 6, 11.

⁶ Такой святой: Петр в оковах.

⁷ Герман, епископ верденский (1149—1167).

⁸ Герцог Фридрих фон Ротенбург, муж Гертруды, не единственной, а старшей из двух дочерей Генриха Льва.

⁹ В 1168 г. Генрих Лев женился во второй раз, взяв в жены Матильду, дочь английского короля Генриха II (1154—1189).

11

¹ Очевидно, имеется в виду образовавшийся в марте 1167 г. союз североитальянских (ломбардских) городов — Милана, Кремоны, Мантуи, Вероны и других — против Фридриха Барбароссы.

² По одним источникам, этот сейм состоялся до июля 1168 г., по другим — в 1169 г., после смерти архиепископа гамбургского Гартвига (см. «Helmoldi Chronica», S. 212, Апп. 3). Вероятно, первое более правдоподобно.

³ Раммельсберг — богатая полезными ископаемыми гора в Верхнем Гарце к югу от Госляра.

12

¹ Взятие датчанами главного города ран, Арконы, и разрушение святилища Святовита произошло в 1168 г. Более подробно это описано Саксоном Грамматиком в его «Хронике» (гл. XIV).

² Абсалон, епископ roskildeьский (1158—1191).

³ Послание филиппийцам, 2, 15.

⁴ По одним сведениям, Яромир крестился в 1167 г.; по другим — в 1170 г. Н. П. Грацианский считает, что вторая дата правильнее («Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией», стр. 41).

⁵ Ср. I, 6 и 52.

⁶ Аркона находилась в северной горной части острова Рюген. До недавнего времени сохранялся высокий, вышиной в 10—13 метров, древний вал, единственный след, оставшийся от знаменитого города и святилища ран.

13

¹ Это нападение славян на Данию произошло в 1169 г.

² Альфзе — теперь Альс, о-в в Малом Бельте. Особенно пострадал во время описанного выше нападения. С 1919 г. принадлежит опять Дании.

³ Христофор — Кристоф, побочный сын короля датского Вальдемара I, был наместником в Шлезвиге.

⁴ Датчане совершили два похода против славян. По поручению отца, Кристоф в 1170 г. напал на Вагрию, а кроме того, опустошил и землю поморян; в следующем году сам Вальдемар занял Щецин. Все события, нашедшие отражение в этой главе, изложены у Саксона Грамматика (гл. XIV).

⁵ Имеется в виду император Оттон I.

14

¹ Гертруда, дочь Генриха Льва, овдовевшая в 1167 г., вторично вышла замуж в 1171 г. за датского престолонаследника Кнута, впоследствии короля Кнута VI Благочестивого (1182—1202). Об этом см. F. Dahlmann p. n. Указ. соч., т. 1, стр. 309—310.

² Деяния св. апостолов 9,5 и 26,14.

³ В 1170 г. Фридрих Барбаросса утвердил договор, заключенный в 1166 г. между Генрихом Львом и Прибиславом, и этим самым было оформлено в составе империи Мекленбургское славянское княжество, с течением времени онемеченное.

⁴ Росток — город в ГДР.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абелин 70, 75, 155
Абсалон 236
Адальберт, архиепископ гамбургский 75
Адальберт, архиепископ магдебургский 53
Адальберт, маркграф из Сальтвиделе 228
Адальберт, пфальцграф из Зомересбурга 228
Адальберт (Адельберо), архиепископ гамбургский 117, 119, 120, 143, 155
Адальберт (Альберт) Медведь 99, 132, 133, 135, 136, 148, 163, 164, 200, 221
Адальберт (Войцех) 34, 61
Адальберт из Сальтвиделе 144
Адам (Бременский) 60
Адельберо, см. Адальберт, архиепископ гамбургский
Адельбургис 174
Адельгарий 47
Адельдаг 50, 51, 53, 55, 60, 67
Адольф (I) из Сковенбурга, граф голштинский 99, 112, 122, 125, 131, 136
Адольф II, граф голштинский 125, 127, 133, 136—138, 140, 144, 151, 160—162, 166, 169—171, 188, 191, 192, 195—197, 201, 203, 205, 208, 211, 221—225, 228
Адриан 178, 202
Алебранд 70
Александр (Роланд) 202, 204, 231—233
Альберт, см. Адальберт Медведь
Альберт, архиепископ могонтский 109
Анадраг 70
Ансвер 76
Ансельм 118
Анскарий 41—43, 45, 47, 49, 53
Арист 75, 155
Арнульф 47, 48
Атело (Этело) 197, 202
Бенно, герцог саксонский 56, 60, 64, 66, 67
Бенно, епископ альденбургский 68, 69, 155
Беренвард 69
Берингарий 53
Бернард, герцог саксонский 64—69, 74, 76
Бернард из Клерво 139, 140, 173
Бернгард 204, 226
Берно 199, 220, 230, 236
Биллуг 56, 57, 59, 60
Блюссо 77
Богуслав 222, 224, 226, 235
Болеслав 61
Болеслав (I Храбрый) 61
Болеслав (III Кривоустый) 111

- Бруно, герцог саксонский 47
Бруно, священник в Любеке 132
Бруно, священник в Фальдере, по-
том в Альденбурге 167, 169, 190,
191, 211, 240
Букко 84, 85
Бурдин 111
Бутуй 77—83
- Ваго 56, 58, 60, 155
Вальдемар (I Великий) 128, 150,
192, 194—196, 197, 221, 224, 235
Вартислав, князь поморский 111
Вартислав, сын Никлота 198, 207—
209, 217, 221, 224
Ведекинд из Дазенберга 228, 234
Вельф, герцог баварский 84
Вельф, см. Генрих Лев
Виберт, см. Клеменс
Видекинд 39
Виктор (Октавиан) 202
Вильгельм Сицилийский 180
Вихман 228
Вицелин 112—120, 122, 124, 125,
130—132, 134—136, 138, 139, 149,
156, 162, 165—170, 172, 173, 175,
182, 184, 190, 210
Вицело 84, 85
Вольдемар 102
Ворм 48, 49
Вульфийда 99
- Гарольд 49—51, 61, 62
Гартвиг 154—156, 182, 203, 216, 229;
231
Гартманн 113
Гартунг 125
Геласий 111
Гелий 194
Гельмольд 31, 32, 214
Гемминг 40
Генрих I 48—50
Генрих II 63, 64, 67, 68, 70
- Генрих III 75
Генрих IV 75, 78, 84—89, 95, 106,
109
Генрих V 96, 106, 111, 112
Генрих, граф 228
Генрих, граф из Рацисбурга 204
Генрих, граф Тюрингии 234
Генрих из Бадвида 133, 136, 137,
171, 192
Генрих из Вита 157
Генрих из Скатен 199, 218
Генрих, король бодрицкий 77, 78,
96—98, 100—106, 112, 120, 122—
125, 134, 138
Генрих (Гордый) 132, 133, 135, 136
Генрих Лев (Вельф) 99, 137, 140,
143, 155, 193, 198, 204, 211, 216,
221, 227, 233
Генрих, маркграф австрийский, по-
том герцог баварский 137, 160,
164
Гереман 76
Гереман, граф 164
Гереман, епископ верденский 233
Гереман, епископ хильдесгеймский
228
Гереман из Винцебурга 227
Гереман, настоятель Фальдеры 211
Геривард 63
Геридаг 40
Геринман 131, 133
Герлав 146, 147
Герман, священник 132
Герман (Биллунг), герцог саксон-
ский 51, 52, 56
Герман Клюфлех 88
Герольд 32, 175, 176, 182, 184, 188—
191, 197, 199, 201, 203, 205, 210,
211, 216
Гертруда 137
Гнеус 70
Гогер, архиепископ гамбургский 48
Гогер фон Мансфельд 110

- Годика 56, 61
Горн 196
Готфрид, граф голштинский 99
Готфрид, король датский 40
Готфрид, Бульонский 87, 89, 98
Готшалк, князь бодричей 70—72, 74—79, 96, 190
Готшалк, священник 237
Григорий (VII) 85, 88, 95
Грин 78—79
Гуннильда 51
Гунцелин 199, 204, 207, 218—220, 222, 223, 226, 242
- Дазо** 123
Дезидерий 88
Деилав 191
- Евгений (III)** 139
- Жива** 129
- Звинике** 123
Зедерих 61
Зигфрид 63
Зигфрид из Гамбурга 227
- Имма** 134
Иннокентий (II) 112
Иоанн 75, 76, 155
Иоанн XII (Октавиан) 52
- Казмир** 222, 224, 226, 235
Каликст 232, 233
Карл, брат Лотаря, короля французского 56
Карл Великий, император 38—41, 48, 50—52, 236
Карл (Лысый), король французский 42, 46
Карл (III Толстый), король немецкий 46, 47
Катулл 99
Клеменс (Виберт) 88, 89
Клементия 155, 161, 162, 233
- Кнут (II Великий), король датский** 72
Кнут (V), король датский 128, 150—152, 154, 161, 165, 192, 194
Кнут, сын Генриха, короля бодрицкого 120, 122
Кнут Лавард, король бодрицкий 123—129, 131, 150
Конрад, аббат, потом епископ любекский 175, 216, 217, 230, 231, 234
Конрад, герцог франконский, потом король и император Конрад III 111, 112, 133, 137, 139—141, 160, 163, 164, 233
Конрад, граф эверштейнский 113
Конрад, епископ могонтский 202
Конрад (II) император 70, 75
Конрад, король немецкий 48
Конрад из Витина 144, 192
Конрад из Церинге 143, 155
Константин 40
Крут 78, 79, 81, 83, 96, 97, 133, 134, 138, 160
- Лев (VIII)** 52
Лев (IX) 75
Либенций II 70
Либенций Старый 66, 67
Лотарь (Людер), император 98, 99, 106, 110—112, 124—126, 130, 132, 136, 138, 227
Лотарь, король французский 56
Лотарь, сын Людовика Благочестивого 42
Любомир 209
Людер, герцог саксонский, см. Лотарь, император
Людовик (Благочестивый) 41, 42, 46, 236
Людовик II, король немецкий 42, 43, 45, 46
Людовик Дитя 43
Людовик, ландграф Тюрингии 228

- Людовик (VII), король французский 140—142, 203
Людольф из Пайна 199
Людольф, настоятель в Зигеберге 211, 212
Людольф, священник 114—116
Людольф, священник в Фальдере, потом в Любеке 121, 123, 125, 132, 133
Людольф, священник в Фальдере, потом в Кузалине 168, 170, 171, 175, 176, 182, 189
Людольф, священник верденский 119
Людольф, фогт 199
Лютмунд 121, 132
Лютберт 167, 168
- Магнус**, герцог саксонский 79, 84, 85, 97, 98
Магнус, сын Николая, короля датского 123, 125—128, 150
Марк 53—55, 60, 155
Марквард 47
Маркрад, старейшина Вагрии 120, 196
Маркрад, старейшина в Гользати 205, 222
Матильда 110
Мейнер, см. Мейнгер
Мейнгер (Мейнер) 70, 155
Мехтильда 191, 225
Мечидраг 64
Мечислав 57, 59, 61
Мике 160
Мстивой 64—66, 73
Мстивой, сын Генриха, бодрницкого короля 101, 102
- Након** 61
Никлот 124, 129, 138, 143—145, 148, 162, 188, 193, 196—198, 207, 209, 217
Николай 123, 125, 127, 128
- Нотберт 119
- Оддар** 65
Одо 212
Ордульф 76, 77, 79
Отельрик 184
Оттон, герцог баварский 84, 85
Оттон, граф фон Балленштедт 99
Оттон, епископ бавембергский (бамбергский) 111, 224
Оттон из Асле 227, 228
Оттон из Камбурга 228
Оттон I Великий 50, 51, 53—56, 60, 68, 69, 155, 240
Оттон II 56, 60, 61
Оттон III 56, 60, 63
- Пасхалий II** 88, 89, 106, 110, 111
Пасхалий III 232
Петр (Амьенский) 89
Пипин 42
Пипин (Короткий) 38
Подага 186
Прибислав, князь вагров 124, 129, 132—134, 184, 185, 187, 188
Прибислав, сын Никлота 198, 207—210, 217—219, 221, 222, 226, 228, 235, 242
Прове 129, 160, 185, 186
- Радольф** 118
Раце 133, 134
Регинберт (Рейнберт) 67, 155
Редегаст 37, 73, 77, 129
Реймберт 45, 47, 49
Рейнберт, см. Регинберт
Рейнвард 48
Рейнгер 110
Рейнольд, архиепископ колонский 197, 202, 228, 232, 233
Рейнольд, граф дитмаршей 222, 223
Рейхард из Сальтвиделе 220
Рикенца 126, 130, 133, 136, 227
Родольф, монах 145

Родольф, священник 115, 119
Родульф 84—87
Рожер (II) 132
Рохель 160

Свен I Отгон 51, 61, 62
Свен III 128, 150, 151, 154, 161,
163, 192—194
Святовит 130, 235, 236
Святополк 120, 122, 123
Сергий 42
Славина 96, 97
Статий 113

Теодор 168
Теодорик, граф 63
Теодорик, епископ минденский 47
Теодорик, маркграф 64, 66
Теодорик, священник 116
Тетмар 116—118, 139, 149, 164—
169
Тешемир 185, 186

Удо, князь бодричей 70
Удо, маркграф 84, 85
Удоны 227
Унван 67
Унни 45, 49, 50, 61
Урбан (II) 88

Фредерик, архиепископ гамбург-
ский 116
Фредерик, герцог свевский, потом
король и император Фредерик I
Барбаросса 140, 164, 178, 193,
196, 232
Фредерик, герцог свевский, отец
Фредерика I Барбароссы 164

Фредерик, граф арнесбергский 110
Фредерик фон Ротенбург 241
Фольквард (Фольхард), епископ
альденбургский 67, 155
Фольквард, священник 121, 123,
139
Фолькер 133
Фольхард, священник 172
Фольхард, см. Фольквард

Христиан, граф альденбургский
222, 223, 228, 229
Христиан, епископ могонтский 232
Христофор 239

Чернобог 130

Эвермод 171, 192, 199
Эггегард 111
Эзико 60, 67, 155
Эзо 75, 155
Эйлике 98
Эквард 55, 60, 155
Эммегард 156, 199
Эппо 121, 167, 170, 173, 175, 190,
211
Эрик III 123
Эрик IV (Газенвот, Эмун) 127, 128,
135, 150
Эрик V Спак 150
Этелерий 150—153
Этело, см. Атело

Яромир 236

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ

- Агримесов** 138, 146
Аквисграна 47
Аквитания 42
Альберг, см. **Ойльберг**
Альбия 36, 37, 39, 40, 42, 44, 53, 61, 62, 65, 66, 68, 77, 80, 81, 101, 120, 131, 182, 200, 201, 217; 221, 227, 241
Альденбург (Старгард) 37, 53, 54, 56, 65, 67, 73, 96, 131, 138, 150, 159, 184, 189, 190, 191—193, 197, 201, 239
Альденбург в земле фризов 222, 228
Альденбургская земля 136, 186
Альденбургская епархия, кафедра, церковь, епископство 32, 53, 55, 60, 68, 69, 72, 75, 78, 155, 172, 175, 176, 189, 199, 201
Альдеслеф 228
Альпы 106
Альфзе 239
Амерланд 222, 228
Англия 72, 110, 197, 202, 233
Англы 142
Антиохийская церковь 202
Антиохия 89
Апулия 132, 180
Араp 203
Аркона 238
Бавария 34, 84, 133, 160, 176, 196, 203, 211, 216, 227, 233
Баварское герцогство 161, 164, 193
Бавемберг (Бамберг) 234
Бамбергское епископство 63
Балтийское море 33, 36, 37, 49, 53, 54, 101, 136, 241
Бальзамерланд 201
Бальзамов земля 201
Бардевик 130, 133, 157, 170, 171, 237
Барды 66, 78, 80, 97
Беренфорде 197
Бирка 44, 49, 50
Богемия 35, 36, 125, 203
Богемские горы 201
Богемский лес 176
Богемцы 33, 35, 36, 47, 48, 75, 225
Бодрицкая земля 68, 206, 207, 218, 222, 225, 228
Бодрицкое государство, королевство 124, 125, 225
Бодричи 37, 40, 44, 54—59, 68, 69, 72, 73, 77, 101—103, 112, 122, 124, 131, 143, 155, 162, 193, 199, 200, 204, 207, 225, 235
Бокельдебург 70
Борнговеде 159, 205
Бранденбург 53, 101

- Бранденбургское епископство 200
Бранденхуз 239
Брежане 101, 102, 200
Бремен 67, 116, 117, 119, 133, 139, 157, 165, 166, 184, 228, 229
Бременская епархия, Бременское епископство 36, 43
Бременский капитул 176
Британия 143
Британский океан 34, 36
Британское море 62
Бритты 142
Брунsvик 163, 164, 175, 184, 188, 199, 209, 217, 225
Бузу 31, 58, 68, 160, 163, 169, 182, 189, 212, 214
Буку 138
Бургундия 42
Бургунды 203
- Вагрия 37, 178, 182, 184, 188, 189
Вагрская земля, область 137, 138, 144—146, 150, 154, 170, 171, 175, 191, 204, 206, 210, 237
Вагрское графство 228
Вагры 37, 44, 53, 55, 58, 68, 69, 72, 80, 101, 112, 124, 125, 127—162, 200
Вандалы 36
Варварское море 33
Варна 198
Варны 37
Вельфесхольт 108, 110
Вемере 37
Венгрия 203
Венды 70
Вербен 68
Верона 181, 182
Вестфалия 137, 147
Вестфальцы 138, 145, 219
Виберг 161, 194
Визера (Вирра, Виррага) 63, 112, 143, 217
- Вилины 37
Вильцы 36, 37, 59, 73
Виниты 36, 44, 61, 70
Винулы 36—38, 44, 61, 64, 68
Винцбург 164, 227
Виппенторп, см. Фальдера
Вирра, см. Визера
Виррага, см. Визера
Вирухне 221
Вобицы 189
Вокница 138, 195, 197
Волигост Юлия Августа 103
Ворден 176
Вурле 122, 198, 199, 207
- Гавельбург 53, 101, 102
Гавельбургское епископство 200
Гавола 37, 200
Гаволяне 37
Гагересторп, см. Кузалина
Галатия 143
Галлия 42
Гамаля 188
Гамбург 40—43, 65, 67, 77, 99, 120, 136, 227, 229
Гамбургская епархия, митрополия, церковь, Гамбургское архиепископство 36, 41—45, 51, 67, 155, 156, 182
Гамбургский диоцез 204
Гарц 83, 84
Гарцберг 84
Гателен 62, 217
Гейдебо, см. Шлезвиг
Генинге 163
Генуя 232
Георгия св. рука, залив 142
Германия 42, 43, 86
Герулы 37
Глиндесмор 63
Глиняне 37
Голландия 137, 201
Голландцы 138, 145, 200, 201, 219
Гользатия 71, 103, 122, 123, 128,

- 151, 162, 221
Гольцатское графство 228
Гольцаты 44, 70, 77, 80, 81, 83, 97,
100, 120, 122, 135—138, 146, 151,
154, 155, 162, 204—206, 208, 221,
223
Горгене 174
Горесборг 176, 217, 230, 231
Гослярия 163, 164, 232
Готтесвельде 189
Готы 49
Греки 33, 36, 56
Греция 33, 40, 41, 141, 142
Гуины 33, 34
- Дазенберг 234, 235
Дания 40, 43, 44, 48—51, 61, 75, 78,
96, 124, 126—129, 134, 135, 148,
150, 151, 154, 156, 161, 162, 164,
165, 187, 193—195, 197, 202, 203,
225, 235, 238, 240, 241
Данская земля 193, 239
Данское королевство 49, 77, 194,
227, 241
Даны 33, 34, 38, 40, 42, 43, 46—50,
52, 54, 61—63, 74, 78, 123, 124,
126—129, 141, 143, 144, 148, 155,
187, 191—193, 196, 206, 209, 238—
240
Даргунский округ 138, 145
Деричево 68
Дивиона 203
Димин 37, 44, 54, 72, 147, 148, 155,
222, 224, 226
Диневек 126
Дитмарши 44, 70, 80, 81, 83, 97, 120,
151, 222, 223
Дитмаршское графство 227
Добин 198
Доленчане 37, 73, 74
Дошане 37
Дубин 144, 148
Дулзаница 161
- Европа 36, 40, 41
Западный океан 33
Зверин 198, 199, 207, 210, 220, 221,
226, 228, 241, 242
Зеландия 162, 192, 194
Зеландцы 200
Зигеберг 58, 130—133, 136—138,
145, 150, 168, 172, 189, 211
- Иерусалим 75, 77, 87, 89, 123, 140
Иерусалимская церковь 202
Илинбург, см. Илово
Илово (Илинбург) 198, 199, 210,
218—221, 242
Ингельсгейм 89
Испания 88, 140, 143, 202
Италия 42, 51—53, 60, 64, 87, 88,
106, 132, 172, 176, 177, 181, 188,
228, 232
- Калабрия 56
Каринтийцы 33, 35
Квернгамеле 112
Клерво 231
Клюза 181
Колония 42, 47, 93, 94, 143
Константинополь 40, 142
Корвейя 45, 236
Кремпина 191
Кримме, см. Крумне
Крумне (Кримме) 197, 208
Круцебург 137
Кузалина (Гагересторп) 139, 145,
149, 159, 163, 166, 168, 172, 182,
189
Кунигисхо 152
Куцин 68, 199, 210, 220
- Лаланд 193, 194
Лангобардия 87, 110, 176, 181,
196, 202, 232—234
Лангобарды 232
Лаона 203

- Лацебона 143
Левенштад 195
Ленчин (Леонтия) 73, 76
Леодиум 94, 95
Леонтия, см. Ленчин
Лестмона 63
Лигер 46
Линтбург 92, 93
Лины, линоги 102
Лотарингия 42, 46, 48
Любек 31, 32, 73, 98—100, 101, 112, 119, 122, 123, 125, 131—134, 138, 145, 159, 162, 170, 171, 187, 193, 195—197, 201, 210, 211, 213, 216, 226
Любекская кафедра, церковь 31, 32, 174, 202, 205, 210, 213, 230
Любекская республика 168
Любушане 37
Люнебург 70, 79, 133, 160, 161, 171, 217
Лютилинбург 54, 122, 138, 212
Лютилинбургская земля 136
Лютичи 37, 65, 73, 101, 112, 143
Люттур 132
- Магдебург** 53, 56, 66, 171, 229, 231
Магдебургское архиепископство 53
Магнополис, см. Микилинбург
Магнополь, см. Микилинбург
Маз 94
Марсциннерлаид 201
Марциполис, см. Мерзебург
Медиолан 196, 197, 202, 203, 208
Мерзебург (Марциполис) 53, 87, 164—166, 176, 183
Микилинбург (Магнополис, Магнополь) 37, 56, 57, 61, 73, 75—77, 156, 197—199, 210, 217, 218, 219, 221, 236, 239, 242
Микилинбургская церковь 55, 155
Милеторп 120
Миликово 199, 210, 220, 221
- Минден 112, 225
Мисна 53
Могонтия 47, 90, 110
Моза 47
Моравы 33, 36
Морице 68
- Незенна** 58, 68
Никея 89
Новый монастырь, см. Фальдера
Норвеги 46, 49
Норвегия 67, 75, 156, 195
Нордальбинги 40, 43, 97, 98, 102, 120, 122, 127, 128, 131, 133, 221
Нордальбингия 44, 65, 67, 112
Нордальбингская земля, провинция 42, 70, 78, 80, 83, 161
Норманния 72
Нортмандия 46
Нортманны 33, 40, 42, 46, 47, 50
- Одра 36, 37, 61, 66, 111
Ойльберг (Альберг) 58, 124
Оломоуцкое епископство 35
Острогард 33
Оттензунд 50
- Папия** 202
Париж 46
Патенбурн 113
Пена 37, 44, 72, 73, 103, 155, 187
Персия 142
Плуньская земля 136, 138
Плуньское озеро 138, 146
Плуня 80, 122, 131, 136, 138, 169, 186, 192, 212
Полабская земля 137, 192
Полабы 37, 69, 72, 97, 101, 103, 155, 171, 200, 204, 206
Полония 35, 36, 61, 111
Полоны 33, 35, 101, 111, 225
Поморяне 36, 101, 111, 224, 225, 235
Пражское епископство 35
Прусы 33, 34, 61

- Равенна** 88
Раммельсберг 235
Раниберг 101
Раны (руны, руяне) 38, 44, 45, 59, 99, 100—103, 105, 106, 235, 237, 241
Ратарн 37, 73, 74
Ратисбона 193
Рацисбург 37, 73, 75, 76, 131, 137, 171, 192, 195, 226
Рацисбургское епископство, церковь 155, 199
Рейн 34, 38, 39, 42, 48, 86, 200
Ретра 37, 65, 77
Ридегесгузен 175, 183, 184
Рим 41, 42, 53, 56, 63, 86, 88, 106—108, 112, 132, 176, 177, 180, 183, 232, 233
Римская империя 34, 41, 46, 54, 89
Римская церковь 180
Рипа 43, 193, 194
Роскильд 194
Россевельде 156
Росток 242
Рука св. Георгия, см. Георгия св. рука
Руны, см. раны
Русское море 33
Рустры 184
Русы 33
Русь 33, 35, 61, 195
Руяне, см. раны
Руянская земля 236, 238
Саксония 34, 39, 43, 44, 47, 48, 51, 52, 64, 67, 75, 84, 109, 110, 112, 119, 132, 133, 135—137, 147, 154, 161, 163, 164, 175, 176, 182, 192, 197, 203, 204, 211, 216, 221, 227—229, 231, 233, 234
Саксонское герцогство 52, 99, 164
Саксы 36, 38, 39, 48—50, 54, 55, 62, 63, 70, 71, 74, 76, 78, 81—88, 96—99, 103—105, 110, 132, 133, 136, 188, 192, 196, 201, 212, 219, 223, 238
Сала 53
Сарацины 56
Свала 81, 136, 138, 146
Свевия 34, 163, 175, 177, 182
Свевы 86, 87
Свентинсфельд 138, 146, 205
Свеоны 33, 43, 44, 46, 49
Секвана 46
Сембы 49
Сицилия 88
Скальцисбург 67
Скифское море 33
Скифы 33
Скония 128, 194
Скуллеби 152
Славия 43, 53, 54, 61, 65, 67, 68, 70, 74, 98, 119, 120, 125, 136, 155—157, 169, 175, 185, 190, 200, 201, 204, 221
Славяне 33, 36—38, 40, 42, 44—47, 49—53, 55, 56, 58, 60, 61, 63—65, 67, 69, 70, 73—78, 80, 83, 97—99, 102, 104—106, 111, 112, 119—121, 123, 124, 129, 130, 132, 135, 136, 138, 140, 144, 145—148, 150, 154, 155, 160, 184—186, 188, 191—193, 196, 198, 200, 201, 207—209, 212, 218—225, 227, 235, 239—242
Славяния 33, 51, 53, 60, 67
Слня 124
Смилово 97
Сольтведеле 201
Сорабы 33, 36, 47, 48, 225
Спир 94
Стадия 62, 63
Старгард, см. Альденбург
Стодоряне 37, 101, 200
Сусле 138, 146, 147, 191
Сусы 47
Тевтонская земля 87, 139, 234
Тевтонцы 219

- Тердона 177
Тибр 107, 180
Тиэвель 128
Тодесло 171
Травенемунде 154, 162
Травна 37, 58, 100, 101, 103, 131,
136, 138, 145, 137
Траектум 47, 111, 137, 200
Трансальбинги 123
Тревер 47
Тур 46
Тускуланум 232
Тюринги 38
Тюрингия 137
- У**
Угрия 141
Угры 33, 34, 48, 75
Узнам 224
Унстрот 84
Утин 146, 188, 189
Утинский округ 138
- Ф**
Фальдера (Новый монастырь, Вип-
пенторп) 120, 121, 123, 125, 133,
134, 139, 149, 157, 158, 163, 166—
169, 172—175, 182, 190, 210, 211
Фальдерская область 135
Фальдерская церковь 159, 167, 172
Феония 193
Феуле 114
Фламинги 218
Фландрийцы 200
Фландрия 137, 199
Франкеворд 139
Франки 38—42, 111
Франкское королевство 40
Франция 46, 48, 88, 117—119, 165,
202, 203, 231
Французы 140, 204
Фриборг 176, 230, 231
- Фризия 46, 47, 137, 217, 229, 230
Фризы 40, 42, 138, 146, 184, 222,
228
- Х**
Хижане 37, 45, 54, 55, 69, 72—74,
101, 122, 162, 198, 200, 207
Хунигард 33
Хуэ 33
- Ц**
Цистерциум 202
Цицен 53
- Ч**
Черезпеняне 37, 45, 72—74, 101,
162, 207, 239
- Ш**
Швеция 42, 44, 49, 75, 156, 195
Шлезвиг (Гейдего) 43, 49, 50, 54,
55, 77, 124—128, 151, 193
Шлея 54
Шотландия 75
Штаден 176, 182, 210, 216, 227, 229,
230
Штаденское графство 234
Штурмария 103
Штурмарское графство 228
Штурмары 44, 70, 77, 80, 81, 83, 97,
99, 120, 122, 136, 137, 151, 154,
162, 221
- Э**
Эверштейн 113
Эгдора 40, 54, 124, 127, 128, 152,
154, 226, 241
Эдеса 181
Эзего 70
Эртенбург 123, 188, 197, 230
- Ю**
Юлий Цезарь 103
Юлия Августа, см. Волигост
Юмнета 36, 62
Ютландия 161, 194

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
-----------------------	---

СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА

Книга первая

Предисловие	31
1. О разделении славян	33
2. О городе Юмнета	36
3. Каким образом Карл [Великий] обратил саксов в веру	38
4. О разделе империи	41
5. О путешествии св. Ансгария в Швецию	42
6. Об обращении руян	44
7. Нападение нортманнов	46
8. Нашествие угров	48
9. Обращение Гарольда	50
10. О герцоге Германе	51
11. Об архиепископе Адальберте	53
12. О епископе Марке	53
13. О епископе Ваге	56
14. О хитрости Биллуга	57
15. О Свене, короле данском	61
16. Каким образом славяне отпали от веры	63
17. О епископе Унване	67
18. О епископе Бенно	68
19. О преследовании Готшалком [христиан]	70
20. О вере Готшалка	72
21. Война доленчан	73
22. О восстании славян	74
23. Мученическая смерть св. Иоанна епископа	76
24. Первое отпадение славян от веры христовой	77
25. О Круте	78
26. О смерти Бутуя	83
27. О постройке Гарцберга	84

28. О публичном покаянии короля Генриха	85
29.	86
30.	88
31. О послании монаха Петра	89
32. Низложение императора Генриха	89
33.	92
34. О смерти Крута	96
35. О смерти графа Готфрида	98
36. О поражении ран	99
37. О победе Мстивоя	101
38. Поход славян в землю ран	102
39. Умерщвление римлян	106
40. О битве при Вельфесхольт	108
41. Избрание Людера	111
42. О епископе Вицелине	112
43. О кончине священника Людольфа	114
44. О настоятеле Тетмаре	116
45.	117
46. Прибытие Вицелина в Славию	119
47. О раскаянии нордальбингов	120
48. О Святополке	122
49. О Кнуге	123
50. О Николае	125
51. Об Эрике	127
52. Об обычаях славян	129
53. О постройке Зигеберга	130
54. Смерть императора Лотаря	132
55. Преследование Прибислава	133
56. Смерть герцога Генриха	135
57. Постройка города Любека	137
58.	138
59. О святом Бернарде, аббате из Клерва	139
60. О королях Конраде и Людовике	141
61. Завоевание Лацебоны	143
62. О Никлоте	143
63. Сожжение кораблей	145
64. О пресвитере Герлаве	146
65. Об осаде Димина	147
66. О голоде	148
67. О смерти Этелерия	150
68. О герцоге Генрихе	155
69. Об архиепископе Гартвиге	155
70. О графе Адольфе	160

71. О Никлоте	162
72. О короле Конраде	163
73. Смерть священника Тетмара	164
74. О похоронах Тетмара	167
75. О болезни епископа Вицелина	168
76.	170
77. О епископе Эвермоде	171
78. Смерть Вицелина	172
79. О Герольде, епископе альденбургском	175
80. Посвящение императора Фредерика	178
81. О повешении веронцев	181
82. Соглашение епископов Гартвига и Герольда	182
83. Обращение Прибислава	185
84. О смерти Кнута	192
85. О постройке Левенштада	195
86. Осада Меднолана	196
87. Убийство Никлота	198
88. Об Альберте Медведе	200
89. Переселение Альденбургского епископства	201
90. Раскол между [папами] Александром и Виктором	202
91. О десятине голызатов	204
92. Пленение Вартислава	207
93. Освящение Нового монастыря	210
94. Смерть епископа Герольда	211

Книга вторая

Предисловие	214
1.	216
2.	217
3. О епископе Берно	220
4. Повешение Вартислава	221
5. О погребении графа Адольфа	225
6. Восстановление Димина	226
7. Зависть государей к славе герцога	227
8. Разорение бременцев	229
9. Изгнание епископа Конрада	230
10. Интронизация папы Каликста	232
11. Примирение князей и герцога	233
12. О Святовите, идоле руян	235
13. Превращение тела и крови	238
14. Примирение короля данского с герцогом	241

Приложения

Примечания	245
Указатель имен	286
Указатель географических и этнических названий	290

Г е л ь м о л ь д

Славянская хроника

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *К. А. Гусева.*

Художник *Л. Г. Ларский*

Технический редактор *И. А. Макоглонова*

Корректор *Т. В. Гурьева*

РИСО АН СССР № 73-85—В. Сдано в набор 22/IX 1962 г.

Подписано к печати 28/II 1963 г.

Формат 60×90^{1/4}. Печ. л. 18,75.

Уч. изд.. л. 14,2 Тираж 2500 экз. Изд. № 271.

Тип. зак. 1225

Цена 1 р.

Издательство Академии наук СССР

Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР

Москва Г-99, Шубинский пер., 10